Сергей Георгиевич Кара-Мурза

Кремль. Отчет перед народом

Введение

Вот уже 20 лет правительства президентов Б.Н. Ельцина, В.В. Путина, а теперь Д.А. Медведева проводят программу перевода всех сторон нашей жизни на рыночные отношения. Множество ученых показали, что эта утопия недостижима нигде в мире, однако на Западе по законам рынка может действовать относительно большая часть человеческих взаимодействий. В России же тотальное подчинение рынку было бы убийственным и повлекло бы гибель большой части населения.

На эти вполне корректные, академические указания ни президенты, ни правительства не отвечают – они делают вид, будто всех этих трудов русских экономистов, географов, социологов, начиная с XIX века, просто не существует. Вся доктрина реформ в России игнорировала культурные различия как несущественный фактор. Ударом по ядру ценностей России как цивилизации стала попытка придать конкуренции статус высшей ценности. Временами эта попытка выходила за разумные рамки. При этом интеллектуалы, которых власть привлекала для этой миссии, затруднялись даже определить, о чем идет речь.

Пресса сообщала, не без сарказма: «Накануне выборов Президента Российской Федерации (в 2004 г.) два десятка видных экспертов и экономистов пытались ответить на вопрос: сможет ли воплотиться в жизнь предложение Владимира Путина придать теме конкурентоспособности страны статус российской национальной идеи? Высказанные в ходе дискуссии позиции поразили разнообразием, а иногда наводили на мысль: а все ли хорошо понимают сам предмет разговора?»

Вера в то, что западная модель экономики является единственно правильной, доходила до идолопоклонства (если только она была искренней). Экономист В. Найшуль, который участвовал в разработке доктрины, даже опубликовал в «Огоньке» статью под красноречивым названием «Ни в одной православной стране нет нормальной экономики». Это нелепое утверждение. Православные страны есть, иные существуют по полторы тысячи лет – почему же их экономику нельзя считать нормальной?

Странно как раз то, что российские экономисты вдруг стали считать нормальной экономику Запада – недавно возникший тип хозяйства небольшой по населению части человечества. Если США, где проживает 5 % населения Земли, потребляют 40 % минеральных ресурсов, то любому овладевшему арифметикой человеку должно быть очевидно, что хозяйство США никак не может служить нормой для человечества.

Иногда пафос реформаторов доходил до гротеска, и в «Вопросах философии» можно было прочитать: «Перед Россией стоит историческая задача: сточить грани своего квадратного колеса и перейти к органичному развитию… В процессе модернизаций ряду стран второго эшелона капитализма удалось стесать грани своих квадратных колес… Сегодня, пожалуй, единственной страной из числа тех, которые принадлежали ко второму эшелону развития капитализма и где колесо по-прежнему является квадратным, осталась Россия, точнее территория бывшей Российской империи (Советского Союза)».

В программной статье В.В. Путина «Россия», опубликованной 31 декабря 1999 г., были сделаны два главных утверждения:

«Мы вышли на магистральный путь, которым идет все человечество… Альтернативы ему нет».

«Каждая страна, в том числе и Россия, должна искать свой путь обновления».

Но обе эти мысли взаимно исключают друг друга! К тому же первое утверждение неверно фактически – «третий мир», то есть 80 % человечества, в принципе не может повторить путь Запада. Все человечество никак не может идти одним и тем же «магистральным путем», эта универсалистская утопия Просвещения была исчерпана уже в XIX веке.

Принятие для России правил «рыночной экономики» означает включение либо в ядро мировой капиталистической системы (метрополию), либо в периферию, в число «придатков». Никакой «независимой рыночной России», не входящей ни в одну из этих подсистем, быть не может. Это стало ясно уже в начале XX века, когда была достаточно хорошо изучена система мирового капитализма, построенного как неразрывно связанные «центр-периферия». Перспектива стать частью периферии западного капитализма и толкнула Россию к советской революции как последнему шансу выскочить из этой ловушки.

Когда набрала обороты реформа в России, один из ведущих исследователей глобальной экономики И. Валлерстайн писал специально для российского журнала: «Капитализм только и возможен как надгосударственная система, в которой существует более плотное «ядро» и обращающиеся вокруг него периферии и полупериферии».

Вопрос был вполне ясен, и господствующее меньшинство, представлявшее союз очень разных социальных групп России, сделало в конце 80-х годов сознательный исторический выбор. Он состоял в том, чтобы демонтировать народное хозяйство, которое обеспечивало России политическую и цивилизационную независимость, и стать частью периферии мировой капиталистической системы.

Давление евроцентризма на образованный слой России не раз приводило к тому, что и правящая верхушка, и оппозиционная ей интеллигенция отказывали отечественному хозяйству в самобытности и шли по пути имитации западных структур. Следствием, как правило, были огромные издержки или провал реформ, острые идейные и социальные конфликты. Результатом нынешней реформы стала быстрая утрата населением России ряда признаков цивилизации в сфере хозяйства, а через него и в других сферах.

Здесь – важный урок. После сравнимых с нынешними разрушений от гитлеровского нашествия промышленность была восстановлена за два года, а хозяйство в целом – за 5 лет. В 1955 г. объем промышленного производства превзошел уровень

1945 г. почти в 6 раз, а сельского хозяйства – почти в 3 раза. Между тем, до кризиса конца 2008 г. российская промышленность только-только вышла на уровень 1990 г., а сельское хозяйство в обозримом будущем вряд ли этого уровня достигнет.

Реформы длятся, повторим, уже 20 лет. Пора бы сделать надлежащие выводы, но власть продолжает упорно твердить «альтернативы нет», и в этом уже чувствуется что-то маниакальное, если здесь не скрыто, конечно, осознанное стремление к разрушению России. Надо рассмотреть подробнее основополагающие установки власти и постараться понять, что они собой представляют и какой путь готовят стране и всем нам.

«В праве на поддержку отказать…»

Начнем наш разговор с важнейшей функции государства – его заботы о народе (государственный патернализм). Идеологи российских реформ, исходя из концепции рынка как панацеи от всех бед, принципиально отвергли государственный патернализм в качестве одного из важных устоев социального порядка России. Эта установка сохранилась и после ухода Ельцина, что подчеркнул В.В. Путин уже в своем Послании 2000 года: «Политика всеобщего государственного патернализма сегодня экономически невозможна и политически нецелесообразна».

Это утверждение нелогично. Патернализм всегда экономически возможен, он не определяется величиной казны или семейного бюджета. Разве в бедной семье отец (патер) не кормит детей? Во время Гражданской войны Советское государство изымало через продразверстку примерно 1/15 продукции крестьянства, выдавало 34 млн. пайков и тем самым спасло от голодной смерти городское население, включая дворян и буржуев. Это и есть патернализм в крайнем выражении. Сегодня Российская Федерация имеет в тысячи раз больше средств, чем Советская Россия в 1919 году, – а 43 % рожениц подходят к родам в состоянии анемии от плохого питания.

Утверждение, будто государственный патернализм «политически нецелесообразен», никак не обосновано. Так говорят, да и то на практике не выполняют, только крайне правые политики вроде Тэтчер. А, например, русский царь или президент Рузвельт никогда такого бы не сказали. В чем же тогда сама цель государства России, если сохранить разрушающееся общество считается нецелесообразным?

Регулярные обещания «адресной помощи» как альтернативы патернализму есть социальная демагогия. Добиться «адресной помощи» даже в богатых странах удается немногим (не более трети) из тех, кто должен был бы ее получать (например, жилищные субсидии в США получали в середине 80-х годов лишь 25 % от тех, кто по закону имел на них право). Проверка «прав на субсидию» и ее оформление очень дороги и требуют большой бюрократической волокиты – даже при наличии у чиновников желания помочь беднякам. На деле именно наиболее обедневшая часть общества не имеет ни достаточной грамотности, ни навыков, ни душевных сил для того, чтобы преодолеть бюрократические препоны и добиться законной субсидии.

Строго говоря, без государственного патернализма не может существовать никакое общество. Отказ от патернализма и тотальная конкуренция – идеологический миф неолиберализма. Даже венгерский экономист Я. Корнаи, которого любили цитировать наши реформаторы, писал: «Нулевая степень патернализма – это идея, выдвинутая школой Фридмана-Хайека. Но даже при капитализме… эта нулевая степень никогда не проявляется полностью… Атомизированная конкуренция и полностью предоставленная самой себе микроорганизация немыслимы в наш век гигантской концентрации производства и усиления могущества государственной бюрократии». На эти неприятные замечания не обращали внимания.

«Наш век» и бюрократия тут ни при чем. Государство изначально возникло как система, обязанная наделять всех подданных или граждан некоторыми благами на уравнительной основе (или с привилегиями некоторым группам, но с высоким уровнем уравнительности). К таким благам относится, например, безопасность от целого ряда угроз. Богатые сословия и классы могли в дополнение к своим общим правам прикупать эти блага на рыночной основе (например, нанимать охрану или учителя), но даже они не могли бы обойтись без отеческой заботы государства. Государственный патернализм – это и есть основание социального государства, каковым называет себя Российская Федерация.

Формы государственного патернализма определяются общим социальным порядком и культурой общества. Они специфичны в разных цивилизациях. Например, хлеб как первое жизненное благо уже на исходе Средних веков даже на Западе был выведен из числа других товаров, и торговля им перестала быть свободной. Она стала строго регулироваться властью. В XVI веке в каждом крупном городе была Хлебная палата, которая контролировала движение зерна и муки. Дож Венеции ежедневно получал доклад о запасах зерна в городе. Если их оставалось лишь на 8 месяцев, выполнялась экстренная программа по закупке зерна за любую цену (или даже пиратскому захвату на море любого иностранного корабля с зерном – с оплатой груза).

Если нехватка зерна становилась угрожающей, в городе производились обыски и учитывалось все зерно. Если купцы запаздывали с поставками, вводился уравнительный минимум. В Венеции около собора Св. Марка каждый горожанин по хлебным карточкам получал в день два каравая хлеба. Если уж нашим реформаторам так нравится Запад, то почему же они этого не видят? Ведь это – один из важнейших его устоев и источник силы. Попробовали бы там сказать вслух, что патернализм «политически нецелесообразен»!

Наши реформаторы учатся у Запада приватизации, но в упор не видят того, как на Западе богатые научились уживаться со своим народом. Наши либералы не привержены очень важным либеральным ценностям – или не вникли в их смысл. Ибо либерализм, как выразился сам Адам Смит, отвергает «подлую максиму хозяев», которая гласит: «Все для нас и ничего для других». При современном капитализме расходы на патернализм огромны. В среднем по 20 развитым странам (они входят в ОЭСР) субсидии, с помощью которых регулируют цены на продовольственные продукты, составляют половину расходов населения на питание. А в отдельных странах (например, Японии) дотации в иные годы составляют 80 % расходов на питание. И это именно политически целесообразно.

Но В.В. Путин продолжает отвергать политику патернализма и приводит такой довод: «Отказ от нее диктуется… стремлением включить стимулы развития, раскрепостить потенциал человека, сделать его ответственным за себя, за благополучие своих близких».

Вера, будто погрузить человека в обстановку жестокой борьбы за существование – значит «раскрепостить его потенциал», есть утопия. На деле все наоборот! Замечательным свойством советского патернализма была как раз его способность освободить человека от множества забот, которые сейчас заставляют его бегать, как белка в колесе. Эта непрерывная суета убивает все творческие силы, выпивает жизненные соки. Это и поражало на Западе, когда удавалось поехать туда еще в советское время.

Спокойствие и уверенность в завтрашнем дне позволяют человеку плодотворно отдаться творческой работе и воспитанию детей – вот тогда и раскрывается его потенциал. Это говорит не только советский опыт, по этому пути с опорой на государственный патернализм пошли Япония и страны Юго-Восточной Азии.

А опыт Российской Федерации показал, что стресс и гонка ведут к росту заболеваний, смертности и преступности – и потенциал человека съеживается. Жители нынешней Российской Федерации живут в атмосфере нарастающих страхов – перед потерей работы или ремонтом обветшавшего дома, перед разорением фирмы или техосмотром старенькой машины, перед болезнью близких, для лечения которых не найти денег. И уж самый непосредственный страх – перед преступным насилием.

Однако установка на искоренение патернализма – едва ли не самая устойчивая в правящей верхушке России. В статье «Россия, вперед!» (10.09.2009) Д.А. Медведев изложил «представление о стратегических задачах, которые нам предстоит решать, о настоящем и будущем нашей страны». Он сказал: «Должны ли мы и дальше тащить в наше будущее примитивную сырьевую экономику, хроническую коррупцию, застарелую привычку полагаться в решении проблем на государство… Считаю необходимым освобождение нашей страны от запущенных социальных недугов, сковывающих ее творческую энергию, тормозящих наше общее движение вперед. К недугам этим отношу… широко распространенные в обществе патерналистские настроения. Уверенность в том, что все проблемы должно решать государство».

С коррупцией и сырьевой экономикой все ясно (вопрос только в том, как ухитриться «не тащить их в наше будущее»). В этом стратегическом заявлении, видимо, главный смысл как раз в том, чтобы отказаться от патернализма – «застарелой привычки полагаться в решении проблем на государство».

Власть настойчиво представляет «патерналистские настроения» большинства граждан России как иждивенчество. Это – поразительная деформация сознания, глубинное непонимание сути явлений. Как может быть народ иждивенцем государства? Похоже, что наши правители всерьез представляют власть каким-то великаном, который пашет землю, добывает уголь – кормит и греет народ, как малое дитя. А ведь «все проблемы решает» именно народ, а государство выполняет функцию организатора коллективных усилий. И предметом нынешнего конфликта в России является перечень обязанностей, которые, согласно сложившимся представлениям большинства, должно взять на себя государство. А оно от этих обязанностей отлынивает!

Кроме того, власть неприемлемо сужает понятие патернализма, распространяя его только на отношения государства и населения. В действительности народ всегда ожидал от государства отеческого отношения ко всем системам жизнеустройства России – к армии и школе, к промышленности и науке. Все это – творения народа, и им в России требуется забота и любовь государства. В этом срезе отношений государства и народа произошел столь глубокий разрыв, что он нанес почти всему населению культурную травму. Разоружение армии, демонтаж науки, деиндустриализация и купля-продажа земли – все это воспринималось как уход государства от его священного долга. Это не просто потрясло людей, это их оскорбило. Возник конфликт не социальный, а мировоззренческий, ведущий к разделению народа и государства как враждебных этических систем.

Высшие руководители государства этого, похоже, просто не чувствуют. Как тяжело слышать, например, такие рассуждения В.В. Путина о критерии, которому будет следовать Правительство, оказывая поддержку предприятиям во время кризиса: «Право на получение поддержки получат лишь те, кто самостоятельно способен привлекать ресурсы, обслуживать долги, реализовывать программы реструктуризации».

Разве так поступают в семье? Бывает, что в трагических обстоятельствах нет возможности поддержать всех детей. Но поддерживать лишь сильных и богатых – критерий не просто странный, но небывалый. Обычно государство, заботясь о целом, поддерживает те системы, которые необходимы для решения критически важных для страны задач. Но именно такие коллективы обычно не способны «самостоятельно привлекать ресурсы», поскольку ориентированы на проекты с высокой степенью риска и низкой экономической рентабельностью. Можно ли было, следуя изложенному выше критерию, осуществить в США или СССР атомные программы? Можно ли было развить мощную фундаментальную науку? Мы видим, что и здесь государство принципиально снимает с себя обязанность быть главой семьи.

В недавнем манифесте группы экономистов, предлагающих экономическую теорию, альтернативную неолиберальной доктрине «Вашингтонского консенсуса», сказано: «Мы не можем обеспечить сколь-либо долгосрочные экономические эффекты, не создав длительно существующую, сильную и жизнеспособную политическую и этническую общность. В этом отношении политические и этнические элементы такой общности должны быть предпосланы экономическим – даже в решении экономических проблем. А сколь-либо устойчивая и жизнеспособная политическая общность, в свою очередь, не может существовать, не будучи на практике работающей социальной общностью, которая основана на разделяемых корневых ценностях и сходном понимании справедливости – короче говоря, которая не является в то же время моральной общностью».

Таким образом, уход государства от выполнения сплачивающей функции, ценностный конфликт с большинством населения разрывают узы «горизонтального товарищества» и раскалывают ту моральную общность, которая только и может создать «умную экономику».

Вот выдержка из старого дореволюционного российского учебника по гражданскому праву: «Юридическая возможность нищеты

и голодной смерти в нашем нынешнем строе составляет вопиющее не только этическое, но и экономическое противоречие. Хозяйственная жизнь всех отдельных единиц при нынешней всеобщей сцепленности условий находится в теснейшей зависимости от правильного функционирования всего общественного организма. Каждый живет и дышит только благодаря наличности известной общественной атмосферы, вне которой никакое существование, никакое богатство немыслимы… За каждым должно быть признано то, что называется правом на существование… Дело идет не о милости, а о долге общества перед своими сочленами: каждый отдельный индивид должен получить право на свое существование… Конечно, осуществление права на существование представляет громадные трудности, но иного пути нет: растущая этическая невозможность мириться с тем, что рядом с нами наши собратья гибнут от голода, не будет давать нам покоя до тех пор, пока мы не признаем нашей общей солидарности и не возьмем на себя соответственной реальной обязанности».

В этом разделе учебника, во-первых, отрицается способность рынка оценить реальный вклад каждого человека в жизнеобеспечение общества. Во-вторых, утверждается всеобщее право каждого на получение минимума жизненных благ на уравнительной основе – именно как право, а не милость. И это право в современном обществе должно быть обеспечено государством, а не благотворительностью.

Наконец, утверждается, что уравнительное предоставление минимума благ в условиях России начала XX века является не только этически обязательным, но и экономически целесообразным. В России реформаторы конца XX века, напротив, стали выбрасывать из общества бедных. Это был исторический выбор, сделанный без общественного диалога. Так был задан определенный вектор, и явного осознанного отказа от него до сих пор не произошло.

Между тем, в 2000 году Послание Президента В.В. Путина гласило: «У нас нет другого выхода, кроме как сокращать избыточные социальные обязательства». В чем же избыточность социальных обязательств в России? Относительно чего они избыточны? Мусорные баки в Москве по несколько раз в день перебирались и перебираются людьми, ранее принадлежавшими к «среднему классу». Число этих людей таково, что они составляют социальную группу. Но ведь они – только видимый кончик проблемы.

В том же году, что и Послание, вышел Государственный доклад «О состоянии здоровья населения Российской Федерации» (М., 2000). В нем сказано: «Непосредственными причинами ранних смертей является плохое, несбалансированное питание, ведущее к физиологическим изменениям и потере иммунитета, тяжелый стресс и недоступность медицинской помощи».

И при этом Путин назвал социальные обязательства государства избыточными и призывал их сокращать!

В российском обществе бедность является социальной болезнью. Для ее лечения необходим рациональный подход – с установлением диагноза, выяснением причин и отягчающих обстоятельств, разумный выбор лекарственных средств и методов. Но если нет рационального представления о проблеме, то значит, не может быть и рационального плана ее разрешения.

В России сегодня даже нет языка, более или менее развитого понятийного аппарата, с помощью которого можно было бы описать и структурировать проблему бедности. Есть лишь расплывчатый, в большой мере мифологический образ, который дополняется метафорами, в зависимости от воображения и вкуса оратора. Соответственно, нет и более или менее достоверной «фотографии» нашей бедности, ее «карты».

Своей бесчувственностью в социальной политике власть создала большую угрозу, которая уже действует и перемалывает российское общество. В 90-е годы государство проявило такой тип жестокости, какого мы уже и не предполагали в людях. Иногда казалось, что мы во власти инопланетян. Выступает политик, говорит о реформе ЖКХ. Кажется, если бы ты смог протянуть к нему руку через телеэкран и дернуть его за щеку – кожа отслоилась бы, а под ней чешуя ящера с неизвестной планеты.

Уже на первых этапах реформы власть проявила столь безжалостное отношение к населению, что даже академик Г.А. Арбатов посчитал нужным отмежеваться от правительства реформаторов: «Меня поражает безжалостность этой группы экономистов из правительства, даже жестокость, которой они бравируют, а иногда и кокетничают, выдавая ее за решительность, а может быть, пытаясь понравиться МВФ».

Без диалога и ясной программы, на базе которой возможен общественный договор и общие усилия, преодоление кризиса невозможно. Но первое условие такого договора – отказ от превращения России в джунгли конкуренции, от стравливания людей в звериной борьбе за выживание. И первый шаг – ограничение законов рынка в социальной сфере, поворот к восстановлению отношений государственного патернализма.

Согласно наблюдениям А. Тойнби, элита способна одухотворять большинство, лишь покуда она одухотворена сама. Ее человечность в отношении большинства служит залогом и одновременно показателем ее одухотворяющей силы. С утратой этой человечности элита, по выражению Тойнби, лишается санкции подвластных ей масс.

«Монетизация» льгот

Летом 2004 г. в Госдуме был принят, а в Совете Федерации утвержден закон, заменяющий предоставление льготным категориям граждан ряда благ в натуральном выражении денежными выплатами. Власть настояла на своем, большинство населения с этой акцией было несогласно. Возник социальный конфликт – как говорят, латентный, «дремлющий», хотя он и прорывался в отдельные демонстрации. Он выявил важную деформацию знания власти о России как цивилизации. Из нее было исключено традиционное знание, выработанное в культуре России, и неявное знание чиновников. При этом оказалось выхолощенным и рациональное знание, выраженное в аналитических материалах социологов.

Почему загорелся этот сыр-бор? Казалось бы, из-за гораздо более сильных ущемлений наши люди не волновались. Власть отнимала все сбережения, снижала доходы и в три, и в четыре раза – никаких протестов! А тут из-за мелочи столько шуму, власти пришлось сильно потрудиться, чтобы найти десяток пенсионеров и ветеранов, которые перед телекамерами выразили бы глубокое удовлетворение тем, что получат «живые деньги» вместо каких-то там лекарств или бесплатного проезда.

Положение действительно странное: министры наперебой убеждали, что люди деньгами получат гораздо больше, что им это выгодно, что власть потратит на льготы намного больше, чем тратит сейчас, – а люди упирались, не желая выгоды. С другой стороны, к чему бы такая забота о неразумных? Зачем на них тратиться – пусть бы себе и получали свои жалкие натуральные крохи, если считать не умеют. Зачем так стараться министрам, так радеть о темной массе?

В том-то и дело, что вопрос был поднят принципиальный, к деньгам и крохам он не сводится. Тут нашла коса на камень, столкнулись два мировоззрения, два взгляда на жизнь. Даже, можно сказать, два типа рациональности – и выявился не разрыв, а просто пропасть между властью и массой населения. Произошла «разведка боем» в гражданской цивилизационной войне внутри России. Войне пока что холодной. Даже удивительно, как это может проявиться в такой капле воды.

Говорят, что правительство задумало сэкономить на отказе от выдачи льгот натурой – заменит льготы небольшими деньгами, а их сожрет инфляция. Наверное, такое соображение было, но это вовсе не главное, из-за этого власть так бы не уперлась, нашла бы другой способ вытрясти карманы.

Главная цель иррациональна, она лежит в сфере идеалов – продавливать либеральную утопию, которая уже почти сдохла. Для этого необходимо «монетизировать» все стороны жизни, и на этом пути правительство взяло курс на последовательный уход государства от обязательств, которые требуют реальных действий и реальных отношений с людьми.

Протолкнув свой закон, правительство плюнуло в душу большинству. Доноры Ижорского завода, сдававшие кровь бесплатно (и, кстати, не получавшие положенных льгот), пишут: «Мы с горечью и недоумением узнали, что доноров хотят лишить немногочисленных льгот. Кровь – бесценный дар. Донорство неоценимо в денежном выражении, и льготы – лишь некоторый стимул для участия людей в донорском движении. Это – знак признательности и благодарности этим людям со стороны государства… Неужели Россия хочет «прославиться» как первая страна, загубившая донорское движение?»

Как надо оскорбить людей, чтобы они такое написали! Сгоряча написали, наверняка не перестанут сдавать кровь, но в этих словах уже знак тяжелого отчуждения от власти – за то, что не хотела понять таких простых вещей. За то, что при помощи СМИ сознание людей расщепляют, их стравливают и соблазняют. Люди не могут возразить и поддакивают, а «сердце не лежит». Факт, что у большинства «сердце не лежит», потому такие усилия применяло правительство для уговоров.

Более того, пассивное сопротивление этой акции было удивительно единодушным. Это говорит о том, что она затронула что-то очень важное, какой-то нерв, – людям больно, но объяснить внятно они не могут. Да и не обязаны. Но они запомнят, что правительство не пошло на диалог, не обратило внимания на вполне разумные доводы даже очень авторитетных людей.

Целый ряд авторов убедительно показывал, что конфликт власти с большой частью населения, вызванный монетизацией льгот, носит фундаментальный характер. Настаивая на своем, власть превратилась, в части своего образа, в экзистенциального врага большой доли народа, ибо она нанесла удар по устоям его представлений о справедливом бытии, а вовсе не по каким-то элементам материального благополучия. Государство попыталось уйти от выполнения вечного договора с народом – и его легитимность пошатнулась.

Почему проблеме натуральных льгот придали такое значение в реформировании России? Потому, что монетизация любых натуральных повинностей или благ есть сильнейший механизм атомизации общества, перевода всех человеческих и социальных отношений на принципы купли-продажи.

Льготы – это механизм усложнения общества, повышения его разнообразия. Это знаки отличия, знаки заслуг человека перед обществом и государством. Они важны даже просто как напоминание о том, что существует доблесть и заслуга. Когда-то и в парикмахерской маленького поселка можно было увидеть вывеску: «Герои Советского Союза обслуживаются вне очереди». Но ведь она висела не для героев, а для посетителей, чтобы они помнили о героях.

Монетизацией правительство стремилось стереть из памяти людей само понятие доблести и благодарности. Давно сказано: «Не имеет ценности то, что имеет цену». Вот и нанесли удар по сокровенным культурным устоям российской цивилизации.

Обмен благами не через куплю-продажу («деньги – товар»), а в «натуре» – важнейший механизм связи людей в семьи, роды, народы. При таком обмене прозаическое благо наполняется сокровенным смыслом, его дарение и принятие приобретают

литургическое значение. Человек дарит свою кровь царю, Отечеству, народу, а те потом дарят ему льготу. Именно эту систему нерыночных связей между людьми, а также между людьми и государством стараются ликвидировать реформаторы. И это, похоже, одна из их главных забот.

Уже на заре реформы это кредо так выразил Ю. Буйда в «Независимой газете»: «Антирыночность есть атрибут традиционного менталитета, связанного с «соборной» экономикой… Наша экономическая ублюдочность все еще позволяет более или менее эффективно эксплуатировать миф о неких общностях, объединенных кровью, почвой и судьбой, ибо единственно реальные связи пока в зачатке и обретут силу лишь в расслоенном, атомизированном обществе. Отвечая на вопрос о характере этих связей, этой чаемой силы, поэт Иосиф Бродский обошелся одним словом: «Деньги!»

Здесь важные вещи сказаны верно и чеканно – не должны мы быть связаны «кровью, почвой и судьбой», реформаторы и их любимые поэты нас расслоят и атомизируют, уничтожат нашу «соборную» экономику. Есть у них для этого чаемая сила – деньги.

Тут мы, конечно, затронули лишь верхушку проблемы. Если система льгот и вообще натурных выплат действительно была бы уничтожена («монетизирована»), это нанесло бы обществу огромный урон, его даже трудно оценить.

Рассуждая о монетизации льгот, министры и губернаторы подменяли понятия, как будто и впрямь не понимали, о чем идет речь. Они представляли льготы ветеранам как разновидность вспомоществования бедным. Это, мол, благотворительность власти, она вправе заменить ее небольшими суммами денег – и нечего нос воротить, дареному коню в зубы не смотрят. Ну просто нарывались на то, чтобы ненависть у людей отложилась глубоко и надолго!

Льготы нигде и никогда не являются подачкой на бедность. Льготы – заслуженное право, заработанное трудом или кровью. Власть дает их людям с благодарностью, с поклоном.

Когда проталкивали закон об отмене льгот, приводили как довод, что, мол, не все их используют – лучше всем дать понемножку денег. А представьте, что тем же ответит государству народ. Защищать родину – повинность мужчин. Повинность натуральная! Так ведь несправедливо – кровь-то свою проливают не все! Давайте лучше соберем со всех граждан понемногу денег и сунем в зубы этому государству, а натуральной крови проливать не будем. Даешь монетизацию повинностей! Но тем-то и отличается средний гражданин от министров, что такая идиотская мысль ему в голову не придет. Он знает, что далеко не все заменяется деньгами.

Блага натурой даются людям для того, чтобы они их потребили сами – и именно в данном им виде. Монетизация заведомо означает, что деньги уйдут «по другим статьям» и прежде всего на нужды близких. Выдача льгот натурой – выражение особого свойства традиционного общества, которое верно подмечено либеральными философами. Такое общество приказывает жить, в то время как либеральное общество дает свободу умирать. Потому-то вымирает либеральный Запад, а при либеральной реформе стали вымирать и русские.

Вот красноречивая льгота натурой – летчикам во время войны давали шоколад. И они не имели права поделиться им даже с голодающими детьми блокадного Ленинграда. Летчик был обязан жить – ради тех же детей. Когда ветерану дают нужное ему лекарство, он обязан его принять – и жить. А если ему вместо этого сунут в зубы сто рублей в месяц, он волен купить на них пару бутылок водки – и умереть. Он свободен и никому ничем не обязан. Копить эти деньги в ожидании болезни он уж точно не будет.

Говорили, льготы надо отнять у горожан потому, что сельские жители этими льготами мало пользуются. Ну так дайте сельским жителям те льготы, которые им нужны! Но ведь и у них отнимают – например, льготный тариф на электричество, на поставки угля. В крайнем случае, дайте им денежный эквивалент тех льгот, которыми пользуются горожане. Что за дикая мысль – ради справедливости ухудшить положение для всех!

Разработчики закона проявили удивительную нечувствительность к фундаментальным категориям. Натуральные льготы – страховой фонд (запас), к которому прибегают в момент нужды. Ежемесячные денежные выплаты – поток. Закон заменяет фонд (запас) потоком, что является фундаментальным изменением системы. Эта сторона дела даже не обсуждалась.

Различие хорошо видно при рассмотрении льгот на покупку лекарств. Имея эту льготу в натуральном выражении, человек в случае нужды (заболевания или обострения болезни) идет и изымает свой фонд, свой запас. Каково же будет поведение человека, который ежемесячно получает эту льготу, превращенную в поток – в ежемесячную небольшую прибавку к пенсии? Месяц за месяцем он здоров, и в 99 % случаев просто будет тратить эту прибавку в общем потоке своих скудных доходов, даже не задумываясь. И в момент заболевания или обострения болезни этот человек денег на лекарства иметь не будет.

Чтобы загодя превращать поток в запас, он должен был выработать в себе навыки и даже культуру накопительства, а для этого должно было пройти несколько поколений. Большинство населения России таких навыков и такой культуры не имеет. Поэтому о наличии фондов у нас заботилось государство, община, трудовой коллектив. Какая безответственность – лишить всего этого жителей России!

Заранее разделить страховой фонд поровну в деньгах между всеми – это значит не оказать помощи никому. Помощь голодающим из неприкосновенного запаса – это льгота, на которую имеют право все, но которой пользуются только те, кто в данный момент в ней нуждается. Что будет, если неприкосновенный запас перевести в деньги и заранее раздать их всем поровну?

А ведь нечто подобное и собираются сделать с той льготой, которой мы все недавно обладали, – здравоохранением. Тех денег,

которые раньше выделяло на эту льготу государство, хватало всем больным. А теперь эти деньги хотят выдать каждому в виде фиксированной страховой суммы – и уже никому ее не хватит на лечение из тех, кто, не дай бог, заболеет. Льготы натурой потому и обходятся гораздо дешевле, чем «выплаты всем», что ими реально пользуются далеко не все, а только те, кому это необходимо.

Если бы монетизацию льгот проводили честно, давая всем реальное денежное возмещение натуральных благ, то это легло бы на госбюджет абсолютно непосильным грузом. И правительство выбрало наихудший вариант – и людей озлобило, и деньги растратило, и технические системы не поддержало.

Наконец, льготы натурой – исключительно экономная вещь и потому, что они «таятся в порах производства». Их замена деньгами уничтожает тот огромный эффект, который возникает при переплетении производства и быта (как в крестьянском дворе или на советском заводе). Заводы отапливали дома своих рабочих (и их соседей) отходами технологического тепла, заводские сварщики между делом ремонтировали в этих домах трубы и обустраивали детские площадки. Эти натуральные льготы рабочим выкраивались из лоскутков производственных мощностей. Перевод их на рыночную основу влетает в такую копеечку, что наши привыкшие к советским порядкам хозяйственники не раз за время реформы столбенели.

Хотели лишить пенсионеров бесплатного проезда. Каков был бы результат? Они бы ходили пешком или сидели дома. Автобус ходил бы, как и раньше. И никакой прибыли не получил бы автобусный парк от того, что не втиснется в автобус старик, не поблагодарит уступившего ему место мальчика и не проедет гордо и бесплатно – потому что он ветеран и заслужил такую льготу.

Но все это было бесполезно объяснять нашему правительству. Ему это говорили в течение года – ноль внимания. Видно, из каких-то высших сфер получило оно приказ, которого нельзя было ослушаться.

«Абсолютное зло»

Важнейшей политической (и геополитической) целью рыночной реформы конца 80-х и 90-х годов XX века было разрушение советского строя. «Технологически» оно шло по двум направлениям: через подрыв идеологического стержня общества и его хозяйственной системы. Эта военная операция велась исключительно жесткими средствами практически во всех сферах национального бытия советского народа – в экономической, социальной, этнической и политической. Разрушению подвергались все духовные структуры советского человека и основные структуры жизнеустройства. Речь шла не о критике, а об ударах на поражение.

Любое явление советской жизни, которое квалифицировалось реформаторской элитой как отрицательное, доводилось и доводится в его отрицании до высшей градации абсолютного зла. У людей, которых в течение многих лет бомбардируют такими утверждениями, разрушается способность измерять и взвешивать явления, а значит, адекватно ориентироваться в реальности. В структуре мышления молодого поколения это очень заметно.

Высокие должностные лица из состава властной команды выражаются более сдержанно, однако вполне определенно. В.Ю. Сурков говорит: «Реформы Петра, февральские грезы, большевистские мегапроекты, перестройка. Все второпях, в ослеплении идеей. В раздражении чрезвычайном от вязкой реальности».

Читатель должен сам додумать: да, эта реформа оказалась вязкой реальностью, но ничего не поделаешь, всегда так в России бывает, все второпях – вот в чем причина. А на деле все это подлог. Можно ли ставить советские мегапроекты индустриализации и Великой Отечественной войны на одну доску с вредительством перестройки и приватизацией 90-х годов? Все это, мол, по сути одно и то же.

Власть взяла на вооружение порочный метод объяснять провалы рыночной реформы в России наследием советского прошлого. Мол, эти провалы – следствие инерции тех систем, которые были созданы при советском строе. Это – важный методологический принцип всей доктрины реформ. Я утверждаю, что этот принцип фундаментально ошибочен и лишает государство и общество возможности разобраться в актуальных процессах. Этот принцип изначально исказил меру и критерии, с которыми сообщество экономистов и власть подходят к актуальным проблемам.

Разберем пример важных искажений реальности, вытекающих из антисоветизма реформ. Стало нормой утверждение, будто советское хозяйство имело «экспортно-сырьевой» характер, отчего теперь страдает Российская Федерация. В Послании Федеральному Собранию 12 ноября 2009 г. Д.А. Медведев сказал, например: «Советский Союз, к сожалению, так и остался индустриально-сырьевым гигантом и не выдержал конкуренции с постиндустриальными обществами… Вместо примитивного сырьевого хозяйства мы создадим умную экономику, производящую уникальные знания».

Прекрасна последняя фраза, но «умной» экономика не станет, пока мы не разберемся, каким образом Россия скатилась к «примитивному сырьевому хозяйству», – ведь силы и механизмы, которые ее туда толкнули, продолжают действовать. Их надо выявить и нейтрализовать. Но мы не начнем ничего «выявлять», пока не откажемся от мифа, будто СССР был «сырьевым» гигантом, не определим вес «индустриальной» компоненты в советской экономике.

Д.А. Медведев представляет дело так, будто все двадцать лет реформ Россия шаг за шагом преодолевала «сырьевую зависимость», характерную для советского хозяйства, – но до конца так и не преодолела. Он пишет: «Двадцать лет бурных преобразований так и не избавили нашу страну от унизительной сырьевой зависимости».

Этот миф воспринят с таким доверием, что приходится поражаться. Президент Д.А. Медведев представляет дело так, будто все двадцать лет реформ Россия шаг за шагом преодолевала «сырьевую зависимость», характерную для советского хозяйства, – но до конца так и не преодолела. Это – неверное определение вектора процесса. В действительности нынешнее «примитивное сырьевое хозяйство» – не наследие прошлого, а именно продукт реформы, результат деиндустриализации советского хозяйства.

Взглянем на «унизительную сырьевую зависимость» в целом. В ежегоднике «Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.» на стр. 32 есть таблица: «Вывоз продукции из РСФСР по отраслям народного хозяйства в 1989 г. (в фактически действовавших ценах)».

Суммируя продукцию отраслей перерабатывающей промышленности и транспортные услуги, получаем, что доля продуктов высокого уровня переработки в вывозе продуктов из РСФСР составляла 77 %. Из них «машиностроение и металлообработка» – 34,7 %. Доля «добывающих» (сырьевых) отраслей – 23 %. Это – максимум, со всеми допущениями в пользу «сырья».

Теперь берем «Российский статистический ежегодник. 2007». На стр. 756 имеется таблица: «Товарная структура экспорта Российской Федерации (в фактически действовавших ценах)». В 2006 г. «минеральные продукты, древесина и сырье» составили 70 % экспорта Российской Федерации, а «машины, оборудование и транспортные средства»—5,8 %.

Но дело даже не в доле сырья в экспорте, а в зависимости всего хозяйства от экспорта (и, таким образом, от экспорта сырья). Сравним два образа – величину экспорта и стоимость годового объема продукта промышленности.

В 1986 г. продукция промышленности в СССР составила 836 млрд. руб., а экспорт 68,3 млрд. руб., в том числе в капиталистические страны 13,1 млрд. руб. То есть, экспорт на мировой рынок был равен в стоимостном выражении 1,6 % от продукта промышленности. Экономика СЭВ была кооперирована с СССР, и экспорт в его страны – другая статья. Но даже если суммировать, то весь экспорт составил 8,2 % продукта промышленности.

В 2008 г. продукция промышленности РФ составила 14,6 триллиона руб., а экспорт – 471 млрд. долларов или примерно 14 триллионов руб. При этом 70 % экспорта – сырье. Именно за последние двадцать лет Российская Федерация стала «сырьевым гигантом», а РСФСР была индустриальной страной. Мы живем потому, что государство политическими средствами удерживает цены внутри страны на более низком уровне, чем на внешнем рынке, а сырье там сейчас дорого.

Российская экономика не может использовать отечественное сырье для своего развития и для того, чтобы обеспечить рабочими местами свое население, – собственникам выгоднее продать сырье за границу. Взять хотя бы нефть. Ведь «на нефтяную иглу» сел не СССР, а именно Российская Федерация, причем как следует она села на эту иглу уже после ухода Ельцина. Сравните долю нефти, идущей на экспорт, в советский период и после победы реформы над советским хозяйством. В 1990 г. из РСФСР на экспорт было отправлено 19,2 % добытой сырой нефти, в 2005 г. из Российской Федерации—46 % (а вместе с нефтепродуктами экспорт 2007 г. в страны «дальнего зарубежья» составил 326 млн. т, или 70 % добытой нефти).

Ритуальные плевки в советское прошлое стали столь привычными, что спичрайтеры высших руководителей даже не удосуживаются проверить свои самые странные идеи. Ну и потомки русских богатырей! Но отбросим лирику, разбор обвинений СССР нам нужен, чтобы восстановить свою способность считать и логически мыслить для нынешних дел.

В Послании 2007 года В.В. Путин сказал: «В нашей стране за весь – подчеркну, за весь – советский период было построено 30 атомных энергоблоков. За ближайшие же 12 лет мы должны построить 26 блоков». Эту мысль можно было бы выразить с большей экспрессией, например: «С момента крещения Руси было построено только 30 атомных энергоблоков, а вот мы…». Это надо же, в чем нашел Путин упрекнуть советский период! А можно было бы сказать, что в Советском Союзе даже ВВП вообще не было, нечего было и удваивать, а вот мы…

А вот, например, В.В. Путин говорит в Госдуме (6 апреля 2009 г.): «Невозможно уже больше… мириться с нищенским пенсионным обеспечением миллионов людей, с тем, что у нас по-прежнему есть пенсионеры, которые получают меньше 2 тыс. – 1950 рублей. Правда, это еще наследие прошлого, советского периода, когда в совхозах платили соответствующие деньги».

Посмотрим, какие «соответствующие деньги» платили в совхозах и сколько «миллионов людей» из тех работников живет сегодня в Российской Федерации. Всего в РСФСР в 1990 г. было 6,3 млн. человек, получавших минимальную пенсию – 70 руб. в месяц. Сейчас всем выжившим из тех, кто был пенсионером в советское время, далеко за 80 лет. Сколько их всего осталось? Совсем немного, в 2008 г. в России проживало 3,6 миллиона человек в возрасте 80 лет и более.

Тех, кто получал минимальную пенсию, было 24 % от общего числа пенсионеров – значит, делим это малое число еще на 4. Сколько из них вышло на пенсию именно в совхозах? Надо поделить еще минимум на 10. Да их по пальцам можно сосчитать, а нам говорят, что «миллионы людей» с нищенской пенсией – наследие совхозов! Кто в Правительстве нашелся такой хитрый, сочинить эту байку?

Лучше бы посчитали, что мог купить пенсионер на 70 руб. в 1990 году и что – на 1950 руб. сегодня. В 1990 г. пенсионер на минимальную пенсию в 70 руб. мог купить 238 кг молока или 183 кг хлеба (хлебо-булочных изделий) из пшеничной муки. В 2007 г. пенсионер на минимальную пенсию в 1950 руб. мог купить 76 кг молока или 64 кг хлеба (хлебо-булочных изделий) из пшеничной муки. В три раза меньше! Это не наследие совхозов, а оригинальный продукт нынешнего социального порядка.

В том же отчете Госдуме В.В. Путин говорит: «В Советском Союзе должного внимания развитию гражданской авиации не уделялось, что мы с вами хорошо знаем. Да, к сожалению, так, потому что наши гражданские самолеты – это то, что было переделано, первоначально это были военные самолеты, потом их спокойно переделали. Они являются у нас, к сожалению, сегодня неконкурентоспособными».

Не странно ли? Советского Союза нет уже 20 лет, и он же виноват, что построенные в СССР самолеты «сегодня неконкурентоспособны». Почему же ваши хорошие рыночные КБ и заводы не сконструировали и не построили такие самолеты, которые вам нравятся? В Советском Союзе были свои нормальные и дешевые самолеты (их покупали многие страны) и 1300 аэропортов. Теперь закрыты ¾ аэропортов, а пассажиров летает в 4 раза меньше, но «должного внимания развитию гражданской авиации не уделялось» именно в СССР. Господа, куда же мы придем с такой логикой?

Мы будем все глубже погружаться в трясину недееспособности, если анализ каждого провала нынешних «менеджеров» станем заменять проклятьями в адрес СССР, который не обеспечил нас вечными благами. Вот, научный руководитель Высшей школы экономики Евгений Ясин на следующий день после аварии на ГЭС прибегает к этому магическому приему: «Саяно-Шушенская ГЭС была символом крупных проектов, которые осуществлялись в СССР. Мы не знаем истинных причин этой крупной техногенной катастрофы, почему произошел гидроудар. Но, я уверен, истинная причина – в безалаберности и наплевательском отношении к строительным стандартам».

Вот такие «научные руководители» управляют ВШЭ, «генератором программ» реформы. В устах Ясина ссылка на «проклятое советское прошлое» не удивляет. Но какова логика у этого «научного руководителя» колыбели российских экономистов: «Мы не знаем истинных причин… Но, я уверен, истинная причина – в…». Не знает, но уверен! Пожалуй, одна из множества причин этой катастрофы заключается в том, что такие профессора и министры воспитали людей, которые управляют сегодня техносферой России.

А вот какое объяснение дает специалист по технической безопасности А.И. Гражданкин: «Характерный пример отклика

сложной социо-технической системы на смену цели производственной деятельности – авария на Саяно-Шушенской ГЭС 17 августа 2009 г. Агрегаты станции проектировались в предположении, что их режим работы и обслуживания будет происходить в рамках единой энергосистемы. Для расчлененной ЕЭС (как суммы деградирующих систем) нужны элементы и связи с принципиально иными свойствами. Старые элементы и связи от ЕЭС СССР не смогли адаптироваться для обслуживания внешней новой системы «свободного» рынка электроэнергии. Произошла тяжелая авария, после которой непроектная нагрузка на оставшиеся элементы и связи осколков ЕЭС еще более усилилась. Необходимо последовательно изучать «получившуюся» систему и «притирать» ее старые элементы и связи к возникшим условиям. Ни старые ГОСТы, ни новые евронормы, ни их смесь в техрегламентах – здесь не помогут, все они существенно искажают картину актуальных опасностей (одни нормы «отстали», другие – «впереди»)».

Человек не пускается в рассуждения о добре и зле, тоталитаризме и демократии, а говорит о взаимозависимости техники и социальных систем. Хотите перевести созданную в СССР техническую систему на рыночные принципы – дополняйте ее адекватной оснасткой, иначе произойдет авария. Ведь и Чернобыльская катастрофа произошла потому, что советской техникой попытались управлять исходя из норм «живого творчества масс».

Но поворота к таким прагматическим рассуждениям, в общем, не происходит. Власть продолжает идеологическую антисоветскую программу Горбачева и Ельцина – для чего?..

В.Ю. Сурков попрекает «азиатчину» советского строя: «Освоение космоса и атомной энергии добыто жестоким упорством советского крепостничества». Это старая песня, в ней ненависть вовсе не к «крепостничеству», а к советскому освоению космоса и атомной энергии. Вот этого бы России не нужно, это новому государству и его консультантам не нравится. Но какова самонадеянность! Ведь читатель автоматически встраивает подобные суждения в реальную систему координат: жестокое упорство советского крепостничества дало России освоение космоса и атомной энергии, а жестокое упорство рыночного крепостничества Чубайса и Грефа дало России паразитизм «олигархов» и колоссальный регресс жизнеустройства. Почувствуйте разницу, интеллектуальные вожди Российской Федерации…

В.Ю. Сурков рисует карикатуру на большие проекты, которые в ходе истории выполнял русский народ. Он иронизирует над делами, которые стоили народу колоссальных усилий и жертв, но и поднимали на новый уровень цивилизационного развития.

Он говорит: «Когда-то мы должны были построить коммунизм. Думали, сейчас построим и потом делать ничего не будем. Но надо очень быстро построить коммунизм, чтобы поскорее ничего не делать. Ведь на средненародном уровне представляли коммунизм именно так: это место, где делать ничего не надо и где все при этом есть… В наивном уповании на прекрасную новую жизнь, где все станут полеживать на боку, на заслуженном (как же – страдали!) отдыхе. Предоставив труды и хлопоты всесильному учению, мировой революции, общечеловеческим ценностям, невидимой руке рынка и прочим разновидностям скатерти-самобранки. Такая вот эсхатология незатейливая».

Стыдно это читать. «На средненародном уровне» считалось, что коммунизм – это, прежде всего, «от каждого – по способности». А Сурков нарисовал карикатуру на русского коммуниста как наивного паразита, мечтающего, «чтобы поскорее ничего не делать». Какой недальновидный поклеп на несколько поколений, трудами которых кормится вся эта нынешняя «элита». Это, кстати, поклеп на большую когорту мертвых русского народа, надо бы с ними быть поосторожнее…

Вот В.Ю. Сурков берет коммунизм как эталон убожества и посредственности: «Кому нужен мир, в котором все люди, нации и демократии на одно лицо? Это была бы вещь потоскливее коммунизма».

Ясно, что мира, в котором все люди на одно лицо, не может быть, он тут притянут за уши, чтобы лягнуть коммунизм. Вот, мол, какими недоумками были русские люди, в массе своей поверившие в идеалы коммунизма! Так, значит, трактует власть цивилизационный вектор России в течение целого исторического периода. И с таким представлением она собирается строить новую Россию? В какое болото она ведет страну…

Еврейский поэт, впавший в ностальгию после уничтожения СССР, написал: «А под утро приснится страна, где росли мы, как пила на суку». Это же можно сказать и о новом поколении реформаторов: они живут на хозяйстве, созданном в Советском Союзе, «как пила на суку».

Нельзя обойти молчанием и проблему роста преступности, непосредственно связанную с уничтожением СССР. За последние двадцать лет в России в основном завершилась смена общественного строя. Новое жизнеустройство представило свои принципиальные признаки. Произошло событие аномальное – в одной из самых благополучных в этом смысле стран мира почти искусственно раскручен маховик жесткой, массовой, организованной преступности. Страна перешла в совершенно новое качество – новый политический режим сдал население в лапы «братвы».

Положение таково. В 1987 г., последний год перед реформой, в РСФСР от убийств погибло 11,3 тыс. человек (с учетом смерти от ран и травм) и произошло 33,8 тыс. грабежей и разбоев. В 2007 г. от преступных посягательств погибло 54 тыс. человек, получили тяжкий вред здоровью 52,9 тыс., зарегистрировано 340 тыс. грабежей и разбоев. Число тяжких и особо тяжких преступлений уже много лет колеблется на уровне 1,8 млн. в год (к тому же сильно сократилась доля тех преступлений, что регистрируются и тем более раскрываются).

Это значит, что официально примерно в 5 % семей в России ежегодно кто-то становится жертвой тяжкого или особо тяжкого преступления! Только в местах заключения ежегодно пребывает около миллиона человек (в 2008 г. 888 тыс.). Таким образом,

жертвы преступности, включая саму вовлеченную в нее молодежь, ежегодно исчисляются миллионами – и это только начало раскручивания страшного маховика.

Причины роста преступности известны, и первая из них – социальное бедствие, к которому привела реформа. Из числа тех, кто совершил преступление, более половины составляют теперь «лица без постоянного источника дохода». Большинство из другой половины имеют доходы ниже прожиточного минимума. Изменились социальные условия! Честным трудом прожить трудно, на этом «рынке» у массы молодежи никаких перспектив, реформа «выдавила» ее в преступность.

Преступность – процесс активный, она затягивает в свою воронку все больше людей, преступники и их жертвы переплетаются, меняя всю ткань общества. Бедность одних ускоряет обеднение соседей, что может создать лавинообразную цепную реакцию. Люди, впавшие в крайнюю бедность, разрушают окружающую их среду обитания. Этот процесс и был сразу запущен одновременно с реформой. Его долгосрочность предопределена уже тем, что сильнее всего обеднели семьи с детьми, и большая масса подростков стала вливаться в преступный мир.

Проблема усугубляется тем, что преступное сознание заняло господствующие высоты в экономике, искусстве, на телевидении. Без духовного оправдания преступника авторитетом искусства не было бы взрыва преступности. Особенностью нашего кризиса стало включение в этическую базу элиты элементов преступной морали – в прямом смысле. Преступник стал положительным лирическим героем в поэзии – таков был социальный заказ элиты культурного слоя.

Вот один из последних примеров – сериал «Сонька – Золотая Ручка», который снял Виктор Иванович Мережко. Он восхищен ею – «талантливая воровка». В этой воровке, которая действовала в составе банды, он видит героя, востребованного нынешним обществом: «Она уже легенда. И войдет в число женщин-героинь обязательно! Это наша Мата Хари. Но не шпионка, а воровка». Национальная героиня России! В этих похвалах Мережко поддерживает телеканал «Россия»: «Ее таланту и авторитету в уголовном мире не было равных».

Чтобы этот особый дух «уважения к вору» навязать, хоть на время, большой части народа, трудилась целая армия поэтов, профессоров, газетчиков. Первая их задача была – устранить общие нравственные нормы, которые были для людей неписаным законом. В результате сегодня одним из главных препятствий к возврату России в нормальную жизнь стало широкое распространение и укоренение преступного мышления. Это нечто более глубокое, чем сама преступность.

Экономика России резко ослаблена коррупцией, особым типом преступности. Коррупция, которая во времена Ельцина считалась временным явлением революционного хаоса, буквально «введена в рамки закона», стала, как теперь принято говорить, системной и даже системообразующей. Теневые потоки денег идут к коррумпированным чиновникам по установленным каналам автоматически.

В ноябре 2009 г. в интервью немецкому журналу «Шпигель» Д.А. Медведев заявил: «Коррупция есть в любой стране. Но в нашей стране коррупция приобрела очень уродливые формы. Коррупция была и в царское время, а также существовала и в советские времена, хотя была более латентной по вполне понятным причинам. И, конечно, коррупция расцвела махровым цветом после перехода России к современному состоянию устройства экономики и политической системы. То, что общество стало более свободным, всегда имеет в себе плюсы и минусы. Плюсы очевидны, а минусом является в том числе и большая раскрепощенность чиновников, которые приобретают возможность контролировать денежные потоки, брать взятки, пытаться залезать в бизнес».

Тут нельзя согласиться с утверждением, что коррупция в советские времена была всего лишь «более латентной» («по вполне понятным причинам» – стоило бы сказать, по каким же). Дело не в латентности, то есть, степени раскрываемости преступлений. Коррупция в СССР – это явление в совсем иной социальной, экономической и культурной системе, чем нынешняя России. Поэтому та коррупция носила иной характер и в качественном, и в количественном измерении. Это просто разные явления, хотя и называемые одним и тем же словом. Ставить их в один ряд – значит уходить от сути явления.

По словам д.ю.н. из Института государства и права РАН Г.К. Мишина, «в цепи проблем, связанных с системной коррупцией в России, центральным звеном, на наш взгляд, является коррупция на верхнем уровне управления государством… Коррупция в высших эшелонах государственной власти представляет наибольшую опасность для России в переживаемый трансформационный период. Именно элитно-властная коррупция влечет масштабное расхищение государственных средств, в том числе зарубежных кредитов, и формирует негативный образ органов власти как в глазах российского населения, так и в мировом общественном мнении».

Мощный всплеск экономической преступности (часто с насилием и убийствами) был вызван приватизацией. Вот заключение криминалистов о результатах приватизации в этом аспекте (по состоянию на начало десятилетия XXI века): «В криминальные отношения в настоящее время вовлечены 40 % предпринимателей и 66 % всех коммерческих структур. Организованной преступностью установлен контроль над 35 тыс. хозяйствующих субъектов, среди которых 400 банков, 47 бирж, 1,5 тыс. предприятий государственного сектора. Поборами мафии обложено 70–80 % приватизированных предприятий и коммерческих банков. Размер дани составляет 10–20 % от оборота, а нередко превышает половину балансовой прибыли предприятий… По некоторым данным, примерно 30 % состава высшей элиты в России составляют представители легализованного теневого капитала, организованной преступности».

Тяжелым ударом для российского предпринимательства, особенно среднего и малого, стало рейдерство. Оно превратилось в мощный фактор криминализации современного хозяйства. Как сказал Президент Д.А. Медведев, это явление приняло такой

размах, что никто из российских предпринимателей не может оставаться в спокойствии за судьбу его собственности: «Одним из проявлений неуважения к собственности, к труду других людей выступают по-прежнему носящие массовый характер незаконные захваты фирм (т. н. рейдерство). Какая уж тут инициатива или мотивация, если предприниматель знает, что он может в любую секунду лишиться своего дела в результате бандитских операций?»

Особенно массовый характер рейдерство приобрело в сельском хозяйстве. На слушаниях в Совете Федерации РФ было заявлено, что в Московской области почти все сельхозпредприятия подвергались в пореформенный период рейдерским набегам. Как показывает опыт, большинство средних и малых предприятий не имеют средств для создания систем защиты от рейдеров. Те, кто все же держит охрану предприятия, расходуют на нее от 15 до 40 % прибыли, а у малых расходы на охрану «порою съедают всю прибыль, обрекая их на банкротство или на ужесточение самоэксплуатации».

Помощь государства незначительна. Согласно исследованиям социологов, «значительная часть средних и малых бизнесменов оценивают судебно-правовую систему как структуру, благоприятствующую недружественным поглощениям. Почти 4/5 субъектов малого бизнеса и среднего предпринимательства чувствуют себя весьма уязвимыми из-за несовершенства законодательства перед совокупными силами российского экономического криминала и коррумпированного чиновничества…

Оставленные – и, как полагают эти предприниматели, оставленные намеренно, по инициативе лоббистов, – законодателями пробелы в основных регулирующих хозяйственную деятельность законах инициируют и стимулируют беспредельный произвол местных чиновников по отношению к реальным производителям в современной российской экономике. Используя с помощью юристов эти пробелы, рейдерские структуры имеют массу легальных и полулегальных возможностей захватить почти любое лакомое для них предприятие. Ведь такого рода пробелов и недостатков, подрывающих уважение к собственности, в действующем законодательстве много…

Ни одно из семейных и малых частных предприятий, по признаниям их владельцев, не имеет необходимых для предотвращения захвата их собственности систем защиты. Вместе с тем, в АПК не имеет таких систем и 86,37 % средних частных предприятий и фирм, а также 75,03 % компаний крупного бизнеса. Причем что касается государственных и кооперативных предприятий, то их положение в этом плане такое же как у семейного и малого бизнеса».

Рейдерство – крупная отрасль преступной экономики. В нее привлечены большие людские ресурсы и финансовые средства. Организован информационный и экономический шпионаж, ведется фальсификация документов, широко применяется подкуп нотариусов и судей, наем высококвалифицированных юристов и силовых структур для насильственных захватов. Проблема и в том, что защита от рейдерства требует от предпринимателей столь же эффективных технологий обороны. Таким образом, методы защиты от рейдерских захватов определяются методами нападения и в успешных случаях почти зеркально отражают их характер.

Социологи пишут: «По сообщениям юристов, и опросы это подтверждают, рейдерские захваты планируют и организуют работающие под прикрытием юридических, психологических и иных консалтинговых и консультационно-информационных служб и фирм опытные правоведы и социальные психологи, частные детективы и социальные технологи. В их распоряжении находятся довольно мощные, нередко в несколько сот субъектов группы полукриминальных и прямо криминальных элементов из числа гражданских дебоширов и направляющих их деятельность бандитских вожаков, а также охранные отряды ЧОПов, действующие на основании криминально организованных легальных судебных постановлений, прямо или косвенно руководимые нередко коррумпированными представителями правоохранительных и правоисполнительных органов. В этих условиях защитить свою собственность возможно только в том случае, если означенной силе противостоит еще большая сила.

Эти их утверждения принципиально важны для социальной, правовой и этической оценки положения, сложившегося в современной российской хозяйственной жизни в связи с массовостью и масштабностью разгула в ней рейдерства. Ведь, по утверждению тех же правоведов и следователей, почти 90 % рейдерских захватов собственности в России обременены правонарушениями… Каждое из этих полутора дюжин нарушений влечет за собой соответствующую, а в некоторых случаях и не одну, статью Уголовного кодекса Российской Федерации. Вместе с тем, по утверждению тех же юристов, успешно отбив рейдерское нападение на его собственность, владелец ее в России в большинстве случаев сам невольно или сознательно в целях успешной обороны также совершает хотя бы одно из выше перечисленных нарушений уголовного характера. А уж нарушения Гражданского кодекса Российской Федерации в этих случаях можно считать десятками…

Рейдерские захваты уже сформировали довольно устойчивую системную парадигму функционирования и развития криминально-коррумпированного по своему характеру российского бизнеса, став его императивом. Сегодня это обстоятельство уже отравляет болезненными метастазами все российское общество, постепенно выводя его за рамки формирующегося цивилизованного мирового рынка… Одним из доказательств этого является то, что значительная часть опрошенных нами российских предпринимателей уже во многом утратила нравственно-этические представления о принципиальных различиях между классическим враждебным поглощением чужой собственности и деловыми предпринимательскими сделками между корпорациями и компаниями…

Замечено также, что агрессивный зарубежный капитал, укореняясь в России, с легкостью заражается бациллами российского рейдерства и, оперевшись на тот же административный ресурс, порождает еще более агрессивных налетчиков. Из этого напрашивается закономерный вывод, что борьба в России с феноменом рейдерства безнадежна, пока не будет устранена сама возможность использования этого ресурса».

Крупный российский капитал, верхушку которого представляют так называемые «олигархи», был создан в ходе программы

приватизации через залоговые аукционы (1995 г.). Эта программа стала важным шагом в углублении коррупции властной верхушки и огосударствлении преступного мира. Сам А. Чубайс говорил о залоговых аукционах так: «Что такое залоговые аукционы 95-го года? Это было формирование крупного российского капитала искусственным способом. Далеко не безупречным… Мы действительно получили искажение равных правил игры, давление на правительство с целью получить индивидуальные преимущества, к сожалению, нередко успешное. Получили мощную силу, зачастую ни во что не ставящую государство».

Более того, власть разрушает общество посредством взращенной в России коррупции нового типа. Страшно становится уже не само воровство высших чиновников, а «вторая производная» от коррупции – ее демонстративное выставление напоказ, ее безграничная гласность. Чиновники совершают хищения на сотни миллионов долларов – это коррупция. Прокуратура разоблачает эти хищения, собирает все необходимые доказательства – это первая производная.

Пресса, Интернет и целые книги сообщают об этих умопомрачительных хищениях, приводят факсимиле документов, заключения комиссий Госдумы – это вторая производная. А результат всех этих уравнений – полная безнаказанность преступников (в крайнем случае, их отправляют в почетную ссылку – на скамейку сенаторов).

Вот интервью ИА «Росбалт» члена комиссии Госдумы по противодействию коррупции депутата от КПРФ А. Куликова (в Госдуме второго созыва он возглавлял комиссию по проверке фактов участия должностных лиц органов госвласти Российской Федерации в коррупционной деятельности). Он сказал, в частности: «По ряду материалов нам не удалось достичь успеха, в частности по делу с обращением в 1998 году в адрес комиссии американской фирмы «Кролл Ассошиэйтед» по поводу невыплаты ей тогдашним первым вице-премьером правительства Егором Гайдаром денег за поиск так называемого «золота партии».

Когда сотрудники фирмы нашли-таки эти деньги в ряде зарубежных банков, оказалось, что они принадлежат определенным лицам, занимавшим должности в первом и втором российском правительстве. КПСС к этому никакого отношения не имела. Фирма представила подробный отчет о своих поисках, но стоимость работ согласно договору – порядка 2 млн. долларов – им не оплатили.

Наша проверка подтвердила, что такой договор действительно имел место, но все материалы, касающиеся этой сделки, в том числе и результаты работы «Кролла», были положены высшими чинами под сукно, а обогатившиеся остались безнаказанными. Попытки депутатов найти подлинники документов оказались безрезультатными.

Мы также выступали с инициативой проверки законности действий высших должностных лиц, незаконно нажившихся на дефолте 1998 года. В адрес комиссии поступили материалы, где говорилось, что дефолт послужил основой для обогащения около 600 российских чиновников. Речь шла об общей сумме в 20 млрд. долларов. Комиссия Совета Федерации, проводившая параллельную проверку, пришла к аналогичным выводам, а полученные документы стали основой для возбуждения Генеральной прокуратурой уголовного дела. К последнему имел прямое отношение генеральный прокурор Юрий Скуратов. После его незаконного отстранения от должности это дело приказало долго жить, несмотря на наши неоднократные обращения. Полагаю, что настало время вновь к нему вернуться.

Власть декларирует волю в борьбе с коррупцией, но реальных подвижек пока не происходит. Это связано, прежде всего, с тем, что коррупция стала системообразующим фактором, если угодно – образом жизни для большей части чиновничества и, к сожалению, для части общества. Вместе с тем, адекватных мер по противодействию ей государством не принималось».

Эта демонстрация узаконенного беззакония и полного бессилия общества – уже постмодернистский способ уничтожения государственности.

Реформа привела к важному провалу в культуре, о котором не принято говорить – элита присвоила себе право на ложь. Мораль затрагивать не будем. Важнее, что общество, где утверждено такое право, слепо. Оно не видит реальности, и с каждой ложью в нем слепнут и поводыри.

Стратегия реформ изначально строилась на лжи. Сейчас уже невозможно делать вид, что «мы не знали». Уход от рефлексии загоняет болезнь все глубже, ложь формирует особый тип рациональности. Обман стал социальной нормой реформаторской элиты России – наше общество просто контужено массированной ложью.

Вот два недавних примера из представления причин катастрофы на Саяно-Шушенской ГЭС (СШГЭС). Официальное лицо – Н.Г. Кутьин, руководитель Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору («Ростехнадзор»), на пресс-конференции делает сенсационное заявление, которое тут же транслируют буквально все СМИ.

Вот сообщение РИА «Новости», резюме которого гласит: «Закрытие материалов расследования причин аварии 1983 года на Нурекской ГЭС не позволило специалистам правильно и своевременно оценить риски эксплуатации гидроагрегатов Саяно-Шушенской ГЭС, заявил глава «Ростехнадзора» Николай Кутьин в субботу в ходе пресс-конференции, посвященной итогам расследования технических причин аварии на СШГЭС».

Далее в сообщении говорится: «Публикование акта (расследования аварии на СШГЭС) поручено председателем правительственной комиссии, которая создана решением председателя правительства. Это делается осознанно, так как у нас есть, к сожалению, в этом отношении плохой пример: в свое время в 1983 году была авария на Нурекской ГЭС и материалы по той аварии 1983 года были закрыты. И, к сожалению, не попали ко многим специалистам. И многие специалисты не смогли

правильно оценить все риски, связанные с эксплуатацией гидроагрегатов в тех условиях, в которых они находились на Саяно-Шушенской ГЭС, поскольку на Нурекской аварии также произошел срыв с креплений, также возникли вопросы по шпилькам крепления», – сказал он.

По его словам, эти факторы риска могли быть сняты, «если бы в то время Министерством энергетики того, еще нашего союзного государства, было принято решение о раскрытии… Но этого не было сделано, поэтому, к сожалению, многие факты остались только на Украине на заводе-изготовителе и на самой Нурекской ГЭС», – отметил он».

Нашлись и политики, которые еще более разукрасили эту сенсацию. Так, бывший председатель правительства Хакасии, а ныне депутат Госдумы РФ А. Лебедь сообщил: «Схожая по причинам авария произошла в 1983 году на Нурекской ГЭС в Таджикистане. Там так же, как и на СШГЭС, один из агрегатов сорвался и поднялся на несколько метров».

Оба эти заявления и их тиражирование в прессе – важный признак деградации культуры и государственного управления России. Подумайте: чиновник высшего эшелона Н.Г. Кутьин возглавлял комиссию по расследованию причин катастрофы, о которой глава МЧС России С.К. Шойгу сказал: «Авария уникальная, природа ее непонятна, ничего подобного в мировой практике не наблюдалось». Он дает пресс-конференцию после представления Акта о расследовании – и вдруг на весь мир сообщает, что такая же авария уже произошла в СССР в 1983 г., только сведения о ней засекретили, и никто о ней не знал! И депутат Госдумы подтверждает: да, была такая же авария – «один из агрегатов сорвался и поднялся на несколько метров». И СМИ, включая государственные, распространяют это сообщение.

И никакой ответственности за свои заявления они не несут, а общество ни к какой ответственности их не привлекает и даже не видит ничего необычного. Откуда Н.Г. Кутьин получил сведения, что та авария была засекречена? Ведь это нетрудно было проверить, поскольку «в то время министерством энергетики того, еще нашего союзного государства» публиковался ежегодный «Обзор и анализ аварий и других нарушений в работе на электростанциях и в электрических сетях энергосистем». И в этом обзоре за 1983 г. на стр. 66 есть описание причин и последствий той аварии – краткое изложение Акта комиссии, которая расследовала причины аварии, документа также открытого. Достаточно было войти в Интернет, открыть «Википедию» и щелкнуть мышью на слова «Нурекская ГЭС». Там даже есть факсимиле нужной страницы из того Акта.

В Интернете появились подобные сообщения о той аварии и от весьма сведущих специалистов, – однако объяснений по поводу своей ошибочной позиции от Н.Г. Кутьина не последовало. Ведь если он ошибся, то никак нельзя отмалчиваться. Хорошо бы услышать объяснения и от депутата Госдумы А. Лебедя – откуда он взял сведения, что в 1983 г. на Нурекской ГЭС гидроагрегат летал по машинному залу? Откуда черпают информацию депутаты российского парламента, которые на основании этой информации принимают законы? Как реагируют на все это лидер партии «Единая Россия» и Председатель Правительства Российской Федерации?

В отношении «элиты» к населению отброшены даже обычные нормы приличия. От тупого социал-дарвинизма 90-х годов новая «элита» сдвинулась к гротескному, болезненному ницшеанству. В ее среде возникли течения, озабоченные выведением не просто новой породы людей («сверхчеловека»), а нового биологического вида, который даже не сможет давать потомства вместе с людьми. «Элита» предвидит «революцию интеллектуалов».

Что это значит? Информагентство «Росбалт» устроило в Петербургском университете проект «Мировые интеллектуалы в Петербурге». Там делают доклады «признанные мировые интеллектуалы и лидеры влияния». Д-р философских наук А.М. Буровский ведет там такие речи: «Неандерталец развивался менее эффективно, он был вытеснен и уничтожен. Вероятно, в наше время мы переживаем точно такую же эпоху. «Цивилизованные» людены все дальше от остального человечества – даже анатомически, а тем более физиологически и психологически… Различия накапливаются, мы все меньше видим равных себе в генетически неполноценных сородичах или в людях с периферии цивилизации. Вероятно, так же и эректус был агрессивен к австралопитеку, не способному овладеть членораздельной речью. А сапиенс убивал и ел эректусов, не понимавших искусства, промысловой магии и сложных форм культуры».

Это говорит в XXI веке с кафедры Петербургского университета профессор двух вузов нашей Северной Пальмиры. Все эти «лидеры влияния» не просто мечтают о таком будущем, они реализуют проект «Постчеловечество», перенося его в плоскость политических и экономических программ. Вот главная статья В. Иноземцева в книге «Постчеловечество». Она называется «On modern inequality. Социобиологическая природа противоречий XXI века».

Иноземцев пишет: «Государству следует обеспечить все условия для ускорения «революции интеллектуалов» и в случае возникновения конфликтных ситуаций, порождаемых социальными движениями «низов», быть готовым не столько к уступкам, сколько к жесткому следованию избранным курсом».

Интеллектуальные дебаты крутятся вокруг идеи создания с помощью биотехнологии и информатики постчеловека. При этом сразу встает вопрос: а как видится в этих проектах судьба человека? В рассуждениях применяются три сходных парных метафоры. В жестких тезисах виды «постчеловек-человек» представлены как «кроманьонцы-неандертальцы». Помягче, это «элои-морлоки» (из фантазий Уэллса), совсем мягко – «людены-люди» (из Стругацких). А по сути различия невелики.

Вот рассуждения А.М. Столярова, видного писателя-интеллектуала, лауреата множества премий: «Современное образование становится достаточно дорогим… В результате только высшие имущественные группы, только семьи, обладающие высоким и очень высоким доходом, могут предоставить своим детям соответствующую подготовку… Воспользоваться [новыми лекарствами] сможет лишь тот класс людей, который принадлежит к мировой элите. А это в свою очередь означает, что

«когнитивное расслоение» будет закреплено не только социально, но и биологически, в предельном случае разделив все человечество на две самостоятельные расы: расу «генетически богатую», представляющую собой сообщество «управляющих миром», и расу «генетически бедную», обеспечивающую в основном добычу сырья и промышленное производство…

Современные «морлоки» с их интеллектом кретина будут неспособны на какой-либо внятный протест. Равным образом они постепенно потеряют умение выполнять хоть сколько-нибудь квалифицированную работу, и потому их способность к индустриальному производству вызывает сомнения».

Что ж, спасибо за откровенность. Люди по крайней мере будут предупреждены и, скорее всего, снова найдут способ успокоить «белокурую бестию» – уж эти-то навыки в России имеются.

Приватизация

Не составляет секрета, что выбор разрушительной для хозяйства России доктрины реформ преследовал чисто политические цели. Это была военная операция, целью которой был демонтаж советской политической системы, ликвидация Варшавского блока и самого СССР. Тот факт, что радикальные экономические преобразования преследовали в первую очередь политические цели, признавали тогда многие западные обозреватели. Газета «Файнэншл таймс» 16 апреля 1991 г. писала: «Западные правительства и финансовые институты, такие как Международный валютный фонд и Всемирный банк, поощряли восточноевропейские правительства к распродаже государственных активов, что было призвано послужить средством привлечения западных инвестиций, создания рыночной экономики и разрушения оплота в лице государственной бюрократии. Со своей стороны, правительства рассматривали приватизацию как средство разрушения базы политической и экономической власти коммунистов».

В команде Горбачева курс на демонтаж советской хозяйственной системы был взят уже в 1987 г. Г.С. Батыгин, бывший тогда заместителем главного редактора журнала «Социологические исследования», пишет: «В 1987 г. Главлит СССР потребовал снять из статьи, предназначенной для опубликования в журнале «Социологические исследования», тезис о неэффективности свободного рынка в высокоорганизованной экономике. Это означало, что идея централизованного социалистического планирования уже не соответствовала цензурным требованиям».

Давая 6 апреля 1991 г. обзор американской печати о ходе приватизации в Восточной Европе, газета «Тайм» признает: «Поскольку приватизация считается болезненным, а порой и сомнительным процессом, такие западные финансовые учреждения, как Всемирный банк, Международный валютный фонд и новый Европейский банк реконструкции и развития, должны оказать помощь, чтобы она прошла успешно. Профессор Сакс говорит: «Нам на Западе придется подкупать и уговаривать эти правительства идти вперед».

Видимо, «подкупить и уговорить» удалось, и в 1991 г. Верховный Совет СССР принял закон о приватизации промышленных предприятий, а в 1992–1993 гг. была проведена массовая приватизация промышленных предприятий России. До этого они находились в общенародной собственности, распорядителем которой было государство.

Эта приватизация является самой крупной в истории человечества акцией по экспроприации – насильственному изъятию собственности у одного социального субъекта и передаче ее другому. При этом общественного диалога не было, власть не спрашивала согласия собственника на приватизацию.

По своим масштабам и последствиям эта приватизация не идет ни в какое сравнение с другой известной нам экспроприацией – национализацией промышленности в 1918 г. Тогда большая часть промышленного капитала в России (в ряде главных отраслей весь капитал) принадлежала иностранным фирмам. Много крупнейших заводов и раньше были государственными (казенными). Поэтому национализация непосредственно коснулась очень небольшой части буржуазии, которая к тому же была в России немногочисленной. Национализация в 1918 г. началась как «стихийная», снизу. Она была глубинным движением, своими корнями оно уходило в «общинный крестьянский коммунизм» и было тесно связано с движением за национализацию земли.

Совершенно иной характер носила экспроприация промышленности в 90-е годы XX века. Теперь небольшой группе «частных собственников» была передана огромная промышленность, которая изначально была практически вся построена как единая государственная система. Это был производственный организм совершенно нового типа, не известного ни на Западе, ни в старой России. Он представлял собой важное основание российской цивилизации индустриальной эпохи XX века – в формах СССР.

В экономическом, технологическом и социальном отношении расчленение этой системы означало катастрофу, размеров и окончательных результатов которой мы и сейчас еще не можем полностью осознать. Система пока что сохраняет, в искалеченном виде, многие свои черты. Но уже сейчас зафиксировано в мировой науке: в России приватизация привела к небывалому в истории по своей продолжительности и глубине экономическому кризису, которого не может удовлетворительно объяснить теория.

Невозможно было избежать объяснения, и через десять лет после приватизации В.В. Путин говорит в «телефонном разговоре с народом» 18 декабря 2003 г.: «У меня, конечно, по этому поводу есть свое собственное мнение: ведь когда страна начинала приватизацию, когда страна перешла к рынку, мы исходили из того, что новый собственник будет гораздо более эффективным. На самом деле – так оно и есть: везде в мире частный собственник всегда более эффективный, чем государство».

Первый тезис нелогичен. «Народ» у телевизоров ожидал услышать «собственное мнение» Президента о результатах приватизации, а не о том, «из чего исходили» приватизаторы команды Ельцина. Они, в лучшем случае, исходили из ничем не обоснованного предположения – и ошиблись! Признает ли Путин эту ошибку или нет – вот в чем был вопрос.

Второе утверждение также не соответствует предмету разговора. Речь шла не о том, что происходит «везде в мире», а о том, как «частные собственники» управились с хозяйством именно в России.

К тому же второй тезис просто неверен. Нигде в мире частный собственник не является более эффективным, чем государство. Эффективность частного предпринимателя и государства несоизмеримы, поскольку они оцениваются по разным критериям. Разные у них цели. У частника критерий эффективности – прибыль, а у государства – жизнеспособность целого (страны).

Сравнивать эффективность частных и государственных предприятий по прибыльности в принципе неверно и потому, что в рыночной экономике государственные предприятия создаются именно в неприбыльных отраслях, из которых уходит капитал.

Приватизация 90-х годов стала небывалым в истории случаем теневого соглашения между бюрократией и преступным миром. Две эти социальные группы поделили между собой промышленность России. Этот союз бюрократии и преступности нанес по России колоссальный удар, и не известно еще, когда она его переболеет.

Молодой аспирант-биохимик Каха Бендукидзе «скупил ваучеры» и приобрел «Уралмаш». Сам он говорит в интервью газете «Файнэншл таймс» от 15 июля 1995 г.: «Для нас приватизация была манной небесной. Она означала, что мы можем скупить у государства на выгодных условиях то, что захотим. И мы приобрели жирный кусок из промышленных мощностей России. Захватить «Уралмаш» оказалось легче, чем склад в Москве. Мы купили этот завод за тысячную долю его действительной стоимости».

Заплатив за «Уралмаш» 1 миллион долларов, Бендукидзе получил в 1995 г. 30 млн. долл. чистой прибыли. При этом практически угробив замечательный «завод заводов». Регресс в технологии и организации труда произошел такой, что не только в «наш общий европейский дом» войти России не светило, а и Бразилия стала недосягаемой мечтой.

Вот самая богатая, не имевшая проблем со сбытом отрасль – нефтедобыча. В 1988 г. на одного работника здесь приходилось 4,3 тыс. тонн добытой нефти, а в 1998 г. – 1,05 тыс. т. Падение производительности в 4 раза! В электроэнергетике то же самое – производительность упала в два раза, ниже уровня 1970 г. В 1990 г. на одного работника приходилось 1,99 млн. кВтчас отпущенной электроэнергии, а в 2000 г. 0,96 млн. кВтчас.

Вот непосредственные последствия приватизации.

– Были разорваны внутренние связи промышленности, и она потеряла системную целостность. Были расчленены (в среднем на 6 кусков) промышленные предприятия, вследствие чего они утратили технологическую целостность. Объем промышленного производства упал в 1998 г. до 46,3 % от уровня 1990 г. (а в машиностроении в 6 раз). Оживление, которое началось с 1999 года, прекратилось в сентябре 2008 г., когда начался затяжной спад. Выйдет ли производство при этой системе на уровень 1990 г. – не известно.

– Произошла структурная деформация промышленности – резкий сдвиг от обрабатывающей к сырьевой (и экспортным отраслям, производящим «упакованную» энергию в виде энергоносителей, металлов и удобрений). Ряд системообразующих отраслей почти утрачены, как, например, тракторостроение, авиационная и фармацевтическая промышленность.

– Была разрушена сбалансированная система цен, что парализовало отечественный рынок многих видов продукции (например, сельскохозяйственных машин и удобрений). В ряде отраслей новые «собственники» распродали основные фонды (так, Россия утратила 75 % морского торгового флота). В добывающей промышленности не воспроизводится сырьевая база – разведка полезных ископаемых сократилась многократно. Сооружения, машины и оборудование эксплуатируются хищнически, на износ. Беспрецедентная авария на Саяно-Шушенской ГЭС – это глас свыше нынешней власти.

Но угрозы более фундаментальны. Любой хозяйственный уклад имеет под собой определенную мировоззренческую основу. Радикальная приватизация советской промышленности якобы с целью получить индустриальную систему западного образца означала внедрение, силой государственной власти, совершенно новых отношений в социальную и культурную ткань населяющих Россию народов.

Между тем, капиталистическая экономика западного типа базируется на специфической культурной основе, во многих смыслах несовместимой с культурой России. Об этом было говорено и переговорено. «Дух капитализма» западного типа имеет специфические религиозные корни (протестантизм), определенную картину мира, определенный тип рациональности и мышления (механицизм и европейская наука), определенную этику. И все это в одинаковой мере важно и для предпринимателей, и для рабочих.

В Концепции закона о приватизации (1991 г.) в качестве главных препятствий ее проведению называются такие: «Мировоззрение поденщика и социального иждивенца у большинства наших соотечественников, сильные уравнительные настроения и недоверие к отечественным коммерсантам (многие отказываются признавать накопления кооператоров честными и требуют защитить приватизацию от теневого капитала); противодействие слоя неквалифицированных люмпенизированных рабочих, рискующих быть согнанными с насиженных мест при приватизации».

Замечательна сама фразеология этого официального документа. Большинство (!) соотечественников якобы имеют «мировоззрение поденщиков и социальных иждивенцев» (трудящиеся – иждивенцы, какая бессмыслица). Рабочие – люмпены, которых надо гнать с «насиженных мест». Эти выражения свидетельствуют о том, что влиятельная часть либеральной интеллигенции впала в тот момент в мальтузианский фанатизм времен «дикого капитализма». Такой антирабочей фразеологии не потерпела бы политическая система ни одной демократической страны, даже в прессе подобные выражения вызвали бы скандал – а у нас ее применяли в законопроектах.

В программу приватизации входила не только идеологическая кампания по созданию образа врага в виде государственной собственности, но и подготовка трудящихся к безработице. Было хорошо известно, что приватизация вызовет обвальную безработицу (в прогнозах ее масштабы даже преувеличивались по сравнению с тем, что потом имело место в действительности).

Создание массовой безработицы в России, которая уже полвека как преодолела эту социальную болезнь, было тяжелым ударом по экономике. До сих пор никакой рефлексии относительно этого шага во властной верхушке России нет и никаких шагов к исправлению положения не делается.

Советское хозяйство, на 90 % построенное уже после войны, к 1990 году представляло собой специфическую систему, созданную как единый сросшийся с государством организм. Аналогии с западным или дореволюционным российским хозяйством познавательной ценности тут не имеют, нечего на них и ссылаться. Никаких теоретических разработок переделки такого хозяйства в рыночную экономику западного типа у реформаторов не было. Их доктрина не имела никаких разумных оснований, кроме стремления уничтожить «империю зла».

Уход государства из хозяйственной системы (ликвидация Госплана, Госснаба, Госстандарта и Госкомцен) неизбежно и моментально привел к ее краху. Ход процесса был довольно точно предсказан с конца 1990 г. Это и есть результат приватизации! Только благодаря «партизанскому» сопротивлению и самих хозяйственных структур, и среднего звена госаппарата удалось сохранить для России хотя бы половину ее экономического потенциала. А власть, как следует из ее деклараций, поддерживает реформу 90-х годов и порицает тех, кто ей сопротивлялся.

Но достигнута ли декларированная цель, удалось ли создать промышленность западного типа? Нет, не удалось. Россия имеет промышленную систему советского типа, только изуродованную и лишенную потенциала к развитию. Ни переделать систему, ни построить рядом с ней новую, «западную», не удалось. Надо же это признать и начать исправлять ошибки – или власть этого и хотела?..

Едва ли не главным институциональным изменением в хозяйстве России стало превращение в товар земли сельскохозяйственного назначения – введение частной собственности на такую землю и разрешение ее купли-продажи. До этого земля в России находилась или в феодальной собственности помещиков (то есть была наделом, данным дворянину на кормление), или в собственности крестьянской общины (она давала наделы своим членам). В советское время земля была национализирована и в основном передана колхозам в пользование (думали, что вечное).

Такого рода кардинальное изменение, конечно, требовало обширного и гласного обоснования и общественного диалога. Диалога не было, задать вопросы было нельзя – любое сомнение делало тебя «врагом перестройки» и ты лишался слова. Даже в научных учреждениях, обязанных беспристрастно оценивать альтернативы стратегических решений.

Гласные доводы за куплю-продажу земли сводились к двум предсказаниям (о теневых целях гадать не будем):

– Если землю разделить на паи, то сильные хозяева ее скупят у слабых и ленивых, и в России возникнет, как на Западе, класс фермеров, которые будут вести очень эффективное хозяйство и накормят народ.

– Если фермер будет иметь землю в частной собственности, то он сможет заложить ее в банке и получить кредит, на который купит машины, скот, компьютер и все прочее, чтобы вести очень эффективное хозяйство и т. д.

Других доводов не было, искать по документам, книгам и речам бесполезно. Что же мы имеем сегодня? Посмотрим сначала, как пошла купля-продажа земли.

В 2005 году Федеральное агентство кадастра объектов недвижимости опубликовало «Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации». Здесь даны такие сведения: «Из 401 млн.

га земель сельскохозяйственного назначения в собственности граждан и юридических лиц находится около 126 млн. га, или более 30 % от всех таких земель. Остальные 275 млн. га (около 70 %) находятся в государственной и муниципальной собственности.

Из 121 млн. га, которые являются собственностью граждан, около 113 млн. га (93 % от 121 млн. га) составляют земельные доли, из них примерно 27 млн. га (24 %) – это невостребованные земельные доли».

Реально, никто землю для производства хлеба не покупает, 93 % земли граждан – полученные от колхозов паи, а у юридических лиц земли всего 5 млн. га, то есть чуть больше 1 %. Значит, сельскохозяйственные предприятия и мало-мальски крупные фермеры (все те, кто оформлены как юридические лица) не стали основными собственниками земли. При этом разгром колхозов и совхозов привел к сокращению посевных площадей на треть (на 42,5 млн. га).

Какова же динамика рынка земли? Читаем в том же докладе: «Каждый год сельскохозяйственные предприятия и крестьянские (фермерские) хозяйства в небольших размерах покупают государственную и муниципальную землю сельскохозяйственного назначения. Так, в 2004 г. ими было выкуплено у уполномоченных органов государственной и муниципальной власти земель вне населенных пунктов на площади свыше 8 тыс. га».

Легко посчитать, какую долю составят 8 тыс. га от 275 млн. га предложенной на рынок государственной земли – менее одной трехтысячной доли процента. Зачем покупают такие угодья? Чтобы за взятки перевести их в разряд земель под строительство, что и подтверждается в документе. Частный капитал не покупает землю, чтобы вести хозяйство. Землю скупят спекулянты для теневой перепродажи иностранцам, о чем пишут откровенно. Вот недавняя справка Минсельхоза: «Добросовестные землепользователи и инвесторы сталкиваются с проблемами оформления земли в собственность или в долгосрочную аренду.

Одновременно с этим все последние годы идет процесс повышения привлекательности земли как рыночного товара, как актива. В результате в эту сферу вошли многочисленные земельные спекулянты».

Гипотеза о благотворном эффекте частной собственности на производство тоже не подтвердилась. Самый длительный эксперимент по продаже земли был проведен в Саратовской области. Губернатор Аяцков добился такого права еще в начале 90-х годов. Саратовская область – зерновая. Как там частная собственность повысила эффективность хозяйства? Заметных улучшений по сравнению с другими областями нет. Относительно трех «советских» пятилеток 1976–1990 гг. сбор зерна в области за пятнадцать лет – с 1991 по 2005 год – снизился в той же пропорции, что и в других регионах. Никакого положительного эффекта купля-продажа земли не дала.

В январе 2009 г. состоялось совещание по совершенствованию законодательства в отношении земель сельскохозяйственного назначения. Первый вице-премьер В.А. Зубков заявил: «Активного движения эффективных собственников на земли сельхозназначения пока не видно». По его данным, к началу 2009 года из 12 миллионов дольщиков только 400 тысяч (3 %) оформили свою землю в собственность.

Среди проблем, мешающих «появлению реального собственника сельскохозяйственных земель», Зубков выделил «высокую стоимость и длительный характер работ по выделению земельных участков из общей долевой собственности». Первый вице-премьер обошел более существенный фактор – явное нежелание 97 % бывших колхозников превращать неделимый фонд земли в кусочки частной собственности.

Но даже и разрешить проблемы оформления участков становится для правительства непосильной задачей. Вот что необходимо для их решения: «определить достоверный перечень участников долевой собственности, установить понятный, исполнимый для людей порядок выдела невостребованных долей… сделать прозрачными процедуры принятия решений по земле государственными и муниципальными органами, упростить процесс оформления документов… ввести в оборот брошенные и скупленные для других целей плодородные земли, уточнить цели использования земель сельхозназначения…».

Судя по тому, что даже в оформлении дачных участков («дачная амнистия») власть не смогла «установить понятный, исполнимый для людей порядок» и превратила доброе дело в социальное бедствие, превращать сельских жителей России в «реальных земельных собственников» она не собирается.

Надо зафиксировать этот вывод, ставший несомненным за 20 лет реформ: институт купли-продажи земли, ради внедрения которого реформаторы пошли на создание глубокого кризиса в сельском хозяйстве, в России не действует. Значит, надо это признать и договориться, каким образом не допустить скупки земли спекулянтами, за спиной которых маячит преступный международный капитал. Как пишут западные эксперты-криминалисты, земли России считаются самым надежным местом для отмывания денег.

И заметьте – ни в одном «телефонном разговоре с народом» никто ни разу не задал В.В. Путину вопроса о земле. О дачных шести сотках спрашивали, а о 130 миллионах гектаров пашни – никто. Отсеивают эти вопросы помощники Путина? Люди перестали интересоваться судьбой земли? И то и другое – признак глубокого кризиса…

Когда принимали закон о свободной купле-продаже земли, говорили и о чудодейственной силе ипотеки – кредитов под залог земли. В.В. Путин сказал: «В 2006–2007 годах должна быть создана система земельно-ипотечного кредитования, позволяющая привлекать средства на длительный срок и под приемлемые проценты под залог земельных участков».

Срок истек еще в 2007 г. Каков результат? Молчание. Кто даст «средства на длительный срок и под приемлемые проценты», если заемщики и так уже находятся в неоплатном долгу? Ведь такой кредитор сразу разорится.

Вот реальность: в 2000 г. размер долгосрочного кредитования сельского хозяйства Российской Федерации составил (в сопоставимых ценах) 1,3 % от уровня 80-х годов. А ведь кредит – это именно рыночный инструмент финансирования. Вот тебе и «рыночная» реформа – она лишила сельское хозяйство рыночных методов, которые существовали даже при плановой системе. Это надо уметь!..

Как же устроились в рыночной России фермеры, на которых возлагалась вся надежда реформаторов? Когда уничтожали колхозы и совхозы, людей убеждали, что главным типом хозяйства на селе в будущей рыночной системе станут фермерские хозяйства. Их пропагандой занимались поэты и эстрадные певцы, интеллектуалы широкого диапазона – от Новодворской до члена Политбюро КПСС Яковлева. Ссылки были и на Столыпина, и на американцев. Но мы возьмем только главный лозунг, который вдохновил часть горожан: «Фермер накормит Россию!»

Что же мы имели через 17 лет «фермеризации всей страны»? В 2006 г. число фермерских хозяйств составило 255,4 тыс., а общая земельная площадь их сельскохозяйственных угодий – 21,6 млн. га (со средним размером земельного участка 81 га). Из этих угодий пашня составляла 15 млн. га. Это около 15 % всей пашни в России. На этой земле фермеры произвели в 2006 г. 6,5 % всей сельскохозяйственной продукции России. У них сильно отстает трудоемкая часть сельского хозяйства – животноводство. Здесь они дают только 3,3 % от общего производства.

Таким образом, фермеры дают на стол россиянам очень небольшую долю продуктов, а пашню используют гораздо хуже, чем полузадушенные колхозы. Следовало бы правительству как-то по этому поводу объясниться с народом, чью землю приватизировали реформаторы.

Каковы же перспективы фермеров в нынешней системе хозяйства? Очень небольшие. По данным Сельскохозяйственной переписи, в 2006 году из имеющихся в России фермерских хозяйств сельскохозяйственную деятельность осуществляли только 124,7 тыс. А 107 тыс. фермеров относились к категории «прекративших сельскохозяйственную деятельность». Еще 21,4 тыс. хозяйств считались «приостановившими сельскохозяйственную деятельность». Выходит, половина фермеров, получив землю, сами на ней хозяйства не ведут! Зачем же было отнимать землю у колхозов? Объясните нам, господа премьеры и президенты!..

Почему же фермеры прекратили пахать и сеять? В чем дело? В том, что мелкая ферма не может вести хозяйство и тягаться с крупным предприятием без очень больших бюджетных дотаций. Это надежно установлено и в столыпинской реформе, и мудрыми американцами. А обещанных дотаций фермерам не дали и, судя по всему, не дадут – прошел достаточный срок, чтобы в этом убедиться.

В результате в 2006 году общее число работников, занятых во всех фермерских хозяйствах, составляло 475 тыс. человек. В их числе наемных работников, занятых на постоянной основе, было 83 тыс. человек, то есть в среднем по одному работнику на 3 фермерских хозяйства. Остальные – поденщики или сезонники. Таким образом, после 1999 года фермерские хозяйства в России в целом стали еще менее «капиталистическими». Тогда ради чего крушили имевшиеся развитые хозяйства?

Конечно, к старым колхозам не вернуться, но ошибку надо исправлять, искать новые формы соединения трудовых крестьянских хозяйств с крупными предприятиями, совместно модернизировать их. Это – национальная проблема народа России.

Мы говорим о купле-продаже земли и фермеризации потому, что эта программа представляла собой попытку институциональной трансформации России. А что произошло с сельским хозяйством как сферой экономики?

В 90-е годы была разрушена колхозно-совхозная система, выстроенная в советское время с опорой на традиционный образ жизни сельского населения России (деревнями и поземельными общинами) и исходя из необходимости модернизации сельского производства. Эта операция привела к тяжелому кризису, и он так безысходен, что практически ни политики, ни ученые-экономисты, ни СМИ ничего и не говорят о жизни села.

Образ российской деревни в общественном сознании стал бестелесным и внесоциальным. Иногда на экране появляется министр сельского хозяйства, иногда картинки хлебосольного деревенского быта или чернуха с покосившейся избушкой и пьяненьким стариком-селянином.

В 2005 г. положение на тот момент было зафиксировано на конференции сельскохозяйственных производителей России, которая состоялась в Москве. Выступали и чиновники правительства, и президенты союзов, и директора крупных объединений. Речь шла о том, что экономическая система «настроена» так, что сельское хозяйство России удушается, а иностранному капиталу создаются столь льготные условия, что российский производитель конкурировать с ним не в состоянии.

Представители правительства в ответ не могли сказать ничего внятного, отделываясь риторическими вопросами. Вот, важный чиновник (Н.Т. Сорокин) объясняет, почему село не покупает технику: «Сельхозпроизводитель сегодня продает молоко за 5 рублей – это закупочная цена. Переработчик продает молоко за 22–26 рублей. Вопрос в следующем: почему мы даем производителю минимальную стоимость, а переработчик получает 350–400 %? Какие механизмы должны регулировать этот вопрос?»

Но все это залу было прекрасно известно! Чиновник Минсельхоза задает вопросы, хотя именно он и должен был на них ответить. Гендиректор концерна «Тракторные заводы» Э.А. Маховиков называет причины: «Если при Советском Союзе на сельское хозяйство выделяли 26 % бюджета, то сейчас 1 %… Износ парка техники 80 %, а поступление техники 2–3 %. Крестьянину тяжело приобрести трактор, сегодня он не в состоянии купить даже солярку к нему. И ему не решить эту проблему в одиночку, а государственной поддержки в настоящее время практически нет».

Если взять суть, то он сказал: кризис вызван тем, что уничтожили крупные предприятия (колхозы и совхозы) и при этом государство лишило село поддержки.

Изменилась ли за последующие годы политика государства в отношении обеих этих причин? Нет, существенно не изменилась. Собираются ли ее менять в ближайшем будущем? Видимо, нет – никаких заявлений на этот счет не было.

Замминистра сельского хозяйства С.Г. Митин поднял на той конференции другой актуальный вопрос: «Ситуация такова, что сельское хозяйство не может дальше развиваться в условиях открытости рынка, в условиях глобализации, в условиях мирового разделения труда».

И это всем участникам было известно: вступление в ВТО нанесет селу смертельный удар. В Решениях конференции сказано: «Недопустимо, чтобы Россия отказалась от реальных ценностей – развитого сельского хозяйства и сельхозмашиностроения – ради членства в ВТО».

Но если так, зачем же правительство России и лично министр сельского хозяйства с таким энтузиазмом тащили и тащат нас в ВТО? Как может действовать государство, если министр говорит одно, а его заместитель – совершенно противоположное? Руководители-практики, а не политики из оппозиции, сообщали с удивлением, что на все их обращения в правительство с вопросом о том, что станет с сельским хозяйством России после вступления в ВТО, им просто ничего не отвечают – даже при личных доверительных беседах.

Кардинального перелома в сельском хозяйстве за последние годы не произошло, но В.В. Путин говорит, что отрасль уже работает успешно. Он даже назвал ее «инвестиционно привлекательной». Как понимать это утверждение? В конце 2005 года, когда и было объявлено об «инвестиционной привлекательности», положение было таково: общая рентабельность всей хозяйственной деятельности сельскохозяйственных предприятий составила 8 %, а доход собственно от сельского хозяйства гораздо меньше. В 40 регионах России деятельность предприятий убыточна, а в целом по России доля убыточных предприятий составила 40 %. Где тут «экономический успех»?

Кредиторская задолженность отрасли «сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» превышала дебиторскую задолженность к концу 2005 г. на 109 млрд. руб. Между тем вся прибыль (сальдированный результат, то есть прибыль минус убыток) организаций отрасли составила в 2005 г. 27,5 млрд. руб. Как можно считать «инвестиционно привлекательной» отрасль, в которой долги в 4 раза превышают всю годовую прибыль? Реформа эту отрасль разорила и столкнула в глубочайшую яму. Ее надо сначала из этой ямы вытащить, а потом говорить инвесторам о ее привлекательности.

Фактически «инвестиционная привлекательность» сельского хозяйства относительно очень низка, а величина инвестиций просто ничтожна. При этом власть утверждает, повторим, что дела идут успешно, – вот что страшно. В.В. Путин сказал: «Нам уже удалось добиться значительных успехов в производстве зерна. Из импортера Россия стала его экспортером».

Причем здесь экспорт, как он может характеризовать производство? «Недоедим, а вывезем», – лозунг министра финансов Российской империи. Мы к нему возвращаемся? В каком смысле надо понимать слова об «успехах в производстве зерна»?

Раньше в РСФСР производили до 120 млн. т зерна в год, а теперь по 70–80. Урожай менее 100 млн. т зерна в год в последние 20 лет до реформы был редкостью. В 1986 г., когда началась антиколхозная кампания, в РСФСР произвели 118 млн. т зерна.

Нормально на душу населения в стране надо иметь 1 тонну зерна в год – тогда хватает и на хлеб людям, и на комбикорм скотине, дающей молоко и мясо. В Российской Федерации сейчас производят чуть более 500 кг на душу – и вывозят зерно. В каком смысле мы должны считать это успехом? Власть мыслит какими-то неведомыми понятиями…

Правительство обязано дать отчет: ради чего было загублено крупное механизированное сельскохозяйственное производство России? Что получила страна в целом и сельское население от этой реформы? Как можно продолжать преобразования, превращающие почти все пространство страны в зону бедствия и делающие Россию все более зависящей от импорта продовольствия?

Надо внятно отчитаться хотя бы по результатам «национального проекта» в сельском хозяйстве! Министр Гордеев много лет красовался на экране телевизоров и ушел, не отчитавшись. Но власть же никуда не уходит – пусть отчитается за него!

ВВП и «пирамида ожиданий»

Человек живет в искусственном мире культуры. Важная его часть – мир вещей. Он неразрывно связан с миром идей и чувств, человек осознает себя, свое положение в мире и в обществе по тому, какими вещами владеет и пользуется. Вещи – символы отношений. Воздействуя на отношение людей к вещам, можно изменить и их отношение к людям, к стране, к своей собственной жизни. Отношение людей к вещам – один из главных фронтов борьбы за души людей.

Последние двадцать лет граждане России были объектом небывало мощной и форсированной программы по созданию и внедрению в общественное сознание новой системы потребностей. В ходе этой программы сначала культурный слой и молодежь, а потом и основную массу граждан втянули в то, что называют «революцией притязаний». То есть добились сдвига к принятию российскими гражданами постулатов и стереотипов западного общества потребления.

Масса людей стала вожделеть западных стандартов потребления и считать их невыполнение в России невыносимым нарушением «прав человека». Так жить нельзя! – вот клич человека, страдающего от невыполнимых притязаний. Чтобы получить шанс, пусть эфемерный, на обладание вещами «как на Западе», надо было сломать многие устои российской цивилизации, отбросить многие заданные ею нравственные ограничения.

В обыденном сознании укоренилось представление, что потребности даны человеку объективно, что они естественны. Человеку нужна пища, одежда, жилище и т. д. Слово «объективно» можно принять с оговорками – если учесть, что имеется в виду объективность социального бытия, выскочить далеко за рамки которого отдельный человек не может. Но «естественными» потребности человека считать никак нельзя. Это ошибочное представление.

Человек создан культурой, и его потребности – также продукт культуры. Биологические потребности человека как живого существа очень невелики. Они даже «подавляются» культурой – большинство людей скорее погибнет от голода, чем станет людоедами.

На самых ранних стадиях развития человеческого общества люди жили собирательством и охотой. Материальные потребности у них были еще неразвиты, и на их обеспечение было достаточно потратить около двух часов в день. Это был «век изобилия», и люди имели много времени для досуга, который использовали, чтобы созерцать мир, совместно создавать большие мифологические системы и музыку, заниматься наскальной живописью.

Новые материальные потребности создавались обществом в его развитии как стимул для более интенсивного и продолжительного труда в выполнении общих задач. Они не были предписаны природой человека, а были обусловлены социально исходя из целей данного конкретного общества в данный исторический момент.

В любом обществе круг потребностей меняется, идет обмен вещами и идеями с другими народами. Это создает противоречия, разрешение их требует развития и хозяйства, и культуры. Уравновешивают этот процесс разум и совесть людей, их исторический опыт, отложившийся в традиции. Любой народ, чтобы сохраниться, должен обеспечить безопасность «национального производства потребностей» от вторжения чужих «программ-вирусов». Обновление системы потребностей как части национальной культуры должно вестись в соответствии с критериями, которые нельзя отдавать на откуп «чужим».

Между тем именно навязывание другому народу специально созданной, наподобие боевого вируса, системы потребностей является одним из главных средств ослабления и подчинения этого народа. Так, например, англичане произвели захват Китая в XIX веке. Все попытки соблазнить китайцев западными товарами были безуспешны – от имени императора послов и купцов благодарили за подарки и хвалили эти «занимательные штучки», но отвечали, что надобности в них у китайцев нет. Англичанам пришлось вести тяжелые войны, чтобы заставить Китай разрешить на его территории торговлю опиумом, который для этого стали производить в Индии. С этого и началось – с сильного наркотика, потом пошли в ход более слабые (граммофоны, чайники со свистком и пр.). Как известно, «животное хочет того, в чем нуждается, а человек нуждается в том, чего хочет».

«Экспорт потребностей» – одно из важных средств в экономической войне цивилизаций. «Слаборазвитость» и есть такое состояние культуры, когда элита становится «компрадорской», то есть тратит национальные ресурсы на покупку заграничных товаров для собственного потребления, а массы с таким положением соглашаются, потому что надеются вкусить хоть немного от заграничных благ.

Сейчас в России продолжается большая программа по превращению наших граждан в чахнущих аборигенов, начатая в перестройку. Еще в ноябре 2000 г. президент В.В. Путин, выступая перед студентами Новосибирского государственного университета, сказал, что России «необходимо открыть границы. При этом части российских производителей станет неуютно под давлением более качественной и дешевой зарубежной продукции». Далее он пояснил, что идти по этому пути необходимо – иначе «мы все вымрем, как динозавры».

Тут В.В. Путин ошибся: границы обычно открываются «зарубежной» буржуазией не силой товаров, а самой обычной артиллерией и подкупом элиты, а динозавры вымерли не от нехватки западных товаров, а от холода. Нам такая участь тоже грозит – не от нехватки иномарок, а от кризиса теплоснабжения.

В прошлом сильнейшим барьером, защищавшим местную («реалистичную»)) систему потребностей, были сословные и кастовые рамки культуры. Таким барьером, например, было закрыто крестьянство в России. Крестьянину и в голову бы не пришло купить сапоги или гармонь до того, как он накопил на лошадь и плуг, – он ходил в лаптях. Так же в середине века было защищено

население Индии и в большой степени Японии. Позже защитой служил мессианизм национальной идеологии (в СССР, Японии, Китае). Были и другие защиты – у нас, например, осознание смертельной внешней угрозы, формирующей потребности «окопного быта».

Процесс внедрения «невозможных» потребностей протекал в СССР начиная с 60-х годов, когда ослабевали указанные выше защиты. Но обвально они были обрушены в годы перестройки под ударами всей государственной идеологической машины. При этом новая система потребностей была воспринята населением не на подъеме хозяйства, а при резком сокращении местной ресурсной базы для их удовлетворения. Это привело к быстрому регрессу хозяйства – с одновременным культурным кризисом и распадом системы солидарных связей. Монолит народа рассыпался на кучу песка, зыбучий конгломерат мельчайших человеческих образований – семей, кланов, шаек.

В ходе довольно длительной культурной кампании в наше общество были импортированы и внедрены в сознание потребности, якобы удовлетворенные на Западе. При помощи прямых подлогов и недоговоренностей было создано также убеждение, что этот комплекс потребностей может быть удовлетворен и в России – надо только «перестроить» наш дом, главные структуры жизнеустройства. В дальнейшем это убеждение обрушилось и превратилось в более хищную, но реалистичную формулу: «кое-кто в России может потреблять так же, как на Западе». Но потребности остались, они обладают большой инерцией.

В какой же коридор загнали жизнеустройство России после 1991 года? Для нашей темы главное изменение сводится к следующему: в России резко (за два года вдвое) сократились инвестиции, вложения средств в поддержание и воспроизводство основных фондов – всей материальной базы страны. Соответственно, стало снижаться производство всех благ. Это снижение производства, выражаемое величиной ВВП, происходило медленнее, чем сокращение инвестиций, – основные фонды какое-то время остаются дееспособными и без ремонта и обновления.

Самый главный для нас факт состоит в том, что при этом потребление благ сократилось несущественно. Его можно представить показателем розничного товарооборота – покупок товаров населением. Конечно, при новом образе жизни внутри населения произошло резкое расслоение на тех, кто подтянул пояса и стал потреблять меньше, и на тех, кто стал жрать в три горла и заполнять свои квартиры и дачи ненужным дорогим барахлом. Но если взять Россию в целом, то в 1999 г. инвестиции составили 22 % от уровня 1990 года, ВВП – 58 %, а розничный товарооборот – 87 %.

Режим Ельцина «перенастроил» Россию на проедание накопленного национального богатства (основных фондов). За счет чего же обеспечивалось поддержание потребления на уровне 87 % от 1990 года, что намного превышает индекс ВВП? За счет импорта, оплаченного сырьем и распродажей части основных фондов. Ясно, что такая жизнь долго продолжаться не может, т. к. быстрее всего проедается «будущее». Это «воровство у будущего» не так заметно, потому что еще не родившиеся дети не просят есть. Но проедается и настоящее – набирает темп разрушение производственной базы, оставшейся без инвестиций, и для поддержания уровня потребления приходится сокращать численность «ртов». Мягкий метод известен – превышение смертности над рождаемостью. Народ, потребляющий намного больше, чем производит, вымирает неминуемо. Насчет законов Мальтуса еще можно поспорить, а закон сохранения веществ нарушить не получается.

От новой власти, которая всем казалась альтернативой Ельцину, ожидалась восстановительная программа. Требовалось срочно остановить деградацию материально-технической базы производства и систем жизнеобеспечения (прежде всего ЖКХ). Надежды на такой поворот подогревались той манной небесной в виде нефтедолларов, которая вдруг пролилась над Россией.

Да, толика этого дождя оросила экономику – инвестиции стали слегка увеличиваться, хотя львиная доля их пошла не на воспроизводство целостной системы хозяйства, а в создание «новой России». В 2006 г. 54 % всех инвестиций были направлены в три отрасли: добычу топливно-энергетических ресурсов; транспорт и связь; операции с недвижимым имуществом, аренду и предоставление услуг. А, например, машиностроение, объем производства в котором (исключая автомобилестроение) сократился в шесть раз, получило только 1 % инвестиций. Но все же и эти капельки оживили производство, расшевелили «дремлющие» остатки его мощностей. Поэтому подрос и ВВП.

Об идее его «удвоения» говорить не будем, потому что реальный рост или спад ВВП надо считать в постоянных ценах, исключая прыжки и гримасы лондонской или нью-йоркской биржи. В общем, к началу 2008 г. ВВП достиг уровня 1990 года – через 17 лет реформы! Вспомним, что в 1990 г.

ВВП считался столь недостойно малым, что советскую систему решили немедленно сломать. Кстати, уже в 2009 г. этот самый удваиваемый ВВП опять снизился до 96,5 % от уровня 1990 года. Но, так или иначе, ВВП обгоняет рост инвестиций, объем которых в 2009 г. составил 51 % от уровня 1990 года.

А что же происходило после 1999 года с потреблением? Произошел взрывной рост. Кто бы мог подумать – при такой разрухе! Трубы теплоснабжения проржавели и еле дышат, жилищный фонд обветшал без ремонта, ГЭС в аварийном состоянии, тракторный парк сократился втрое – зато караваны трейлеров везли в Россию сотни тысяч новеньких «ауди» и «лексусов».

В 2000 г. розничный товарооборот составил в России 95 % от уровня 1990 года, в 2005 г. – 161 %, а в 2008 г. – 242 %! ВВП не вырос нисколько, а потребление – в 2,5 раза. Если учесть, что при этом две трети населения в совокупности не увеличили своего потребления, зажиточная и разбогатевшая часть общества стала потреблять в 7–8 раз больше, чем до реформы. Надолго ли хватит национального богатства при такой прожорливой «элите»?

На конференции в Давосе (январь 2009 г.) В.В. Путин так сказал об одной из главных причин нынешнего мирового кризиса:

«Завышенные ожидания… задавали быстрый рост стандартов личного потребления, прежде всего в развитых странах. Рост, который – и это нужно прямо признать – не был подкреплен реальными возможностями. Это было не заработанное благополучие, а благополучие в долг, за счет будущих поколений. Вся эта «пирамида ожиданий» должна была рано или поздно рухнуть, что, собственно, и происходит на наших глазах».

Это сказано «прежде всего о развитых странах». А ведь на России раскрученное после 2000 года «благополучие в долг, за счет будущих поколений» сказалось несравненно тяжелее. По сравнению с 2000 годом в 2007 году: импорт транспортных средств вырос почти в 10 раз, с 10,6 до 101,8 млрд. долл.; импорт продовольствия вырос с 7,4 до 27,6 млрд. долл.; оборот розничной торговли возрос с 2,35 до 10,85 трлн. руб.; сумма заемных средств, полученных населением, выросла в 73 раза, с 44,7 до 3242,1 млрд. руб. К ноябрю 2008 г. кредиты банков физическим лицам составили 4,1 трлн. рублей. Для бесконтрольной выдачи кредитов банки брали в долг деньги за рубежом и сами спекулировали валютой и акциями. Когда биржи рухнули, бумаги обесценились, отдавать долги было нечем, и государство спасало банки за счет населения.

Из сравнения динамики инвестиций и потребления напрашивается вывод, что народная любовь к нынешней власти зиждется на том, что власть задобрила половину населения. Задобрила тем, что изъяла из хозяйства и кинула этой половине в качестве отступного некоторую долю национального достояния – на пропой и на импортное барахло. Цена этого сговора – износ основных фондов, деградация ЖКХ, здравоохранения и образования, тяжелое массовое пьянство и подрезание всех корней модернизации и развития. Россия погружается в безнадежность. Ельцин на такое не решился, потому и любви не снискал и до конца второго срока не досидел. Была в глубине его темной души капелька чувства хозяина.

Реальность нам известна: дом «перестроили» так, что отдали хозяйство на поток и разграбление. В результате множество людей не могут удовлетворить даже самые обычные, традиционные жизненные потребности. Но при этом и несбыточные остались! И оттого, что несбыточность их очевидна, но в то же время отвергается сердцем, люди испытывают сильный стресс, который и разрушает структуры сознания. Система потребностей обладает инерцией и воспроизводится, причем, возможно, во все более уродливой форме.

Поэтому даже если бы удалось каким-то образом вновь поставить эффективные барьеры для «экспорта соблазнов», внутреннее противоречие не было бы разрешено. Ни само по себе экономическое «закрытие» России, ни появление анклавов общинного строя в ходе нынешней ее архаизации не подрывают воспроизводства «потребностей идолопоклонника». Таким образом, у нас есть реальный шанс «зачахнуть», превратившись в слаборазвитое общество. Еще немного – и новое население России ни по количеству, ни по типу сознания и мотивации уже не сможет не только осваивать, но и держать территорию. Оно начнет стягиваться к «центрам комфорта», так что весь облик страны будет быстро меняться.

Переход к импортированным из иного общества «несбыточным» потребностям – это социальная болезнь. Болезнь эта страшна не только страданиями, но и тем, что порождает порочный круг, ведущий к саморазрушению организма. Разорвать этот круг нельзя ни потакая больному – частично удовлетворяя его несбыточные потребности за счет сограждан, ни улучшая понемногу «все стороны жизни». Противоречие объективно чревато катастрофой – раскол общества и расщепление каждой личности создают напряжение, которое может разрядиться ползучей («молекулярной») гражданской войной. России грозит гражданская война «постмодерна», порожденная «революцией притязаний».

Жилищный вопрос

Но вернемся к той части техносферы, прогрессирующий износ которой угрожает шкурным интересам подавляющего большинства населения России. Старение жилищного фонда России, быстрый переход его в категорию ветхого и аварийного ставит под угрозу даже физическую безопасность многих жителей Российской Федерации. По данным Росстроя, общий износ основных фондов в ЖКХ сейчас составил более 60 %, а четверть основных фондов уже полностью отслужила свой срок.

В Послании 2004 г. В.В. Путин сказал: «Одной из самых актуальных задач считаю обеспечение граждан доступным жильем». Соответственно этому раздували пузырь ипотечных кредитов и цены на жилье, в чем далеко обогнали Западную Европу.

Но главное, тезис неверно передает суть проблемы. Сейчас для большинства населения России главной проблемой является не приобретение жилья, а его содержание (можно даже сказать, удержание). Население с большим трудом выдерживает оплату жилищно-коммунальных услуг, но это мелочь по сравнению с деградацией основных фондов ЖКХ – зданий и инфраструктуры. Это неумолимый фактор, нужны большие ресурсы и чрезвычайные усилия для восстановления ЖКХ. Но решением власти стало переложить эти расходы на плечи населения. Под разговоры о «доступном жилье» власть сбросила с себя заботу о ЖКХ, которое за двадцать лет сама и поставила на грань краха.

Вот суждение В.В. Путина (в сокращении): «Новый Жилищный кодекс возложил полную ответственность за содержание жилых домов на собственников. Однако эта нагрузка для подавляющего большинства граждан оказалась абсолютно неподъемной. Из 3 млрд. кв. метров жилищного фонда России более половины нуждается в ремонте. Сегодня объем аварийного жилья – более 11 млн. кв. метров. Вопрос, который вообще не терпит никакого отлагательства, – расселение аварийного жилья. Невнимание государства к этим проблемам считаю аморальным. Правительство в 2007 году запланировало на расселение ветхого и аварийного жилья всего 1 млрд. рублей».

Президент обратился к государству с упреком в аморальности – к государству, главой которого он являлся. Как это понять? И почему вопрос переводится в сферу морали, если проживание людей в ветхом и аварийном жилье запрещено законом? Государство по закону обязано расселить этих граждан, а угрызения совести – лирика.

Но главное в том, что в качестве доводов Путин приводил величины, которые несоизмеримы между собой. Из этого видно, что государство отказывается решать проблему в ее реальных измерениях. Структурируем рассуждение В.В. Путина:

– государство обязано расселить людей из аварийных домов (забудем о ветхих); – для этого требуется построить 11 млн. кв. м жилья;

– денег, выделенных государством для этой цели на 2007 год, достаточно, чтобы построить примерно 20 тыс. кв. м;

– это составляет 0,2 % от требуемой для расселения площади.

Вывод: если бы старение жилищного фонда с 2007 года чудесным образом прекратилось, граждане из аварийных жилищ были бы расселены, при сохранении нынешних темпов расселения, за 500 лет.

Я уж не говорю, что правительство исходит из данных о размере ветхого и аварийного фонда за 2001 г., хотя в 1999 г. темп износа жилья, оставленного без ремонта, вышел в экспоненциальный режим. Так, председатель Госстроя Российской Федерации Н. Кошман 8 апреля 2003 г. сообщил прессе, что в 2002 году «в состояние ветхого и аварийного жилья перешло 22 миллиона квадратных метров».

В.В. Путин констатирует, что население не может оплатить ремонт жилищного фонда («эта нагрузка для подавляющего большинства граждан оказалась абсолютно неподъемной»). Итак, официально признано, что оплата ремонта оказалась неподъемной. Не может население оплатить ремонт, хоть расстреляйте это население! Как же у Путина повернулась рука подписать закон, возлагающий на население обязанность оплатить ремонт? Что это – «грезы наяву» или пример манипуляции сознанием общества?

Интересно было бы проникнуть в ход мысли людей, стоящих у руля государства, а также всей рати советников, экспертов и пропагандистов.

А вот новые правительственные решения в жилищной области. В мае 2010 г. в Интернете и СМИ («НГ», «РБК-daily», «Новая газета», «Ведомости», «Коммерсант») прошла серия публикаций о планах правительства по введению в России нового налога на недвижимость для физических лиц. Как сообщалось, этот план в начале мая был согласован Министерством экономического развития и Министерством финансов России.

Смысл реформы – заменить порядок налогообложения недвижимости, унаследованный от советского строя, на принятый в западном обществе порядок вычисления ставки налога исходя из рыночной стоимости объекта. В данном случае главным объектом является жилье – квартиры и дома, принадлежащие физическим лицам. Поскольку в таком жилье в настоящее время проживает подавляющее большинство населения России, эта налоговая реформа непосредственно касается интересов практически каждого гражданина.

До сих пор в России действует три налога на имущество: 79 % сборов дает налог на имущество юридических лиц (он поступает

в региональные бюджеты), налог на имущество физических лиц дает 2 %, земельный налог—19 % (оба поступают в муниципальные бюджеты). Налогообложение жилья регулируется законом «О налогах на имущество физических лиц» от 09.12.1991 № 2003-1. В ст. 3. «Ставки налога» (в ред. закона от 17.07.1999 № 168-ФЗ) сказано, что ставки налога устанавливаются органами местного самоуправления в зависимости от суммарной инвентаризационной стоимости в следующих пределах: при стоимости имущества до 300 тыс. рублей – до 0,1 %, свыше 500 тыс. рублей – от 0,3 до 2,0 %. Инвентаризационная стоимость домов, построенных в советское время, очень низка, даже ее регулярное повышение после 1991 г. не делает такое налогообложение обременительным.

Согласно доктрине реформ, в постсоветской России был взят курс на исчисление ставки налога не по инвентаризационной, а по рыночной стоимости. Об изменении принципа налога на жилье в России говорилось с середины 90-х гг. В 2000 году эта задача была поставлена правительством в практической плоскости. Обсуждение проблемы велось периодически в течение пятнадцати лет, с 1997 по 2005 год проводились эксперименты в Твери и Великом Новгороде (точнее, Тверь вышла из эксперимента – у городского бюджета на него не хватило средств). В конце января 2006 г. в Новгороде на выездном заседании «круглого стола», организованного Комитетом по бюджету Совета Федерации, были подведены итоги эксперимента.

В частности, был сделан такой вывод: «Учитывая, что еще толком не заработал новый земельный налог, сейчас трудно прогнозировать, когда дело дойдет до недвижимости в целом. Но понятно, что начинать нужно не с граждан: после «удачно проведенной» монетизации льгот переход к налогообложению недвижимости на основе ее рыночной стоимости станет последней каплей, поскольку увеличит налоговую нагрузку на население. На начальном этапе все-таки нужно не пытаться собрать по максимуму, а дать с помощью налога на недвижимость импульс росту производства, а значит, и росту доходов работников».

Однако еще в ходе эксперимента в 2004 году Госдума приняла в первом чтении главу Налогового кодекса «Местный налог на недвижимость», основанную на новых принципах. В 2007 году был принят план-график введения нового порядка, но этот график не выполняется. Только сегодня встал вопрос о дальнейшем прохождении этого законопроекта. Заместитель директора департамента налоговой и таможенно-тарифной политики Министерства финансов С. Разгулин так изложил предлагаемый порядок (в октябре 2008 г.): «Произойдет переход к налогообложению имущества исходя из его стоимости, приближенной к рыночной. Для физических лиц объектом налогообложения будут как жилые помещения, так и нежилые объекты, а также земельный участок, на котором расположены все эти здания. Все это имущество станет оцениваться как единый объект собственности. Налоговая база и кадастровая стоимость будут определяться на 1 января каждого года».

В конце 2008 г. были обсуждены и предварительные итоги проводимого в четырех регионах (Калужской, Кемеровской, Тверской областях и Татарстане) эксперимента по созданию региональных реестров объектов недвижимости и разработке системы массовой кадастровой оценки их стоимости – как подготовки к введению новой системы на всей территории России.

Для нашей темы важны такие выводы, сделанные на совещании представителей государственных ведомств и практиков рынка недвижимости в Институте экономики недвижимости (ИЭН) Высшей школы экономики в октябре 2008 г. (цитируем отчет о совещании):

«Первые результаты проведенного в четырех российских регионах эксперимента показали, что появление налога может иметь неоднозначные социально-экономические последствия.

– Сильная дифференциация по уровню и качеству развития территорий даже внутри регионов не позволяет задать единые параметры функционирования налога хотя бы на уровне субъекта федерации.

– Заменить существующие налоги новым без потерь для муниципальных бюджетов и без кратного увеличения налогового бремени для собственников представляется крайне сложной задачей… Экспериментальным путем доказано, что целевые установки относительно налога на недвижимость, сделанные в апреле этого года в Астрахани премьер-министром Владимиром Путиным, для значительной части территорий страны являются взаимоисключающими.

– Участники эксперимента предлагают установить в федеральном законодательстве предельную налоговую ставку в размере 1 % от стоимости зданий и сооружений, жилых и нежилых помещений; 0,3 % – в отношении земельных участков сельскохозяйственного назначения, а также занятых жилищным фондом, садовыми и прочими используемыми личными хозяйствами участками».

Основанием для последнего вывода были такие данные. Проведенная в ходе эксперимента оценка стоимости недвижимости показала, что на нынешний уровень сбора земельного налога, например, шести сельским районам Калужской области можно выйти при ставке налога на недвижимость в размере 0,03 % от кадастровой стоимости. Для большинства районов Тверской области ставка должна быть 0,1 %, а для Татарстана – 0,3 %. Если ставка налога не будет сильно различаться в разных муниципалитетах региона, то при ее уровне в 0,1 % от стоимости недвижимости владельцам однокомнатной квартиры в Твери придется платить 11 тыс. руб., двухкомнатной—15 тыс., трехкомнатной—18 тыс. руб. в год. Это очень высокие размеры налога. Но если снизить ставку, то бедные сельские муниципалитеты лишатся последних средств к существованию.

Важную вещь сказала начальник Управления оценки недвижимости Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии С. Бондарчук. Оказывается, «налог на недвижимость первоначально позиционировался как налог на богатство». А теперь, по ее словам, «надо учесть, что более 20 % плательщиков налога будут пенсионеры». Таким образом, Управление оценки недвижимости считает, что 80 % жителей России должны быть обложены налогом на богатство, и только в

богатстве пенсионеров можно усомниться.

На этом совещании была дана и важная информация о техническом состоянии проблемы. По словам С. Бондарчук, огромное количество данных в БТИ не оцифровано, учет ведется по разным схемам, давая разный перечень данных о строениях, так что иногда невозможно понять, о чем идет речь. Отсутствует единый государственный источник информации о сделках на рынке недвижимости. К тому же «официальная регистрация сделок ведется не по реальным ценам, а по ценам, направленным на оптимизацию налогообложения» («объем большинства сделок укладывается в 1 млн. рублей»). Для разработчиков программы массовой оценки объектов источниками сведений о ценах на рынке примерно на 55 % был Интернет и на 26 % – другие СМИ, на 19 % – базы риелторских агентств. Как сказала С. Бондарчук, «когда не хватало рыночных данных, проводилась индивидуальная оценка некоторых объектов собственности», которая затем экстраполировалась на весь рынок.

Руководитель аналитического центра корпорации «Инком» Дм. Таганов добавил, что «единой методологии рыночной оценки объектов недвижимости нет. Каждая компания использует свою». Причем результаты можно легко корректировать в любую сторону. На примере 2008–2009 годов он наглядно доказал, что рыночная стоимость способна существенно меняться даже в течение одного года. Поэтому «приближенная к рыночной кадастровая стоимость» недвижимости неизбежно вызовет массу вопросов налогоплательщиков об ее обоснованности.

Из всего этого можно сделать вывод, что даже если бы сама идея перехода к налогу на жилье западного типа была заведомо плодотворной, степень подготовленности государства и общества к такому глубокому преобразованию социальной системы страны надо считать совершенно неудовлетворительной. Трудно поверить, что власть действительно пойдет на такой шаг. Но тогда непонятно, почему правительство поручает (или разрешает) чиновникам запускать такие пробные шары, которые потрясают общество.

Сообщается, что в III квартале 2010 года Минэкономразвития и «Росреестр» подготовят методику проведения массовой оценки недвижимости. До конца 2011 г. «Росреестр» оценит объекты капитального строительства на территории всей страны. До конца 2012 г. правительство внесет в Госдуму поправки в Налоговый кодекс. Новый порядок взимания налога планируется ввести в 2013 г.

Но прежде всего удивляет тот факт, что во всех выступлениях экспертов и чиновников обходится простой вопрос, который буквально висит в воздухе: какую сумму предполагает собрать с населения правительство, вводя новый тип налога? Почему не называется это число? Ведь все исходные данные налицо, почему же не указать какую-то величину в «стандартных условиях», от которой можно было бы отталкиваться?

Вычислим эту величину по состоянию на 2008 г. сами. Весь жилищный фонд России в 2008 г. составлял 3,12 млрд. кв. м. Средняя по России цена 1 кв. метра на вторичном рынке жилья составляла 56,5 тыс. руб. Значит, введение налога на квартиры в размере 1 % их рыночной стоимости означает изъятие у населения стоимости 31,2 млн. кв. метров. В ценах 2008 года это равно 1763 млрд. руб. в год (около 60 млрд. долларов). В состоянии ли население России ежегодно выплачивать сумму под 2 триллиона рублей? Почему же в заявлениях чиновников не называются реальные числа?

Что означает введение этого налога для обывателя?

В 2008 г. средняя зарплата после вычета подоходного налога составляла в Российской Федерации 15 тыс. руб. Средние величины тут, в принципе, не годятся, поскольку в 2008 г. 45 % населения имело средний доход на душу менее 10 тыс. руб., а 65 % – менее 15 тыс. руб. Но примем для простоты среднюю величину. В Российской Федерации в среднем доход равен начисленной зарплате после вычета подоходного налога.

Таким образом, за всю годовую зарплату средний гражданин Российской Федерации мог купить 3 кв. м среднего жилья. Рядовая квартира из 2 комнат площадью 60 кв. м стоит всей зарплаты за 20 лет. Уже это показывает, что экономика жилищного хозяйства России не выполняет критериев подобия с ЖКХ стран Запада, у которых правительство собирается перенять порядок налогообложения (говорится, например: «в Германии налог на квартиру в среднем составляет 1,5 %, в Дании—2,4 %, а в некоторых штатах США доходит до 7 % в год»). Это не лежит в русле нашей темы, но надо упомянуть как важный изъян методологии – перенося на российскую почву какой-то институт из иной системы, надо показать, что выполняются критерии подобия.

Перейдем от «России в целом» на уровень типичной семьи из трех человек, которая, взяв в долг все что можно, у родственников и друзей, купила типичную квартиру площадью 60 кв. м, за которую будет расплачиваться всю жизнь. Когда эту семью уговаривали купить это «доступное жилье» и завести детей на благо России, ее не предупредили, что в 2013 г. она станет выплачивать каждый год по 1 % стоимости квартиры в качестве налога. В среднем по России это составит 33,9 тыс. руб., а в Москве 93 тыс. руб. в год.

Возможно ли это при зарплате 15 тыс. в месяц, особенно если из-за рождения ребенка работает только отец? В какое «более скромное жилье» должна переехать эта семья, чтобы выплачивать налог? Ведь если она переедет в картонный ящик, то отец (врач или инженер) не сможет заработать и свою скромную зарплату.

Итак, правительство предлагает среднюю ставку налога в 1 % от рыночной стоимости жилья. Первым делом возникает вопрос, на каком основании за мерило берется рыночная стоимость того жилья, которое является предметом куплипродажи и аренды на рынке. Как ни странно, никаких объяснений для этого выбора не давали ни чиновники, ни привлеченные для работы над

доктриной специалисты. Когда удавалось задать этот вопрос, отвечали: «так делается во всем мире». Этого ответа принять невозможно. Ведь очевидно, что на жизни нескольких поколений так не делалось в России.

В действительности так делается только в странах, где длительное воздействие рыночной экономики привело к формированию рыночного общества. Исторически сложившиеся в России и в рыночных обществах представления о недвижимости различались кардинально. Нагляднее всего это выражалось в отношениях к земле. Вплоть до реформы Столыпина практически вся земля находилась в казенной, общинной и феодальной собственности, а также в собственности монастырей. Свободной купли-продажи земли не было. Попытка провести приватизацию общинных земель, в общем, не увенчалась успехом. Соответственно, рыночная стоимость земли, очевидно, не могла служить индикатором для оценки участков – земля не имела товарной формы.

В СССР вплоть до конца 20-х годов XX века 80 % населения жило в селах и деревнях. Жилье там практически полностью не покупалось, а строилось для своей жизни. В большой мере так же было и в городах. Это значит, что подавляющее большинство населения жило в домах, составлявших часть натурального хозяйства, а не рыночной экономики. Дом не рассматривался как товар, покинуть его, продать или бросить заставляли повороты судьбы, и это чаще всего было драмой.

В советское время очень небольшой рынок жилья дореволюционной России сузился еще больше. Городской жилищный фонд был собственностью государства и предоставлялся гражданам практически в вечное пользование. Отношение к дому как товару иссякло, смена квартиры, тем более с теневыми коммерческими сделками («доплата»), была редким приключением. Рынок жилья стал складываться лишь с середины 90-х годов.

На Западе, напротив, буржуазное общество формировалось через разрыв всяческих «оков», привязывающих человека к земле, деревне, общине. Свободный индивид становился неукорененным и подвижным. Крестьяне сгонялись с земли и превращались в пролетариев. В сельской местности они переселялись в коттеджи (т. е. мызы, хутора) и арендовали участки, в городе снимали жилье. Даже купив квартиру, они не привязывались к ней, двигаясь по стране согласно спросу и предложению на их рабочую силу.

Даже сегодня, когда самой массовой социальной группой стал «средний класс», 60 % немцев живут на съемных квартирах. Понятие «родной дом» ушло из массового сознания. Жилье – ликвидная недвижимость, продажа которой определяется чисто рациональными соображениями и является рядовым событием. Жилищный фонд здесь реально есть часть рыночной экономики.

Если так, то применение для урегулирования жилищных отношений в России инструментов, созданных и применяемых на Западе, с необходимостью требует предварительно обосновать саму эту возможность. Инструменты рыночной экономики могут быть совершенно непригодны для применения в натуральном хозяйстве. Таким образом, натуральное и рыночное ЖКХ – два пространства, различных экономически и культурно. Переток недвижимости и граждан из одного в другое идет с большим трудом и в малом масштабе (точнее, купленная на рынке «для жизни» квартира в большинстве случаев уходит с рынка и включается в «косную материю» натурального хозяйства).

Обсуждение, проведенное нами в Интернете, показало, что большинство участников этого разговора отвергают саму проблему. Они принципиально отказываются признавать различие между рыночным и натуральным хозяйством в жилищной сфере. Многие искренне не понимают, о чем идет речь, или даже не верят, что существуют методологические проблемы. Они готовы обсуждать методику оценки квартир «натурального сектора», но и здесь не видят никаких трудностей.

Получивший образование в Европе экономист (назовем его П.) пишет: «Если сегодня квартира не выставлена на продажу – это не значит, что завтра владелец не захочет или не сможет этого сделать. И, значит, рыночная оценка к его квартире вполне применима… Можно построить эконометрическую модель. Тогда можно почти моментально получить оценку цены данной квартиры на основе данных об известных продажах других квартир. Такие упражнения делают студенты-второкурсники в российских вузах».

Более того, само различение натурального и рыночного хозяйства многие экономисты, оказывается, считают фикцией. Ведь закон никому не запрещает продать его квартиру, значит, все они «уже на рынке». Один видный экономист (он участвовал в обсуждении под псевдонимом, и мы будем называть его М.) написал: «В установлении рыночной цены участвуют не только покупаемые и продаваемые квартиры – в нем молчаливо участвуют потенциальные покупатели и продавцы жилья, свидетельствующие самими фактами покупки/ продажи или отказа от таковой, как именно относится рыночная цена с экономической эффективностью использования жилья для них лично. При этом замечательным свойством рынка является то, что какое бы решение человек ни принял в части купли или продажи, он это делает себе во благо по сравнению с альтернативами. Рынок поощряет эффективное использование ресурсов».

Нет смысла спорить об «эффективном использовании ресурсов», поскольку критерии эффективности различны в разных укладах. Судьба «недвижимости» затрагивает самые глубокие структуры этнического чувства, и экономические критерии здесь почти не играют роли. В 1996 г. не удалось ни за какие деньги выкупить землю у индейского племени в Чили для постройки ГЭС. А летом 1993 г. наемными бандитами были полностью расстреляны два племени – одно в Бразилии, другое в Перу – по сходной причине. Во многих культурах живы запреты на продажу земли и дома.

Леви-Стросс пишет: «Именно в этом смысле надо интерпретировать отвращение к купле-продаже недвижимости, а не как непосредственное следствие экономических причин или коллективной собственности на землю. Когда, например, беднейшие

индейские общины в Соединенных Штатах, едва насчитывающие несколько десятков семей, бунтуют против планов экспроприации, которая сопровождается компенсацией в сотни тысяч, а то и миллионы долларов, то это, по заявлениям самих заинтересованных в сделке деятелей, происходит потому, что жалкий клочок земли понимается ими как «мать», от которой нельзя ни избавляться, ни выгодно менять».

Здесь проходит размежевание российского общества. Культуролог Кирилл Дегтярев писал о предполагаемом налоге в Интернет-форуме: «Мне кажется, закон нарушает некие глубокие основания, фундаментальные права и потребности человека. Начнем с того, что человеку нужен СВОЙ дом. Если же он должен платить за право в нем жить и его могут оттуда выгнать, если у него упадут доходы, это уже не свой дом.

И, тем более, не родной дом… Человек, которого при определенных обстоятельствах могут выгнать из дома, – потенциальный бомж. Еще хуже, если у него формируется психология бомжа. Современное западное общество – это общество бомжей. Какой бы ни был там ВВП на душу населения…

Применение подобного закона автоматически означает включение гражданина и его жилья в рыночные отношения на рынке недвижимости, поскольку оплата налога по рыночной цене означает согласие гражданина на отношение к его жилью как к объекту купли-продажи по рыночной стоимости.

Для многих их дом не может иметь рыночной стоимости, поскольку является как бы родовым гнездом. Особенно это касается сельской местности. Да и для малых городов с индивидуальной застройкой, и даже отдельных районов крупных городов. В частности, многие индивидуальные дома после постройки освящаются попом, становятся как бы святыней. И тем самым превращение их в товарную ценность становится покушением на православные ценности. Т. е. можно говорить об акции кощунства и о моральном ущербе, наносимом гражданам».

Таким образом, перед нами встал вопрос о сущности вводимого правительством Путина порядка налогообложения жилья. На поверхности лежат три цели: 1) пополнение бюджета путем всеобщих поборов, (типа налога на дым); 2) уменьшение социального расслоения путем дополнительного налогообложения богатых; 3) территориальная дифференциация населения по имущественному признаку.

Станислав Покровский, видный мыслитель современной России, предположил наличие более фундаментальной цели – «мошенничество с планами, далеко выходящими за рамки сбора дополнительных налогов». Он пишет: «Сама система, которую выстраивают реформаторы, основана на том, чтобы связать общество отношениями, в которых каждый чих описывался бы в денежном выражении, требовал бы добывания денег с других членов общности, а государство превращалось бы в собирателя налога и распределителя средств с него для набора видов деятельности, без которых система рассыпается.

Слово «рынок» для этой системы – имя бога. Если не рыночная цена, то возникает вопрос о смысле, на основании которого собирается налог. А система изначально строится так, чтобы в ее существовании не было никакого смысла, кроме доминирования самой идеи рынка и потому увековечения господства тех, кто не имеет иных целей, кроме преумножения символов своего возвышенного положения – денег.

От них можно ожидать всего чего угодно. Я знаю, что идеологи этого образа жизни сейчас усиленно обсуждают вопрос о проституции как о важном секторе рынка услуг. Так что у них ума хватит и на введение налога на сексуальные отношения с женой по цене услуг проституток. Закон принуждает к переводу в разряд товаров то, что для людей товаром не является. Это можно сравнить с обложением каждой женщины налогом по рыночной оценке доходности промысла проститутки. Не можешь уплатить налог? Но у тебя же есть товар, который ты можешь продать. Женился? Значит, ты получаешь услуги, имеющие рыночную стоимость».

А вот другой автор (назовем его М.) с восторгом пишет о том, как рынок «поощряет эффективное использование жилья»: «Занимая данную жилплощадь, пенсионерка отбирает у офисного работника возможность устроиться на работу или не простаивать в пробках, снижает эффективность экономики. Кому из двоих отдать приоритет – пенсионерке или офисному работнику? Рынок возлагает решение на них самих. Если старушка оценивает полезность квартиры выше, чем ее цена и выплачиваемый налог, то она квартиру не продает, а если ниже – то продает. Аналогично с офисным работником. Все добровольно, каждый поступает так, как выгодно ему и стране».

По этой логике, еще эффективнее – подвергнуть пенсионерку эвтаназии. В данном случае вовсе не рынок «возлагает решение на них самих», а государство, которое устанавливает налог, задающий императив поведения «пенсионерки». Но дело в том, что большинство населения (и наша «пенсионерка») вовсе не «живет в рыночном обществе» и не принимает его критериев, а только пользуется рынком в ограниченных сферах своей жизни. М. считает возможным игнорировать систему ценностей, интересы и понимание выгоды этого большинства. Между тем, мирное сосуществование двух разделенных частей общества возможно только до тех пор, пока большинству позволяют жить, пусть и в бедности. Но правительство раз за разом норовит перейти красную черту.

С. Покровский указывает на целый ряд возможных при новом налоге социальных коллизий. В частности, он пишет: «Можно говорить о дискриминации абсолютного большинства населения, которое не собирается превращать жилье в товар, но которое может оказаться в ситуации законодательного принуждения к этому. Может легко быть предсказана ситуация взвинчивания рыночных цен на жилье в каких-то местностях – с целью принуждения людей к продаже жилья на основании их неспособности к уплате налога. При этом из-за лага времени между назначением налога и моментом продажи жилье может оказаться

скупленным по смехотворно низкой цене».

Поясним, что рынок жилья – это «поток», совсем иная категория, чем «фонд». «Поток» этот очень невелик по сравнению с «фондом». Колебания цены 1 % жилья, составляющего «поток», не могут определять налог с «фонда». С 1998 по 2008 г. цены на рынке жилья в России выросли в 6 раз. И налог должен был бы вырасти? Почему? Квартира не изменилась, человек тоже.

Экономисты, которые поддерживают предложенный в концепции закона метод оценки, не видят здесь никакой методологической проблемы. Процитированный выше П. считает, что квартиры, ставшие объектом купли-продажи, и те, которые их хозяева не собираются продавать, совершенно аналогичны. Он пишет: «С аналогичностью все просто: район, общая и жилая площадь, этаж, планировка, техническое состояние дома и квартиры и т. п. Зная эти характеристики, можно легко сравнить данную квартиру с теми, которые продаются на рынке, и определить ее цену».

Ему отвечают: «На каком основании цена квартиры соседа, который решил ее продать, вдруг начинает рассматриваться в качестве оценки моей квартиры, которую я не хочу продавать ни за ту же цену, ни за сравнимую? Для меня моя квартира вовсе не аналогична соседской и как раз отсутствие аналогии подтверждается тем, что сосед хочет продать, а я нет. Соответственно, оценка моей квартиры через цену соседской есть некая граничная (крайняя) величина, характеризующая ту сумму, которую я теоретически могу получить, если мне почему-то захочется лишиться собственного жилья».

П. этого аргумента не признает и повторяет постулат, согласно которому «в установлении рыночной цены участвуют не только покупаемые и продаваемые квартиры – в нем молчаливо участвуют потенциальные покупатели и продавцы жилья» (хотя проблема как раз в том, что подавляющее большинство населения именно не являются «потенциальными покупателями и продавцами жилья»). На это ему отвечают: «Вы уверяете, что непродаваемое жилье присутствует на рынке. Это – абсурд. Если на земле 6 млрд. обладателей пары почек, а желают продать вторую почку 1 тысяча, то вы будете утверждать, что на рынке присутствуют 6 млрд. почек?! То, что не продается, не может быть рыночным. Какова рыночная стоимость вашей совести, если Иуда оценил свою в 30 сребреников? Не обижайтесь. Я хочу, чтоб вы поняли, какую глупость вы написали».

П. возмутился сравнению квартиры с почкой: «Я не рассматриваю продажу своих почек как гипотетически возможную при любой цене (если, не дай бог, не прижмет совсем смертельно), тогда как продажа моей собственности (жилья, машины, дачи…) – вполне возможна при наличии хорошего предложения». На это ему резонно отвечают: «Для большинства жителей нашей страны, в реальности, продажа их квартир не рассматривается как гипотетически возможная (если, не дай бог, не прижмет совсем смертельно)».

Но дискуссия показала, что выбор условной величины как раз очень сильно «трогает», и довольно многих. Речь идет о том, что условная величина должна быть условной демонстративно, а «правдоподобность» тут вредна, поскольку воспринимается как подлог, имеющий целью вытеснить из сознания категорию стоимости и заменить ее ценой.

Это хорошо иллюстрируется и поведением фондового рынка. Акции «Evraz Group» за ноябрь 2008 года потеряли 95,6 % цены. Можно ли было исходя из цены акций «Evraz Group» установить стоимость металлургического завода, который акций не выпускал и на продажу себя не выставлял? Это было бы смешно. Но ведь и 99 % жильцов России свои квартиры на продажу не выставляли (их «акций» не выпускали). Как же могут налоги на их квартиры вычисляться исходя из цен рынка?

Другой аналогией может служить рынок картин. За последние четыре века огромное число музеев и дворцов, интерьеры важных государственных и общественных зданий и салонов состоятельных любителей заполнились сотнями тысяч картин известных художников. Ничтожная доля таких картин превращена в товар, который покупается и продается на десятке аукционов. Цены этих картин баснословно велики. Можно ли, исходя из этих «рыночных» цен, установить налог в размере 1 % на все подобные картины? Очевидно, что нельзя. И не потому, что музеи и частные владельцы такого налога не смогли бы заплатить. Такой налог не имел бы никаких объективных оснований. Ничтожная часть картин была бы выставлена владельцами на продажу – и весь этот «свободный рынок» в тот же день потерпел бы крах.

Мы отвлекаемся от того факта, что на нынешней стадии развития информационных технологий легко организуются сговоры групп дилеров и брокеров для «атак» на подобные рынки с целью воздействовать на цены без реального изменения предложения. Последние два года это красноречиво показали – и тут же без всяких объяснений объявляется о намерении использовать цену квартир как «объективный показатель», прилагаемый практически ко всему населению России. Это странно.

Настаивая на объективности «рыночной цены» для оценки всего массива квартир, независимо от их присутствия на рынке, П. пишет: «Скажите, пряник на прилавке имеет цену до момента физической передачи покупателю?» На это его оппонент отвечает уже грубо: «Вы называете себя экономистом, а говорите такие глупости, что можно подумать, Адам Смит еще не родился. Пряник имеет цену только в контексте знания, что такое-то количество пряников ежедневно продается. Если завтра все перестанут покупать пряники или, наоборот, кинутся скупать все пряники подряд, их цена либо упадет до нуля, либо взлетит до небес.

Да что там пряники. Цены квартир в Казахстане и Средней Азии в первой половине 90-х годов упали до смешных. Новая двухкомнатная квартира в Целинограде (нынешняя Астана) стоила столько же, сколько подержанный «Москвич-2141». Один знакомый кореец в Ташкенте скупил все квартиры на площадке, т. к. соседи уехали в Россию и Германию. А он был совсем не богач. Если хотя бы 1 процент квартиросъемщиков решит, что платить налог им невмоготу, и решит продать квартиры и купить поменьше-подешевле, цены на квартиры рухнут, как в Средней Азии в 90-х». Можно ли игнорировать эти доводы?

Я предложил, в свою очередь, в качестве мысленного эксперимента, ввести следующее ограничение, которое, может быть, заставит правительство задуматься: «Если налоговая служба утверждает, что «рыночная стоимость» моей квартиры равна 5 млн. руб., и требует с меня в качестве налога 1 % этой суммы, она обязана, если я пожелаю, выкупить у меня эту квартиру именно за 5 млн. руб. Это и будет критерием достоверности ее оценки, за ошибочность которой должно платить государство.

В нынешнем виде налог будет отбрасывать от квартир массу людей, которые живут в бедности или в пограничном слое. Средняя величина дохода не показательна, поскольку система слишком гетерогенна. У 45 % населения доход в 2008 г. составил менее 10 тыс. руб. 31 % работающих получают на руки менее 8 тыс. руб. в месяц. После обязательных выплат у этой части граждан остается прожиточный минимум. У 6 млн. безработных не остается и этого! Что, если всю эту массу обяжут платить хотя бы по 3 тыс. руб. налога в месяц? Они будут съезжаться, а одну квартиру продавать государству. Вы установили цену моей квартиры – покупайте ее за эту цену и продавайте, за сколько хотите!»

Сторонники налога, которые участвовали в дискуссии, отвергли это мое предложение с возмущением. Это понятно, можно с уверенностью сказать, что государство этого условия не примет – покупателей квартир и сейчас меньше, чем предложений. Значит, цена при таком порядке упадет, и, следовательно, налог был сильно завышен.

«Программы развития»

Для распознания методов, которыми пользуется нынешняя власть в постановке и решении важнейших вопросов, очень поучительно восьмое (2007 г.) Послание В.В. Путина Федеральному собранию. Так, важной темой политических деклараций стали программы развития. Лейтмотивом Послания служит формула: «Следует принять долгосрочную программу развития…» – а дальше обозначается какая-то сфера (дороги, судостроение и пр.).

Каждый раз эта вводная фраза противоречит описанию реальности, ибо вслед за ней речь идет о деградации или разрушении этой сферы или отрасли. Если так, то и цели программы должны соответствовать совсем иному процессу, нежели развитие.

Какой смысл принимать программу развития, если продолжает действовать механизм разрушения! Ведь очевидно, что прежде надо выполнить программу по остановке и демонтажу этого механизма.

Вот аналогия: в 1941–1945 гг. в нашей стране действовал механизм разрушения нашего хозяйства – нашествие фашизма. И приоритетной была программа по уничтожению этого механизма – «Все для фронта, все для победы!». Эта цель была всем понятна, и потому «долгосрочная программа развития», начатая сразу после победы, сплотила общество не меньше, чем война, и была замечательно эффективной.

Более того, программа развития и вырастает только из программы борьбы против сил разрушения. Но власть не говорит этой очевидной вещи – и это тревожно. Вдумаемся в слова В.В. Путина: «Я уже несколько лет говорю о необходимости развития морских портов. В то же время, ситуация практически не улучшается… Правительство, как будто специально, никаких мер не предпринимает». Заметьте, что В.В. Путин опять жалуется на Правительство, которое ему же и подчиняется – в то время как Президенту страны, сейчас как премьер-министру. Абсурдность заявлений Путина от этого только увеличивается.

И так по всему кругу вопросов. «Существенным фактором… должно стать развитие речных перевозок». Какое развитие! Развитие было с 1970 по 1990 г. – объем речных перевозок вырос тогда в три раза. А за 90-е годы произошел спад в 6 раз, и никакого подъема не наблюдается. Но ведь созданный в 90-е годы механизм по уничтожению водного транспорта никуда не делся! Его надо демонтировать, чтобы стало можно вновь развить речной транспорт. Именно этой цели и этой программы общество ждет от государства, но о ней нет и речи.

Такая же абсурдность наблюдается в отношении процессов, идущих в социальной сфере. В Послании 2007 г. сказано: «Разрыв между доходами граждан еще недопустимо большой» [выделено нами. – Авт.].

Слово «еще» искажает реальность – это типичный пример манипуляции общественным сознанием. «Еще» соответствует процессу сокращения разрыва между доходами, а в действительности после 2000 г. этот разрыв увеличивается, а не уменьшается. Если Послание имело целью дать верную картину динамики распределения доходов в России, то фраза должна была бы звучать примерно так: «Разрыв между доходами граждан уже недопустимо большой, но еще не достиг показателей Конго».

Так же и с характеристикой социального положения пенсионеров. Вчитаемся: «В тяжелые годы реформ многие, а если сказать по-честному – подавляющее большинство – пенсионеров фактически оказались за чертой бедности… Мы не вправе повторять ошибок прошлого и должны предпринять все усилия для гарантии достойной жизни пенсионеров в будущем».

Фраза косвенно дает понять, что «тяжелые годы реформ» остались в прошлом, большинство пенсионеров за чертой бедности – это «ошибки прошлого».

Но за год до этого на конференции выступил министр экономического развития Герман Греф и заявил, что из-за высоких цен на нефть «предстоящие реформы будут очень тяжелыми». Как сообщает РИА «Новости», Греф сказал буквально следующее: «На сегодняшний день легких и популярных реформ не осталось, они будут болезненными и будут нарушать привычный образ жизни».

Вдумаемся в рассуждение Грефа: до сих пор реформы были, по его мнению, «легкими и популярными» – люди, мол, радовались и изъятию их сбережений, и росту тарифов на свет и газ, и монетизации льгот.

Но теперь эта благодать кончается. Греф сказал, что теперь «интересы государства будут противопоставлены интересам большой прослойки людей… И Маргарет Тэтчер сказала, по-моему, о том, что реформы, которые не задевают интересов большого количества людей, не дают больших результатов». Да мыслимо ли было в истории государство, интересы которого «противопоставлены интересам» такой большой «прослойки»? И мыслим ли был министр, который такие вещи заявляет?..

Далее. В разгар кризиса В.В. Путин заявил на заседании Совета ЕврАзЭС (12 декабря 2008 года): «В последнее время мы, конечно, сталкиваемся с замедлением роста объемов экономики».

Но на деле речь шла не о замедлении роста, а о спаде, о сокращении объемов производства. В ряде важнейших отраслей спад уже был катастрофическим. Так, в ноябре 2008 г. производство минеральных удобрений составило 48,4 % по отношению к ноябрю 2007 г., а производство грузовых автомобилей 41,9 %.

Вообще, начиная с 1988 г. регулярно наблюдалось странное явление – при возникновении какой-то общественной проблемы

власть предпринимала действия, которые явно вели к ухудшению положения. В обиход даже вошло уклончивое понятие «контролируемые катастрофы». Такое положение складывалось и при расчленении РАО ЕЭС, и реформе ЖКХ или «монетизации» льгот. В воздухе висит вопрос: «Зачем?!» – а в ответ мы слышим: «Что-то надо же делать!»

Попробуйте понять, например, зачем сломали присущую России министерскую систему управления, зачем переделывают выращенную за 300 лет систему высшего образования, зачем ликвидируют ту горстку научных учреждений, которую оставили на развод, как семенной фонд, для восстановления науки России после «переходного периода».

В этой обстановке разные ветви власти показывают небывалое равнодушие к решениям, которые они принимают.

Чиновники и политики сами не знают, зачем было принято то или иное решение, и легко от него отказываются.

Вот недавний пример. 13 ноября 2009 г. Госдума приняла в третьем, окончательном, чтении законопроект об удвоении базовой ставки налога на транспортные средства. Законопроект был разработан Минфином и опубликован 25 августа. Он был одобрен решением Правительства, принятым в сентябре. Сразу пошла критика из регионов. Несмотря на это, имеющая в Госдуме большинство фракция «Единой России» приняла законопроект в трех чтениях. А 17 ноября руководитель администрации президента Сергей Нарышкин сообщил, что депутатам рекомендовано не повышать ставку этого налога.

Рекомендовано! Оказывается, по поручению президента «кремлевская администрация собралась на совещание, пригласив представителей федеральных органов исполнительной власти, лидеров фракции «Единая Россия» и членов Совета Федерации». С. Нарышкин сказал: «Признано нецелесообразным повышать ставку транспортного налога и рекомендовано законодателям пересмотреть решение и принять норму, исключающую повышение ставки транспортного налога».

«Российская газета» пишет: «И вчера же думские «единороссы» выразили надежду, что закон о повышении базовой ставки транспортного налога, принятый Госдумой, будет отклонен Советом Федерации. Такое в современной парламентской практике случается, пожалуй, впервые – чтобы депутаты, которые потратили много слов, убеждая коллег в необходимости и срочности принятия документа, и дружно проголосовали за него, вдруг сами захотели, чтобы плод их законотворческого труда был забракован. Объяснить это можно только злым колдовством – третье чтение законопроекта выпало на пятницу, 13-е число».

Надо отметить, что хотя «дружно проголосовали» именно депутаты «Единой России», эпизод красноречиво показывает состояние всей системы власти – правительства, администрации президента и самого президента. Налицо явный провал, пусть небольшой, но очень поучительный. Выяснилась неспособность всех служб подготовить приемлемое решение и оценить возможности его реализации – «нечувствительность» к сигналам «снизу». Выяснился и небывалый конформизм «винтиков» системы, депутатов. Ведь все они – из регионов, все они знали о том, как воспринимается законопроект. Они для того и нужны в государстве, чтобы не пропускать законопроекты правительства, которые не будут приняты страной.

Однако они повели себя как мелкие чиновники, трясущиеся перед начальником. И ведь опять – никакой рефлексии. Все молодцы! Можно ли представить себе, чтобы Госдума на пленарном заседании обсудила принципиальные, методологические причины такого конфуза? О каком же авторитете может идти речь при таком поведении?

Неопределенность – или преднамеренная запутанность – целей, средств и критериев продолжает быть присущей всем изменениям, которые власть пытается внести в хозяйственную или социальную сферу.

Так, с 2007 года власть опять несколько раз ставила вопрос о «переходе России на путь инновационного развития». Сегодня инновационное развитие вместо сырьевого – императив для России, узкий коридор, чтобы вылезти из болота кризиса. Но этот тип развития и нынешняя хозяйственная система – вещи несовместные. Подумайте, в 2007 г. вузы России выпустили 26 тыс. специалистов по всем естественно-научным и физико-математическим специальностям и 700 тыс. специалистов по гуманитарно-социальным специальностям, экономике и управлению. Тонкий слой потенциальных молодых ученых (часть которых к тому же изымается западными вербовщиками) просто поглощен морем «офисной интеллигенции». Какое тут может быть инновационное развитие! Дух творчества, новаторства и напряженного беззаветного труда убивается самим воздухом наших мегаполисов и супермаркетов. Россия – страна гламура…

Большую тревогу вызывает общая установка, что Россия якобы уже преодолела кризис и находится на пути к процветанию. Из этого следует, что никаких стратегических решений принимать нет необходимости – все идет хорошо. В Послании 2007 г. сказано: «Россия полностью преодолела длительный спад производства». Встает вопрос: какими показателями пользуется власть? Или власть не может называть вещи своими именами и ставить задачи, соизмеримые размеру этих вещей?

Вчитаемся в такие слова Послания 2007 года: «Есть и те, кто… хотел бы вернуть недавнее прошлое. Одни – для того, чтобы, как раньше, безнаказанно разворовывать общенациональные богатства, грабить людей и государство. Другие – чтобы лишить нашу страну экономической и политической самостоятельности».

Тут – небывалое по выразительности определение недавнего прошлого («правления Ельцина»). Это была Смута, когда одни безнаказанно грабили людей и государство, а другие лишали нашу страну экономической и политической самостоятельности. Но как можно сказать такие слова и даже не намекнуть, кто конкретно грабил людей и государство, кто лишал страну независимости – и, если попросту, когда состоится над ними нормальный суд согласно Уголовному кодексу Российской Федерации.

Косметический ремонт доктрины и недомолвки были и прежде неадекватны состоянию России, а нынешнее обострение кризиса сделало их неприемлемыми.

Особо следует выделить вопрос о состоянии промышленности России и путях ее развития в соответствии с представлениями реформаторов. В предисловии к «Черной книге коммунизма» А.Н. Яковлев предложил в свое время реформаторам доктрину «Семь «Д» – семь магических действий, которые надо совершить в ходе реформы. Четвертым «Д» у него стояла деиндустриализация. Разъяснение этой немыслимой цели заменено бессвязными и не имеющими отношения к теме банальностями вроде такой: «Сегодня более чем очевидно, что материальный и духовный мир едины». Что это такое, при чем здесь это? Как из этой сомнительной сентенции вытекает, что в России надо проводить деиндустриализацию?

Главный вывод апокалиптичен и столь же нелеп. Если, мол, наши заводы будут продолжать шуметь и дымить, то: «Сначала «положим зубы на полку» из-за почвенного Чернобыля, начнем угасать от химических продуктов и других индустриальных отрав, в смоговых нечистотах. А потом что? Потом экологическая смерть». И эти безответственные суждения становились частью доктрины промышленной политики огромного государства!

Это редкостное по своей иррациональности стремление уничтожить отечественную промышленность было широко распространено в реформаторской элите. В важной перестроечной книге В.А. Найшуль пишет: «Чтобы перейти к использованию современной технологии, необходимо не ускорить этот дефектный научно-технический прогресс, а произвести почти полное замещение технологии по образцам стран Запада и Юго-Восточной Азии. Это возможно достичь только переходом к открытой экономике, в которой основная масса технологий образует короткие цепочки, замкнутые на внешний рынок. Первым шагом в этом направлении может стать привлечение иностранного капитала для создания инфраструктуры для зарубежного предпринимательства, а затем – сборочных производств, работающих на иностранных комплектующих».

Такое отношение к отечественной промышленности, к национальному достоянию России, поразило специалистов во всем мире. В докладе американских экспертов, работавших в Российской Федерации, говорится: «Ни одна из революций не может похвастаться бережным и уважительным отношением к собственному прошлому, но самоотрицание, господствующее сейчас в России, не имеет исторических прецедентов. Равнодушно взирать на банкротство первоклассных предприятий и на упадок всемирно известных лабораторий – значит смириться с ужасным несчастьем».

Доктрина деиндустриализации ради «постиндустриализма» полностью противоречит всему тому знанию, которое к середине 90-х годов было накоплено о постиндустриальном обществе Запада. Было показано, что это вовсе не «деиндустриализованное» общество, а общество гипериндустриальное.

Именно благодаря ускоренному развитию отечественной промышленности страны Запада смогли территориально (!) переместить ее трудоемкую часть в зарубежные предприятия или отделения своих транснациональных корпораций. Но и там производство, использующее дешевую рабочую силу, остается частью той же самой отечественной промышленности Запада.

В 80-е годы промышленные предприятия США стали переводить свои сборочные цеха в специальную зону на севере Мексики. Эти заводы платят Мексике не деньгами, а частью готовой продукции. Зарплата на них в 11 раз меньше, чем в таких же цехах в США. Уже в начале 90-х годов на этих заводах производилось 33 % моторных блоков и 75 % других важнейших компонентов автомобилей, выпускаемых в США.

В 2000 г. в Мексике насчитывалось уже около 2 тыс. сборочных заводов, на которых трудилось 1,34 миллиона рабочих. Для экономики США эти заводы были не только источником дешевой рабочей силы, но и «кризисонеустойчивыми» предприятиями, которые желательно иметь вне собственных границ. Так, при экономическом спаде в США в 2001 г. в Мексике было закрыто около 500 таких заводов и уволено 250 тыс. работников – без всяких социальных гарантий.

Надо подчеркнуть, что деиндустриализация представляет прямую национальную угрозу для русского народа. Почему ее основной удар придется именно по русским как народу, национальной общности? Ведь в социальном плане все народы России несут урон от утраты такого огромного богатства, каким является промышленность страны. В этом надо разобраться, потому что политики и СМИ старательно отводят нас именно от этого антирусского смысла деиндустриализации.

Хотим мы этого или не хотим, но за XX век образ жизни почти всего русского народа стал индустриальным, то есть присущим индустриальной цивилизации. Даже в деревне почти в каждой семье кто-то был механизатором. Машина с ее особой логикой и особым местом в культуре стала неотъемлемой частью мира русского человека. Русские стали ядром рабочего класса и инженерного корпуса СССР. На их плечи легла не только главная тяжесть индустриализации, но и технического развития страны. Создание и производство новой техники сформировали тип мышления современных русских, вошли в центральную зону мировоззрения, которое сплачивало русских в народ. Русские по-особому организовали завод, вырастили свой особый культурный тип рабочего и инженера, особый технический стиль.

Разумеется, все народы СССР участвовали в индустриализации страны, но культура индустриализма в разной степени пропитала национальные культуры разных народов, с этим трудно спорить. И если в социальном плане осетины или якуты тоже страдают от вытеснения России из индустриальной цивилизации, то это не является столь же разрушительным для ядра их национальной культуры, как у русских. Русские как народ выброшены реформой из их цивилизационной ниши. Это разорвало множество связей между ними, которые были сотканы индустриальной культурой – ее языком, смыслами, образами, поэзией. А назад, в доиндустриальный образ жизни, большой народ вернуться не может.

Из него при таком отступлении могут лишь выделиться региональные «племена», которые будут пытаться освоить безмашинный уклад хозяйства и образ жизни. Но народ при такой архаизации сохраниться не может – это были бы общности с новой, совсем иной культурой, даже если бы номинально они носили звание русских. Утопия «возврата к истокам» в национальном масштабе

нереализуема.

Какую часть русского народа деиндустриализация затронула непосредственно? В 1985 г. в РСФСР было 46,7 млн. рабочих. В 2005 г. в промышленности, строительстве, транспорте и связи было 25 млн. занятых. Можно приблизительно считать, что за вычетом ИТР и управленцев осталось примерно 16 млн. рабочих. Россия утратила две трети своего рабочего класса. Число промышленных рабочих за годы реформы сократилось с 18,9 до 8,8 млн. Сокращение этого числа продолжается в том же темпе, а молодая смена готовится в ничтожных масштабах.

Мы здесь даже не говорим о том, что деклассирование является социальным бедствием и личной трагедией для миллионов людей. Это означает и глубокий регресс для тысяч малых городов, в которых остановлены заводы и фабрики. Ведь в России, в отличие от Запада, возникло понятие «градообразующее предприятие». У нас действительно промышленность стала в Европейской части, на Урале и в Сибири центром жизнеустройства.

У нас пока что есть два десятка миллионов человек – носителей индустриальной, технологической культуры. Если бы удалось сменить курс реформ и остановить деиндустриализацию России, эти люди вместе с молодежью быстро восстановили бы то цивилизационное пространство, в котором русский народ снова собрался бы для продолжения своего пути – уже в постиндустриальное общество, на новом витке технологии. В этом сейчас наш национальный проект, в этом главная «программа развития», вот какую цель должна была бы ставить государственная власть!

Отметим, что утопия «постиндустриализации», которая якобы позволит человечеству обходиться без материального производства – промышленности и сельского хозяйства, культивировалась не только в сознании прорабов перестройки и не только в 90-е годы. Она была унаследована властью России и в период президентства В.В. Путина.

Так, министр по делам экономического развития России Г. Греф в 2004 г. представил свой образ будущего на научной конференции, которую живо обсуждала пресса. Вот выдержка из обзора: «Призвание России состоит в том, чтобы стать в первую очередь не руками, а мозгами мировой экономики!» – таков был первый тезис министра. Но он сам тут же его и дезавуировал: «Этого нельзя сделать ни за десять, ни за пять лет, но мы должны последовательно идти в эту сторону».

Попробуйте понять, что это за цель поставлена перед Россией – «стать не руками, а мозгами мировой экономики». Как эта цель может быть структурирована в программах, заданиях, финансовой и кадровой политике? Что значит «идти в эту сторону», причем последовательно?

Затем Греф назвал два возможных пути развития экономики России. При движении по первому «граждане будут получать низкую зарплату и смогут конкурировать по этому показателю со странами уровня Эфиопии, а рента с монополий будет уходить на скрытые дотации неконкурентоспособной промышленности». Второй путь, который Грефу кажется предпочтительным, – это «не только путь борьбы за рынки, но и путь создания новых рынков».

В сознании российской элиты культивировалась утопия «постиндустриализма», при котором человечество якобы будет обходиться без материального производства – промышленности и сельского хозяйства. На упомянутой конференции Г. Греф сделал такое заявление: «Могу поспорить, что через 200–250 лет промышленный сектор будет свернут за ненадобностью – так же, как во всем мире уменьшается сектор сельского хозяйства».

И это говорится в стране, которая всего два поколения назад могла провести самую форсированную в истории индустриализацию, обеспечить прекрасным оружием Отечественную войну, выполнить точно по графику программы типа атомной и ракетно-космической!..

Г. Грефу вторит В.Сурков, он не доволен тем, что деиндустриализация России идет недостаточными темпами: «Мы долго топчемся в индустриальной эпохе, все уповаем на нефть, газ и железо. Постоянно догоняем – то Америку, то самих себя образца 1989 года, а то и вовсе Португалию. Гоняемся за прошлым, то чужим, то своим. Но если предел наших мечтаний – советские зарплаты или евроремонт, то ведь мы несчастнейшие из людей».

«Мы», к которым обращается власть, не мечтаем о евроремонте. Нам нужен нормальный ремонт теплоснабжения, чтобы наши дети и старики не замерзли зимой. «Мы» не мечтаем о зарплатах. Нам нужна советская зарплата, чтобы наши дети не страдали от недоедания и болезней. И здравый смысл говорит нам, что если мы не будем «топтаться в индустриальной эпохе», варить сталь и пахать землю, то наши дети останутся без тепла и хлеба. Потому что у нас, в отличие от «российской элиты», нет счетов в швейцарских банках, на которых лежат деньги, изъятые из ремонта нашего теплоснабжения и наших зарплат.

Пусть бы Сурков объяснил нам, как нам, «не догоняя самих себя образца 1989 года», перескочить в цивилизацию без нефти, газа и железа. В.Ю. Сурков, должностное лицо очень высокого ранга, делает в Президиуме РАН принципиально важное заявление: «Нам не нужна модернизация. Нужен сдвиг всей цивилизационной парадигмы… Речь действительно идет о принципиально новой экономике, новом обществе».

Это – стратегическая концепция. Она принята государственной властью? Кто ее вырабатывал, кто ее обсуждал? Какую «принципиально новую экономику» будут теперь строить в России? Как и почему? О каком «новом обществе» идет речь? Как оно будет устроено, на каких основаниях? Почему «нам не нужна модернизация»? Какие альтернативные типы развития имеются в виду? Какой «сдвиг всей цивилизационной парадигмы» нам, оказывается, нужен?..

Все это – не просто угроза для России, это состояние важнейшей функции государства несовместимо с длительной жизнью

страны.

Если мы завели разговор о важных функциях государства, то нельзя обойти вниманием проблему государственного контроля. В антигосударственной кампании перестройки и реформ была массированная атака на структуры, выполняющие функции такого контроля. Было даже изобретено понятие «административно-командная система», представленная обществу как коллективный враг народа. Под прикрытием этой кампании еще до ликвидации СССР начался демонтаж многих контролирующих структур (например, таможни). В начале 90-х годов Россия, городская промышленно развитая страна, оказалась в необычной ситуации внезапного отказа механизмов, которые в норме гарантировали соответствие множества сторон обыденной реальности определенным нормам и стандартам.

Аптеки стали торговать фальсифицированными лекарствами, причем СМИ гипертрофировали масштабы этого явления, сея панику. Людей пугал сам факт внезапного отказа государства от функции надзора за такой деликатной сферой (при том, что контроль за качеством лекарств, поступавших в аптечную сеть, не был сопряжен с техническими трудностями – в отличие, например, от контроля за качеством мяса от скота, забитого на подворье и продаваемого на шоссе).

От отравления фальсифицированной водкой в 1994 г. умерло 55 тыс. человек. Это шокировало: где же контролирующие органы? Кто в государстве анализирует эту информацию и принимает решение? Человек, купивший в магазине продукт, который во все времена был под жестким контролем качества, и получивший смертельное отравление, – это факт, который обрушивает легитимность государства.

Уйдя от обязанности быть контролером, государство быстро сняло с себя и функции удостоверять качество исполнения важных социальных ролей. Это создало неопределенность во всех сферах общественной жизни, и она будет чувствоваться еще долго. Например, стали открыто продаваться дипломы о высшем образовании – на переходах в московском метро стала обычной фигура молодого человека с плакатиком «Дипломы», нередко по соседству маячил и милиционер. Вагоны метро каждое утро оклеиваются множеством объявлений: «помощь в прохождении техосмотра», «помощь в получении водительского удостоверения», «больничный лист», «медицинская книжка», «справка о регистрации». На всех них есть контактные телефоны, никаких трудностей отыскать продавцов всех этих услуг не было и нет.

Один этот бизнес разрушает всю систему социальных статусов чиновников, удостоверяющих квалификацию людей или какое-то их состояние. В свою очередь, власть теряет инструменты, с помощью которых она получала знание об обществе. Каков сегодня качественный состав инженерного корпуса России? Какая часть тех, кого государство считает дипломированными специалистами, купили свои дипломы? Это не могло не сказаться и на квалификации самих чиновников. В середине 90-х годов приходилось иметь дело с чиновниками министерств, рассуждения которых вызывали сомнения: а учился ли где-нибудь этот господин?

Однако самый тяжелый удар наносили решения по тотальной ликвидации какой-то большой функции, которая издавна считается обязательной для государства и не может исполняться никаким другим общественным институтом. Для примера приведем функцию стандартизации.

Введение стандартов на производство однородных изделий таким образом, чтобы они были одинаковы по размерам и качеству и могли быть взаимозаменяемы, было нововведением, означавшим возникновение цивилизации. Стандартизация скачкообразно увеличила производительность труда и качество изделий. В Древнем Египте были введены стандартные размеры кирпича, специальные чиновники контролировали их соблюдение. В Древнем Риме в строительстве применялись не только стандартные кирпичи, но и трубы водопроводов были постоянных размеров. Из стандартных каменных блоков строились дороги – стандартной ширины.

Во второй половине XIX века стандартизация стала обязательной службой на промышленных предприятиях почти всего мира. Само отличие фабрики от мануфактуры заключалось прежде всего в стандартизации и единообразии производимых на каждом участке изделий, что и позволило применить в производстве разделение труда. Начали появляться международные стандарты. После Первой мировой войны, которая показала необходимость стандартизации для массового производства оружия и боеприпасов, в промышленно развитых странах возникли национальные организации по стандартизации.

В России было учреждено Депо образцовых мер и весов, в 1893 г. преобразованное в Главную палату мер и весов. Директором его был Д.И. Менделеев. Однако создать единую государственную систему метрологии и стандартизации в царской России не удалось, применялись три системы мер: старая русская, британская (дюймовая) и метрическая. Введение единой метрической системы мер началось сразу после установления Советской власти. В первую очередь упорядочивались системы мер и стандартов. Это решение было одним из важнейших для хозяйства декретов Советской власти. Шаг был настолько назревшим, что вся Главная палата мер и весов во главе с директором с первых же дней стала активно сотрудничать с Советской властью и готовить реформу.

В России сложилось крупное сообщество специалистов по метрологии, и без их подвижнического труда в 20-е годы не могла бы быть проведена форсированная индустриализация 30-х годов. В 1924 г. при ВСНХ было организовано Бюро промышленной стандартизации (с 1925 г. Комитет по стандартизации), при котором работало 120 рабочих комиссий, готовящих промышленные стандарты. К 1928 г. было утверждено свыше 300 общесоюзных стандартов, получивших силу государственного закона. К 1932 г. Комитет утвердил 4114 общесоюзных стандартов. С 1940 г. общесоюзные стандарты стали называться государственными и обозначаться индексом ГОСТ. За годы войны было утверждено более двух тысяч новых стандартов.

В СССР сложилась мощная, эффективная и всеобъемлющая служба стандартизации и метрологии, которая обеспечила очень высокую степень единообразия и точности производства изделий на всех предприятиях по всей территории страны. Уже этим вся промышленность была связана в одно большое предприятие с высокой степенью разделения труда и взаимозаменяемости деталей. Это, в частности, позволило создать особый советский тип ВПК – детали, производимые в гражданском машиностроении, могли непосредственно использоваться при сборке самолетов и танков. С другой стороны, Госстандарт, непрерывно изучая множество параметров практически всей производимой в стране продукции, обеспечивал государственную власть ценнейшей достоверной информацией.

Во Всесоюзном НИИ по нормализации в машиностроении при Госстандарте велась разработка научно-теоретических основ стандартизации и нормализации. Создание тысяч межотраслевых нормалей заложило основы для быстрого прогресса в технологии машиностроения. Вся эта отлаженная за полвека система стандартизации была необходимым условием для рывка в высокотехнологичных отраслях – авиакосмической, судостроении, атомном машиностроении.

Этот процесс был сорван в 1991 г., а затем были сделаны шаги, которых даже в 1992–1993 гг. никто не мог ожидать. Интересы «дикого капитализма» заставили ликвидировать важный институт индустриальной цивилизации – Госстандарт. Его выстраивали у нас весь XX век – и вот правительство России начало демонтаж всей этой системы. Устранили, стали «приватизировать» – вместе с техническим надзором. Решение об отмене в России государственной стандартизации было принято без всякого диалога с инженерным и научным сообществом, почти тайно. В конце 90-х годов, когда об этом стали говорить, мало кто верил, что это всерьез.

Казалось очевидным, что создание сложных технических устройств (например, самолета) без стандартов, как универсального языка общения между тысячами специалистов, невозможно. Стандартизация – важная специальная отрасль техники, свод незыблемых технологических правил, без которых современное производство просто не может существовать. Каждый стандарт типа ГОСТа – огромный труд коллектива квалифицированных специалистов и инженеров многих предприятий. А таких ГОСТов в советской системе тысячи. Как могла подняться рука на то, чтобы разрушить национальное достояние такого масштаба? Зачем? Кто приказал?

Тем не менее, с 1 июля 2003 г. вступил в силу подписанный В. Путиным Федеральный закон «О техническом регулировании», согласно которому, начиная с 2010 г., ГОСТы перестают быть… обязательными для исполнения. Госстандарт ликвидирован с массовым сокращением сотрудников. Учреждено Российское агентство по техническому регулированию и метрологии, несравненно более слабое по своим возможностям. Кроме того, закон отменил всю систему отраслевых стандартов (ОСТов). Система государственных стандартов заменяется Техническими регламентами (ТР). Они разрабатываются фирмами для каждого вида продукции и утверждаются Государственной думой. Из тысяч необходимых регламентов в 2006 г. был разработан только один – по автомобильной промышленности. В других отраслях дело пока не пошло.

В Отчете правительства В.В. Путина перед Госдумой за 2009 г. сказано: «Серьезнейшие проблемы в системе госконтроля и надзора. Проверяли-проверяли, бумажки писали. Кучу бумаг написали, вроде, все правильно, все хорошо, а трагедии произошли… Зачастую придираются по мелочам и на «пустом месте», а реальных проблем никто не видит».

Странно слышать в Отчете такие признания: ведь «реальных проблем никто не видит» именно в правительстве. В действительности в «куче бумаг», написанных в его недрах, почти все было написано неправильно и все нехорошо!

Этому служат подтверждением следующие слова из Отчета: «Разного рода санитарные справочки. Это подчас приобретает характер издевательства – на килограмм произведенного мяса крестьянам приходится собирать в несколько раз больше килограммов всяких бумаг».

Но ведь килограмм мяса от забитой на подворье коровы с ящуром обойдется дороже, чем тонна «всяких бумаг». В 90-е годы в результате реформ и деградации госконтроля Россия оказалась перед новой для нее проблемой – фальсификации продуктов питания. Масштабы ее, судя по сводкам МВД, были огромны. Фальсифицированную водку потребляли миллионы людей – из них ежегодно около 30 тысяч (а в 1994 г. 55,5 тыс. человек) кончали смертельным исходом.

Ликвидация контроля привела к архаизации системы производства и распределения продуктов питания. Если производство мяса за годы реформы в 90-е годы упало в целом в два раза, то переработка скота на мясокомбинатах – в четыре раза. Скот забивали на подворьях, и мясо продавали на дорогах и в подворотнях. Вот выдержка из «Государственного доклада о состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1992 году» (М., 1993, с. 99): «Настораживает расширение ареала синантропного трихинеллеза и увеличивающееся число заражающихся… Заболеваемость трихинеллезом, имеющая вспышечный характер, регистрировалась в 40 административных территориях Российской Федерации. Все вспышки трихинеллеза возникли в результате бесконтрольной торговли свининой подворного убоя без проведения санитарно-ветеринарной экспертизы… Прогноз по заболеваемости населения гельминтозами неблагоприятный. Развитие и интенсификация индивидуальных хозяйств (частное свиноводство, выращивание овощей, зелени, ягодных культур с использованием необезвреженных нечистот для удобрения) приводит к загрязнению почвы, овощей, ягод, инвазии мяса и мясопродуктов».

Такое развитие событий удалось приостановить – и вот, новые планы по отмене «разного рода санитарных справочек»…

И, наконец, еще одни потрясающие слова из Отчета правительства, касающиеся ослабления функции контроля: «Сейчас мы… отменяем нормативные акты, содержащие избыточные и нелогичные ограничения. В строительстве будут упрощены требования к градостроительной документации, ликвидирована монополия госструктур на проведение экспертизы проектов».

И это – после наглядного урока катастроф и аварий! Куда же мы придем с такими «программами развития»?

Оценка кризиса

С сентября 2008 г. Россия втянулась в мировой экономический кризис. Повлиял финансовый кризис США, однако мы видим, что экономика России потеряла кризисоустойчивость именно в ходе реформы. В финансово-экономической системе СССР действовал целый ряд защитных механизмов, которые были разрушены в 90-е годы без всякой замены. Даже после 1998 года защит не было создано – считалось, что российская экономика защищена Стабилизационным фондом.

Признаки назревающего в США и Западной Европе кризиса стали явными в 2004–2005 гг., и ряд экономистов предупреждали, что в этот кризис будет вовлечена Россия, «привязанная» к этой системе. Но ни формальные показатели, ни предупреждения аналитиков во внимание не принимались.

Прогнозы оставались оптимистическими вплоть до конца лета 2008 г., хотя уже с мая начался отток капиталов из России. На конец 2008 г. эксперты «Внешторгбанка» прогнозировали индекс РТС на уровне 3000 пунктов. 19 мая 2008 года он достиг отметки в 2498 пункта, 26 декабря – 644,5 пункта, снизившись на 74,2 %.

Такой провал в предвидении власть должна была бы объяснить. Ведь на XII Международном Санкт-Петербургском экономическом форуме (6–8 июня 2008 г.), за два месяца до обрушения российского фондового рынка, Д.А. Медведев заявил: «В мире уже обозначились новые центры экономического развития. И Россия – это один из них, поэтому она намерена участвовать в формировании новых общих правил игры на мировом рынке. Поэтому уже в ближайшее время будет принят план превращения российской столицы в мировой финансовый центр, а рубля – в одну из ведущих резервных валют».

А в ноябре глава Минэкономразвития Э. Набиуллина на заседании Госдумы заявила: «Мировой экономический кризис, который только разворачивается, показал исчерпанность модели роста российской экономики, которая у нас была в предыдущие годы». Итак, модель роста (!) российской экономики в 1991–2008 гг. исчерпана. Это значит, что эксперты правительства использовали негодные инструменты для понимания того, что происходит в экономике.

Если «модель исчерпана», то, значит, верховная власть организует анализ причин, поставит диагноз именно российского кризиса, рассмотрит альтернативные стратегии действий и объявит обществу свой принципиальный выбор новой модели экономики. Посмотрим, как выполнение всех этих обязательных операций отражено в заявлениях первых лиц государства. Приведем серию заявлений 2008 г., а затем важные тезисы двух Отчетов правительства перед Госдумой (7 апреля 2009 г. и 20 апреля 2010 г.).

25 сентября 2008 г. В.В. Путин сказал: «Россия подошла к этому кризису окрепшей, с большими резервами, с хорошо и эффективно работающей экономикой… Достаточно стабильная политическая и социальная ситуация говорит о том, что мы чувствуем себя уверенно».

Чтобы сказать «хорошо и эффективно работающая экономика», требуется назвать критерии оценки. Если взять динамику главных показателей и применить к ним общепринятые критерии, то, на мой взгляд, «Россия подошла к этому кризису» в состоянии деградации главных систем: техносферы и социальной сферы, кадрового потенциала и культуры.

Когда кризис разразился в полной мере, 20 ноября 2008 г. В.В. Путин дал такое определение: «Сегодняшний мировой кризис – с учетом его масштаба, как вы знаете, подобен стихии. В рамках давно созданной и действующей мировой финансовой системы его, как и природное бедствие, предотвратить было невозможно. Но что мы могли и должны были сделать – то, что делают все правительства развитых стран, – мы должны были предвидеть подобное развитие событий. И заранее должны были принять меры, чтобы пройти через кризис максимально безболезненно, без больших потерь. И можно с полным основанием сказать, что мы не растратили впустую время».

Метафора кризиса как стихии (шторма) не только ошибочна, она симптом важного методологического изъяна – натурализации общественных явлений. Кризис – творение современной культуры (уже постиндустриальной) и не имеет ничего общего со стихией. На стихию сваливают, чтобы оправдать собственное бездействие.

В.В. Путин сказал о том, почему кризис был неизбежен в России: «Россия стала частью мировой экономики, и это неплохо. Но сегодняшнее событие [кризис] – это и плата за то, что мы так стремились стать частью этой мировой экономики… За что боролись, на то и напоролись».

Как это понять? Россия всегда была «частью мировой экономики». Другое дело, что Россия с 90-х годов изменила себе и вошла в мировую шайку спекулянтов.

Но что же в этом хорошего? Кто эти «мы», которые «так стремились стать частью этой мировой экономики»? Это в России очень небольшое меньшинство. Но социальные тяготы как плата за это вхождение ложатся на большинство, которое его не желало. По вопросу, зачем российскому хозяйству надо было «бороться» за право участвовать в чужих кризисах, правительству следует объясниться с обществом, ибо вопрос это фундаментальный.

В январе 2009 г. В.В. Путин сказал в интервью: «Российская экономика является открытой, мы ввели 1 июля 2007 года правила, полностью либерализующие финансовый рынок, и мы сохраняем этот режим, несмотря ни на какие финансовые сложности. Мы к иностранным инвесторам будем относиться так же, как и к своим собственным, как к родным».

Каковы же результаты такой открытости? Примером могут служить ее последствия для одной из крупнейших горнометаллургических компаний России – группы «Евраз» (41 % ее акций владеет Р. Абрамович). Она зарегистрирована в Люксембурге, формальным собственником 76 % акций является фирма «Lanebrook» (Кипр), бумаги группы «Евраз» торгуются на Лондонской бирже и не имеют хождения в России. В мае 2008 года капитализация группы «Евраз» составляла 46,12 млрд. долл., а после 19 ноября составила 1,95 млрд. Огромный кусок промышленной собственности России – большой комплекс стратегических предприятий – в результате спекуляций на Лондонской бирже потерял 95,8 % своей стоимости.

Какая часть российской промышленности ушла за бесценок за время кризиса? Как относится к этому власть? Ведь частью мировой экономики стало достояние России, превращенное в акции Абрамовича. Да как же может страна преодолеть кризис с таким «бизнесом»? Это черная дыра, а не «эффективные собственники». Должна же, наконец, власть объясниться с обществом по этому пункту!

Кстати, в свете нынешнего «перераспределения активов», заложенных для получения западных кредитов, приватизация 90-х годов видится в новом свете. Она выглядит как подготовительный этап продажи за бесценок всей прибыльной части российского хозяйства западным «компаньонам» – с последующим «распилом» добычи. Эвакуация туда же акул российского бизнеса, их жен и детей уже подготовлена – деньги частично отмыты, коттеджи обжиты, гувернантки наняты. А нынешний кризис стал для этой эпохальной акции удобным поводом провести новый «залоговый аукцион» российских предприятий. Да заодно разделить среди «олигархов» и тот Стабилизационный фонд, деньги из которого Россия так старательно поливала на Поле чудес Уолл-стрита.

Когда В.В. Путина попросили прокомментировать тот факт, что «с августа прошлого [2008] года из России «утекли» 270 млрд. долларов», он ответил: «Это связано с так называемым спекулятивным капиталом или с портфельными инвестициями: они приходят в экономику, рассчитывая получить быструю прибыль, и так же быстро уходят… Мы здесь не видим ничего страшного. Но что важно и на что я хотел бы обратить ваше внимание – ваше и наших потенциальных инвесторов – мы считаем, что отток капитала в данном случае способствовал бы росту доверия, потому что мы не ограничили вывод капитала и не намерены это делать в будущем».

Как это понимать? Отток спекулятивного капитала обесценил акции, под залог которых российские компании брали кредиты. С мая по ноябрь 2008 года акции российских предприятий потеряли 1 трлн. долларов, но правительство в этом «не видит ничего страшного»! Какие странные критерии.

А вот как В.В. Путин представляет генезис российского кризиса: «Кризис начался в Соединенных Штатах, которые, по сути, в результате своей финансовой и экономической политики довели до кризиса и «заразили» этим кризисом экономики практически всех ведущих стран мира».

Даже если так, известно: чтобы не заразиться, надо соблюдать правила гигиены – мыть руки и пр. А российское правительство само старалось навязать России «американскую заразу».

Вот справка из статьи М. Гельмана: «В 2007 г. общий объем торгов валютой, акциями и различными финансовыми бумагами на всех площадках Группы РТС достиг почти 18 триллионов, увеличившись за год в 6 раз, а Группы ММВБ – 107 трлн. рублей, увеличившись за год вдвое. Суммарно это составило 125 трлн., или более 200 % по отношению к обороту всех отраслей экономики. Налицо очередной результат слепого копирования пороков американской финансовой системы – громадный «мыльный пузырь». Замечу, что все приведенные выше исходные данные размещены в официальных документах различных организаций, министерств и ведомств. Однако ни одного сводного среди них, где приводились бы результаты сопоставления показателей, хотя бы те, которые изложены в статье, обнаружить не удалось… Среди публикуемых Центробанком показателей эти сведения отсутствуют. Хотя именно ЦБ и Минфину вменено в обязанность контролировать финансы страны и их обращение».

13 октября 2008 г. В.В. Путин заявил: «Многие наши предприятия кредитовались за рубежом. Сейчас этот механизм практически не работает. А сроки исполнения обязательств по погашению задолженности наступают. Мы должны предложить нашим компаниям альтернативные – внутренние – источники рефинансирования ранее полученных иностранных займов. И тем самым защитить активы российских предприятий от распродажи по явно заниженным ценам».

20 ноября 2008 года В.В. Путин добавил: «Сегодня нам необходимо решать вопрос кредитования отечественных компаний и предприятий – практически полностью за счет собственных финансовых ресурсов. Все возможности для этого есть. Национальные сбережения в России находятся на достаточно высоком уровне. Отечественная экономика генерирует большой объем доходов».

Разумная мысль. Но почему она возникла только «сегодня»? К тому же она полностью противоречит установке Правительства на стерилизацию российских денег в иностранных банках. Почему Правительство в течение нескольких лет побуждало «наши предприятия» делать долги за рубежом?

Вспомним, как министр Г. Греф объяснял, зачем деньги надо хранить за границей и не вкладывать в российскую экономику: «Стабилизационный фонд нужно инвестировать вне пределов страны для того, чтобы сохранить макроэкономическую стабильность внутри страны. Как это ни парадоксально, инвестируя туда, мы больше на этом зарабатываем. Не в страну!» Странное положение: экономическая политика превратилась в театр абсурда – Россию заставили спекулировать деньгами вместо восстановления своего производства.

Вот еще одна высказанная В.В. Путиным установка: «Финансовый и экономический мировой кризис нам в известной степени даже немного помогает. Почему? Потому что заставляет нас действовать более рационально, заставляет нас применять новые технологии, заставляет оптимизировать производство, повышать качество персонала, заниматься переподготовкой кадров». Видимо, это ирония, ибо и без всякого кризиса правительство обязано «действовать рационально, оптимизировать производство» и пр.

В.В. Путин говорит, какая нам удача привалила с девальвацией рубля, к которой вынудил кризис: «Текущий курс национальной валюты, безусловно, улучшает конкурентные позиции российских производителей как на внешнем, так и, что особенно важно, на внутреннем рынке. Многие из вас это хорошо знают. Когда я посещал некоторые предприятия, говорил с рабочими, с руководителями, с менеджментом, так прямо и говорили: три дня назад курс изменился, мы можем решать нормально наши вопросы, можем реализовывать свою продукцию на внешнем рынке и на внутреннем».

Да, рабочие у нас умеют с начальством разговаривать. Но если так, почему правительство не провело «плавную девальвацию» давно? Зачем оно пять лет стимулировало внешние заимствования, держало высокий курс рубля и тем подавляло отечественное производство? Оно нарочно вредило России или не догадывалось, как хорошо иметь слабый рубль?

В Отчете Правительства перед Госдумой за 2008 г. было сказано: «Построено 2300 (км) автомобильных дорог; завершен ключевой этап реформирования электроэнергетики, и обращаю ваше внимание, переход к новому устройству энергетического хозяйства прошел без единого сбоя».

Очень странно, что рядовой (и весьма небольшой) ввод в действие автомобильных дорог упоминается в одной фразе с сообщением о «завершении ключевого этапа реформирования электроэнергетики». Почему? Ведь реформа РАО ЕЭС – глубокое изменение не только в экономике, но и во всем жизнеустройстве России. Можно было ожидать, что правительство сообщит, какой благотворный эффект оказывает на хозяйство России реформа РАО ЕЭС, если уж ключевой этап завершен. Что улучшилось и что ухудшилось? Не ясно, например, кто отвечает теперь за содержание магистральных теплосетей, которых никто не хотел взять на свой баланс при расчленении РАО ЕЭС. И почему, вопреки утверждениям Чубайса, что реформа РАО ЕЭС приведет к снижению тарифов на электроэнергию в три раза, они повысились на треть?

Информация о завершении приоритетных национальных проектов давалась в таких формулировках: «В сфере образования выполнены практически все задачи нацпроекта».

Это совершенно формальная фраза, а по сути обществу надо знать, что реально улучшилось «в сфере образования». Каковы индикаторы и критерии улучшений? Российские школьники стали лучше решать задачи и понимать учебные тексты? Изменилась трудовая мотивация выпускников средних школ? Критерии оценки неадекватны, но на это правительство не обращает внимания.

Рассмотрим теперь ряд утверждений, сделанных в Отчете правительства перед Государственной думой в 2010 году. Доклады делал В.В. Путин; хотя по смыслу многие утверждения двух докладов дополняют друг друга, мы ради простоты рассмотрим последний Отчет (апрель 2010 г.).

Прежде всего, бросается в глаза, что Отчет наполнен выражениями и понятиями, которые создают неопределенность в принципиально важных утверждениях. Перечислим часть из них для примера.

«В 2009 году сокращение российского ВВП было рекордным – 7,9 процента». Что значит «рекордный», по сравнению с какими странами или периодами? Если речь идет о периоде реформ экономики Российской Федерации, то в 1992 г. сокращение российского ВВП составило 14 %.

«Мы встретили кризис, имея за плечами почти 10 лет экономического роста». Что понимается под «экономическим ростом»? После 2000 г. происходило оживление омертвленных в 90-е годы производственных мощностей. Средства для этого были получены не благодаря «росту», т. е. расширенному воспроизводству материально-технической и кадровой базы народного хозяйства, а вследствие конъюнктурного фактора мирового рынка. Параллельно с этим «ростом» происходила, на некоторых направлениях даже с ускорением, деградация основных фондов (например, ЖКХ, сельского хозяйства, ряда ключевых отраслей) и «человеческого капитала» (структуры и качества трудовых ресурсов).

Называть рост объема производства за счет загрузки простаивающих мощностей – прием манипуляции, характерный для всей доктрины реформ. Это – пример подмены понятия фонд (запас, stock) понятием поток (flux). Экономический рост – это расширенное воспроизводство основных фондов, шире – экономического потенциала.

Далее в Отчете говорится: «Сам характер российской экономики принципиально изменился. Если не принципиально, то существенным образом изменился». При этом не определен смысл понятия «характер российской экономики». По сравнению со второй половиной 90-х годов не изменились следующие важные черты этого «характера»:

– структура ВВП (сырьевая направленность экономики);

– инерционные массивные тенденции износа основных фондов и трудовых ресурсов;

– социальная система хозяйства (распределение собственности и доходов);

– структура технологических укладов и система научно-технического обеспечения экономики;

– воспроизводство потребностей населения, из-под которого в 90-е годы «выскользнула национальная почва» (Маркс);

– степень зависимости от состояния дел в «метрополии» мирового капитализма, что и показал кризис 2008–2009 гг. Что же изменилось такого, чтобы говорить от изменении характера российской экономики?..

Следующая фраза из Отчета: «Мы предотвратили разрушение реального сектора и финансовой системы. И главное – не допустили падения реальных доходов населения». Из чего видно, что России грозило «разрушение реального сектора и финансовой системы»? В каких странах произошло такое разрушение? Каков точный смысл, параметры и индикаторы того явления, о предотвращении которого говорит в своем Отчете правительство? Применяя такие неопределенные понятия, можно сказать, что и правительство Гайдара «предотвратило разрушение реального сектора и финансовой системы».

Что касается финансовой системы, то в 2009 г. банки не только не сократили выдачу кредитов физическим лицам, но даже увеличили ее в той же пропорции, что и в предыдущие годы. Разве стала бы это делать система «на грани разрушения»? Разве банкиры выбрасывались из окон небоскребов, как в годы Великой депрессии?

Странно также, почему «не допустить падения реальных доходов населения» считается главным по сравнению с «предотвращением разрушения реального сектора и финансовой системы». Ведь если реальный сектор будет разрушен, то и реальные доходы населения упадут. Непонятно, каковы цели, ограничения и критерии принятия решений правительством.

Далее: «В разгар кризиса существовала реальная угроза потери российских стратегических активов, их просто могли распродать за бесценок в том случае, если бы наши крупные компании не смогли рассчитаться с западными кредиторами, с западными банками, где эти стратегические активы были размещены в качестве залога. Мы вместе с вами не допустили этого негативного развития событий».

Какими данными обосновано утверждение о том, что «мы вместе с вами не допустили этого негативного развития событий»? Правительство обещало помочь «отдельным компаниям» в размере 10 % их долга, 30 % долга отдали сами предприятия. Что произошло с 60 % заложенных собственниками активов? Ведь «кризисы» используются для изъятия у некоторых стран их национальной собственности в виде предприятий.

Мы знаем долю акций, которыми владел иностранный капитал в начале XX века по всем главным отраслям российской экономики, уместно было бы привести такие данные и для начала 2010 года – как довод в пользу сделанного утверждения.

«Мы стремились предотвратить критический рост безработицы… Всего же программы поддержки занятости охватили 2,8 млн. человек». Каков, по установкам правительства, критический для России уровень безработицы? Удалось ли предотвратить критический рост или правительство отчитывается о том, что оно «стремилось» сделать? Что значит «программа охватила человека»? Что конкретно с ним после этого стало? По какому принципу выбирали тех, кого правительство решило «охватить» программой?

На начало декабря 2008 г. число безработных в России составило 5 млн. человек, увеличившись за ноябрь на 400 тыс. В конце декабря оно достигло 5,8 млн. человек, а в марте 2009 г. 7,1 млн. Рост числа безработных на 54 % за 5 месяцев – критический или нет? В марте 2010 года безработных в России было 6,4 млн. человек.

Меры, которые принимает правительство (переподготовка работников, организация общественных работ и миграция в другие регионы), несоизмеримы с тяжестью проблемы. Для каких производств можно переподготовить 6 миллионов безработных, какие регионы в них нуждаются?

Но в Отчете говорится: «Кстати говоря, и собственники предприятий, и менеджмент – они тоже достаточно бережно относятся к кадрам». Что значит достаточно бережно? Как это оценило правительство? Как это оценивают сами «кадры», к которым бережно относятся и собственники предприятий, и менеджмент?..

«Впервые с середины 90-х годов стабилизировалась численность населения России». Речь идет о естественном приросте (или убыли) населения, но почему за точку отсчета принята середина 90-х годов? Естественная убыль населения была зарегистрирована уже в 1992 г., и это было важнейшим следствием реформы – зачем же игнорировать результат первой половины 90-х годов. Наконец, на основании каких данных правительство утверждает, что в 2009 г. «стабилизировалась численность населения России?» Ведь, согласно данным Росстата, естественная убыль населения составила в 2008 г. 2,6 и в 2009 г. 1,8 человека на тысячу. Убыль уменьшилась, но ведь это все-таки убыль, а не стабилизация численности.

Далее в Отчете: «Введено в эксплуатацию 3 тыс. километров федеральных и региональных автомобильных дорог, на 700 километров больше, чем в 2008 году. В царские времена, в 1903–1904 годах, сделали Транссиб, и больше ведь ничего нет фактически. Вот мы с вами впервые сделаем первую автомобильную дорогу, которая будет связывать Европейскую часть и Дальний Восток. Это большое событие… Но, кстати сказать, и Транссиб, и БАМ строились в связи с возможными военными действиями, в связи с военной угрозой как минимум, а мы делаем с вами автомобильную дорогу в плановом порядке. Впервые что-то делаем в плановом порядке».

Как понимать, что в России «сделали Транссиб, и больше ведь ничего нет фактически»? Почему строить что-то в связи с военной угрозой – значит делать «не в плановом порядке», а строить дорогу без военной угрозы – значит, что «мы делаем с вами

автомобильную дорогу в плановом порядке»? И почему правительство не обнародует своих конкретных планов, если оно их, оказывается, разрабатывает. Кстати, хотелось бы знать, что строит правительство вместе с депутатами Госдумы.

Число «3 тыс. километров федеральных и региональных автомобильных дорог» мало что говорит даже депутатам. Много это или мало? Такие величины надо помещать в какуюто систему координат со стандартами сравнения. Например, сообщить, что в 1990 г. было введено в строй 12,8 тыс. км дорог такой категории (а вместе с дорогами с твердым покрытием местного значения – 41 тыс. км). Сейчас дорог местного значения вообще не строят.

Дальше: «Будут внесены принципиальные изменения в идеологию разработки и использования бюджета. В рамках госпрограмм будут сконцентрированы все средства… Это будут программы по образцу государственной программы развития сельского хозяйства». Из чего исходит такая странная идея? Что значит «принципиальные изменения в идеологии разработки и использования бюджета»? Смысл предполагаемого революционного изменения совершенно не раскрыт.

Как могут быть «в рамках госпрограмм сконцентрированы все средства»? Это невозможно, никакая программа не может быть выполнена без постоянной институциональной поддержки систем учреждений и организаций. Программы – это действие по изменению систем, но они всегда являются надстройкой стабильной системы. А эта стабильная система требует значительных средств для ее содержания (воспроизводства), которые поступают в виде разного типа институциональных ассигнований.

Почему за образец взята государственная программа развития сельского хозяйства? Разве она официально признана успешной? О ее результатах практически ничего не известно.

Далее: «Уважаемые депутаты, уверен, что вы помните, как год назад в этом зале остро звучал вопрос о проблемах сельского хозяйства. В 2009 году объем помощи селу из бюджетов всех уровней составил порядка 300 млрд. рублей. Еще более 776 млрд. рублей сельхозпредприятия привлекли в виде кредитов, из них 453 млрд. – на льготных условиях, по ставкам, которые субсидируются государством».

Что значит «объем помощи селу из бюджетов»? Это субсидии (в том числе для получения кредитов)? Много это или мало? Какие «проблемы сельского хозяйства» эта помощь позволила решить?..

Далее: «Очень много проблем сохраняется в здравоохранении, хотя за последние годы нам кое-что удалось там сделать. Ну, например, только за прошлый год программой «Родовой сертификат» воспользовались 1600 тыс. женщин». Почему для характеристики того, что «удалось сделать» в здравоохранении, применен такой странный индикатор? «Родовой сертификат» – новый способ оформления рожениц, поступающих в роддом. Сама полезность этого способа не измерялась и не обсуждалась. Тот факт, что 1600 тыс. женщин лояльно выполнили новые формальности (а какие были альтернативы?), никак не говорит о достижениях в здравоохранении.

Но Путин продолжает: «Потребность в высокотехнологичной медицинской помощи сейчас удовлетворяется на 60 %, хотя еще несколько лет назад такие услуги были доступны только каждому десятому гражданину нашей страны».

Каковы параметры, индикаторы и критерии, с помощью которых сделаны эти выводы? Речь идет об измерении сложного и плохо формализованного явления, в описании которого все понятия размыты, – и вот, без всяких ссылок на методологию и методики объявляется точный результат – 60 %. Он вызывает большие сомнения. В каких документах и в какой форме фиксируется потребность в медицинской помощи, которую медицинское учреждение не удовлетворяет по причине ее «недоступности»?

Не сказано, каким образом удалось «за несколько лет» поднять «удовлетворение потребности» с 10 % до 60 %? Откуда взялись в России все эти «высокие технологии» – оборудование, материалы, квалифицированные специалисты? Как могло общество всего этого не заметить?

Как объяснить, что на субъективном уровне не ощущается такого резкого улучшения здравоохранения? Напротив, нарастает ощущение прогрессирующего неблагополучия в массовом здравоохранении из-за его бюрократизации, нехватки средств и снижения квалификации и мотивации персонала.

«Правительство в сфере страховой медицины добивается прежде всего… четкого определения объемов финансового обеспечения госгарантий оказания бесплатной медицинской помощи на основе единых стандартов и подходов».

Что имеется в виду? Как может «госгарантия оказания бесплатной медицинской помощи» базироваться «на основе единых стандартов и подходов»? Медицинская помощь по определению должна соответствовать конкретному заболеванию конкретного пациента. Судя по утверждению, правительство озабочено не тем, чтобы врачи лечили болезнь, а чтобы они расходовали полагающийся «объем финансового обеспечения госгарантий». При этом теряет смысл само понятие «здравоохранение». Разве охранение здоровья от болезни исходит из лимитов, выведенных на основе единых стандартов? Здравоохранение – система коммунальная, а не индивидуальный рацион услуг. Если бы каждый требовал положенную ему по единому стандарту сумму, то большинство тяжелобольных просто умерли бы.

Требуется разъяснение этого важного пункта, он звучит слишком угрожающе, тем более в свете следующего тезиса: «Это даст возможность оказывать медицинскую помощь людям в строгом соответствии с государственными стандартами».

Впервые объявлено о столь необычном намерении правительства. Принцип здравоохранения – оказывать медицинскую

помощь «в строгом соответствии с медицинскими показаниями». Этот принцип отвергается?

Далее: «В 2009 году мы не только решали неотложные проблемы, но и не теряли времени для системных преобразований». Какие из проведенных в 2009 г. преобразований правительство считает «системными»? Из всех перечисленных в Отчете дел выбрать системные преобразования очень непросто.

В ряде приведенных утверждений очень неопределенной является мера. Но в некоторых случаях нарушение меры столь значительно, что возникает несоизмеримость в структуре утверждения. Вот примеры таких случаев: «За 2008–2009 годы Фонд реформирования ЖКХ вложил 166 млрд. рублей в капитальный ремонт многоквартирных домов и расселение аварийного фонда. Отремонтированы дома, в которых проживает – конечно, это была крупномасштабная работа, да она и продолжается – 11 млн. 300 тысяч человек. В новые квартиры въехали либо оформляют документы на переселение 165 тысяч семей».

Утверждается, что на 166 млрд. рублей сделан капитальный ремонт многоквартирных домов, в которых проживают 11 млн. 300 тысяч человек. В среднем по России на 1 человека приходится около 20 м жилья. Значит, сделан капитальный ремонт жилищного фонда площадью 226 млн. м. Выходит, стоимость ремонта 1 м составила 735 руб. Между тем, согласно опубликованной официальной смете капитального ремонта на 2008 г., цена ремонта 1 м в среднем по России составляла 19,5 тыс. руб. Это в 26,5 раза больше того, что затратил Фонд реформирования ЖКХ.

Даже если предположить, что кроме Фонда реформирования ЖКХ примерно такую же сумму в ремонт вложили региональные бюджеты (о чем в Отчете не сказано), все равно величина вложенных средств и реальная стоимость ремонта несоизмеримы между собой.

В Отчете уточняется: «В этом [2010] году на программы Фонда будет направлено 85 млрд. рублей. Это позволит провести капитальный ремонт в 26 тысячах многоквартирных домов площадью 60 млн. кв. метров и переселить из аварийного жилья еще несколько десятков тысяч человек».

Иными словами, и в 2010 г. стоимость капитального ремонта оказывается менее 1 тыс. руб. за 1 м (поскольку на 85 млрд. руб. предполагается часть жителей аварийных домов, не поддающихся ремонту, расселить в новые квартиры). На 1 тысячу рублей трудно сделать и косметический ремонт 1 метра жилья, а капитальный ремонт включает в себя ремонт несущих конструкций, замену кровли и инженерных коммуникаций.

В этом разделе Отчета налицо нестыковка количественных данных.

Сходная несоизмеримость присутствует в утверждении, посвященном основным фондам здравоохранения. В Отчете сказано: «Сегодня более 30 % всех лечебных учреждений страны находятся в аварийном или требующем капитального ремонта состоянии. И это несмотря на все то, что уже было сделано в рамках национального проекта. Многие поликлиники и больницы не имеют достаточного оборудования для оказания медпомощи в соответствии с современными требованиями. Поэтому в течение двух ближайших лет мы выделим около 300 млрд. рублей на приведение всей сети здравоохранения страны в порядок».

Понятно, что 300 млрд. руб. – это сумма, которую правительство посчитало возможным выделить на то, чтобы разрешить самые критические угрозы, возникшие из-за износа основных фондов. Но зачем говорить, что эти средства даны «на приведение всей сети здравоохранения страны в порядок»? Ведь масштаб проблемы и размер выделенных средств несоизмеримы. Чтобы определить масштаб проблемы, надо было бы сказать, сколько денег «недовложили» в сеть здравоохранения за 20 лет по сравнению с нормальными затратами на ее воспроизводство (на строительство, капитальный ремонт зданий и сооружений, на содержание и обновление приборов и оборудования).

В России около 50 тыс. больниц, поликлиник и других лечебных учреждений. 30 % зданий (около 16 тыс.) надо сносить и капитально ремонтировать. Приборный парк надо закупать практически полностью, он изношен физически и морально до предела. 300 млрд. руб. – это в среднем по 6 млн. руб. на одну больницу или поликлинику. В Москве это стоимость однокомнатной квартиры. Можно ли на эти деньги привести в порядок здание и оборудование больницы? Так зачем создавать иллюзии! Гораздо важнее помочь обществу осознать суровую действительность, преодоление которой потребует от государства и населения больших, даже самоотверженных усилий.

Очень странной «количественно и качественно» представляется следующая инициатива правительства в отношении «пожилых граждан»: «На лицевые счета пожилых граждан государство будет зачислять по одной тысяче рублей в год. Эти деньги могут быть использованы в качестве соплатежа за медицинскую страховку. А если в течение определенного периода времени необходимости обращаться к врачу не будет – средства будут зачисляться на пенсионный счет гражданина. Понятно, да? Гражданин имеет тысячу, обратился к врачу, значит, оттуда пошло софинансирование. Не захотел идти к врачу, нет необходимости, значит, эта тысяча пойдет на пенсионный счет».

Недоумение вызывает сама формулировка «соплатежа за медицинскую страховку». Что это такое? Каждый гражданин имеет полис медицинского страхования и никаких платежей за него не вносит. Разве он, обращаясь к врачу, совершает какой-то платеж, к которому теперь может присовокупить свою данную государством тысячу? Куда, в какое окошечко он эту тысячу протянет? А если он не захочет пойти к врачу, кому и как он докажет, что у него «нет необходимости»? И что это за «пенсионный счет», на который кто-то перечислит тысячу рублей и с которого старик может эту тысячу взять? У кого есть такие счета и как оттуда можно получить деньги?

Но главное возражение вызывает сама идея: вот тебе тысяча рублей, хочешь – лечись, хочешь – потрать на что хочешь. Эта идея

принижает сам смысл социального здравоохранения как формы «коллективного спасения», она соблазняет людей тем, что деньги на медицину – твои, потрать их на себя. Здесь – высказанный пока неявно отказ от здравоохранения и сдвиг к покупке медицинских услуг. Это – ложная рыночная утопия, которая уничтожает великое достижение цивилизации и социального государства.

Если реализация этой утопии заходит далеко, право на здоровье остается только у очень небольшого богатого меньшинства. А строго говоря, ни у кого. На Западе богатые люди, заболев серьезно, обращаются к системе социального здравоохранения – сидят в очереди в поликлинике, ложатся в общую палату в больнице. Потому что только эта, организованная государством, коммунальная система обладает возможностью создать и содержать целостную научно-техническую, информационную и организационную основу современной медицины. Без этой основы за свою тысячу никто не получит никакой помощи, ему порекомендуют отвар медвежьего ушка. А основа создается, когда эту тысячу каждый отдает в общий котел, а не «тратит на себя». Если он здоровяк, на эти деньги покупают томограф, чтобы лечить его незнакомого соотечественника, а здоровяку дают уверенность, что в случае чего и на него не пожалеют миллион. А с такой уверенностью и чистой совестью и умирать легче.

Зачем все эти странные инициативы, зачем мучить старых людей неведомыми и небывалыми проблемами и расчетами?

Если есть возможность – увеличьте всем пенсию на 83 руб. 33 коп. в месяц, и дело с концом. Хочет – прикупит себе медвежьего ушка, хочет – выпьет с приятелем пару кружек пива.

В Отчете уделено существенное место доктрине инновационного развития. Сказано, в частности: «Посткризисное развитие экономики мы связываем, прежде всего, с технологическим обновлением… Прямо скажем, пока серьезного эффекта, к сожалению, не ощущаем».

Благие пожелания и надежды – это, вообще-то, не жанр Отчета. Здесь от правительства ожидали объяснения того факта, что «пока серьезного эффекта не ощущаем». А ведь разговор идет с 2001 года. Вопрос к правительству: от каких реальных мер ожидали ощутить «серьезный эффект»? Ведь научно-техническая политика устранена в России сознательно и кардинально. Это был конкретный и политически оформленный исторический выбор, о его пересмотре и речи нет. Чубайс в нанотехнологиях и Вексельберг в Силиконовой долине – это и есть символическое выражение доктрины инновационного развития.

Можно ли принять следующие причины, которыми правительство объясняет в Отчете отсутствие реальных сдвигов к инновационному типу развития?

«Во-первых, не наработана правоприменительная практика. Есть проблемы с администрированием. Многие компании просто не научились пользоваться предоставленными льготами. И налоговая служба должна помочь бизнесу разобраться в налоговых новациях, а не преследовать за несущественные ошибки. Это – уход от фундаментальных причин. Они в том, что за 20 лет практически демонтирована вся отечественная система научно-технической деятельности, подавлена мотивация всех участников инновационного процесса, начиная с рабочих и студентов и кончая академиками и министрами. А дело сводят к налоговому законодательству!

Лейтмотивом Отчета стала надежда на то, что ослабление государственного контроля и надзора, увеличение для частного капитала масштаба и разнообразия свобод и льгот приведут к появлению дееспособного и ответственного предпринимателя. В методологическом плане это – глубокое заблуждение. Эффективный и ответственный предприниматель – продукт большой системы социальных, культурных и экономических усилий государства и общества. Без этой системы уход государства приводит лишь к появлению хищного антисоциального и антинационального культурно-исторического типа, который начинает доминировать в элите. А этой системы «созидания ответственного предпринимателя» не сложилось, и, похоже, государство этим заниматься не собирается.

В Отчете сказано: «Зачем университетам каждые шесть лет получать лицензии? Собирать для этого пакет из 250 документов объемом 3 тысячи листов?.. Особо подчеркну: знаете, всегда возникает много вопросов – мы отменим то, отменим это, как бы хуже не было. Так мне кажется, что хуже просто некуда. Вспомните, как здесь в Москве рушились спортивные комплексы. Все правильно, все сертификаты есть, и бумажки все собрали, а крыша рухнула».

Вероятно, университетам продлевать каждые шесть лет лицензии действительно не нужно – это вопрос профессионального решения, и спорить не будем. Хотя заметим, что этот якобы очевидно нелепый порядок установлен именно правительством – так каковы были доводы за введение этого порядка?

Но главное, это ощущение, будто «хуже просто некуда». Это ощущение служит основанием, чтобы «отменить то, отменить это». Мол, раз хуже быть не может, то, значит, будет лучше. Но это ошибочное ощущение. Хуже быть может, причем настолько, что наше воображение отказывается рисовать эти образы – оберегает наше сознание. Изменяя нынешнее состояние, правительство обязано изложить доводы в пользу того, что «будет лучше». Вот, в Москве «все сертификаты есть, и бумажки все собрали, а крыша рухнула». Значит, надо отменить «сертификаты и все бумажки»? Нет, это было бы неразумно. Надо выяснить, почему чиновники выдают «липовые сертификаты», и устранить причины. Но все это – банальные рассуждения. Устранять причины – несравненно сложнее, чем отменить сертификаты, и правительство идет именно по этому пути «экономии усилий»…

Наконец, в Отчете правительство напоминает всем о необходимости культивировать конкуренцию – магическое средство возродить величие России. Путин предупредил: «Напоминаю губернаторам, что региональные программы по развитию конкуренции должны быть подготовлены до 1 июня».

Вот это правильно! Программы по развитию конкуренции должны быть подготовлены именно к Международному Дню защиты детей!

В целом из Отчетов правительства в кризисные годы видно, что главная стратегия «борьбы с кризисом» заключается в распределении денег, которыми еще располагает государство. Это – продолжение прежней экономической политики. Основная часть утверждений Отчетов сводится к сообщению размера финансовых средств, которые правительство направило в ту или иную сферу. Отчеты действительно носят характер бухгалтерского документа, в то время как правительство должно отчитаться о результатах своего правления. Для этого нужны показатели не входов в систему, а выходов, которые характеризуются совсем другими индикаторами и оцениваются совсем другими критериями – не затрат, а эффекта.

Но кризис – особый тип бытия. Это – болезнь общества (хозяйства, государства). Как и при болезни человека, на этот период необходимо создать особый тип жизнеустройства, качественно отличный от жизнеустройства стабильного времени. При серьезной болезни человека меняется его образ жизни. Для защиты его организма применяются лекарства и процедуры, которые уничтожают болезнетворное начало или повышают защитные способности органов и тканей. Иногда необходимо временное замещение органов искусственными устройствами (почка, легкие). В крайних случаях производят хирургическое вмешательство, изменяя саму структуру организма путем ампутации или трансплантации.

Из этой аналогии следует, что защита от «болезни» кризиса не может быть достигнута просто раздачей тех средств, которые хозяйство получало в благополучное время. Распределение денег, которые бы заменили прежние прибыль, кредиты или зарплату, не лечит, как каша не лечит больного. Кризис требует создания новых социальных форм и ослабления или ликвидации тех социальных форм, которые провоцируют болезнь или усиливают болезнетворное начало.

Вспомним: все большие и успешно преодоленные кризисы – всегда они были периодом интенсивного социального конструирования и создания новых форм общественной организации. Так, программа выхода из Великой депрессии США вошла в историю как «кейнсианская революция», новый этап в социальной организации западного капитализма. «Реформы Эрхарда» в послевоенной Германии многое почерпнули из ордолиберализма, социального учения, соединившего либерализм с немецким государственным порядком. Что уж говорить о НЭПе как восстановлении страны после кризиса семи лет войны. Это общее правило: успешный выход из кризиса всегда сопряжен с глубоким обновлением социальной системы и, соответственно, технологического уклада. Но мы не видим никаких признаков такого поворота в России.

Другой недостаток Отчетов – умолчание о достижении гласно поставленных целей или о причинах невозможности их достичь. Так, 20 ноября 2008 года В.В. Путин сказал: «Сегодня нам необходимо решать вопрос кредитования отечественных компаний и предприятий – практически полностью за счет собственных финансовых ресурсов». Прошло полтора года – как обстоят дела с выполнением этой конкретной задачи? Российские корпорации снова набрали кредитов за рубежом. Значит, задача не решена. Почему?

Кризис 2008–2009 гг. – эпизод в большом и сложном процессе, который происходит в России и условно назван «переходным периодом». Рассказ о кризисе никак не исчерпывал задачи, которые стоят перед Отчетом правительства. Сообщения об антикризисных мерах двух лет следовало встроить в контекст общего долговременного кризиса, который переживает Россия.

До сих пор, с 1992 года, власть не изложила ясно ни своих представлений о благой жизни, ни основных контуров того «образа будущего», к которому эта власть ведет Россию. Кризис, прервавший рутину нескончаемого «переходного периода», был поводом к тому, чтобы правительство объяснило, каковы его главные функции вообще и в «переходный период» в частности. За какие стороны бытия России отвечает Правительство? Этого в Отчетах не было.

Не было в них и проведено разделение негативных процессов на два класса:

– процессы, порожденные целеполаганием 90-х годов, которые нынешнее государство пока не в состоянии остановить (как, например, деиндустриализации);

– процессы, порожденные целеполаганием периода 2000–2010 гг. (например, кредитный и потребительский бум). Это разные системы, одинаково важные и во многом предопределяющие среднесрочное будущее.

В целом правительство говорит о бытии России в категориях увеличения благ и выгод. На деле приоритетным для государства является обеспечение безопасности и предотвращение угроз (шире – минимизация ущерба). Тем более такая постановка задачи требуется в периоды кризисов и нестабильности.

Угрозы для России и русских

Мы переживаем Смутное время, а это – разброд и шатание. Но есть тема, о которой думают все, – «что же будет с Родиной и с нами?». И есть в этой теме общий подход – люди пытаются разглядеть и понять угрозы для России. Предупрежден – значит вооружен. Это оружие всем нам необходимо, чтобы провести через цепь опасностей и Родину, и наших близких, за кого мы в ответе.

Будем говорить о тех угрозах, которые составляют ядро системы опасностей для России. Какие-то мы унаследовали от «проклятого прошлого», которое уходит в туманные времена Киевской Руси, но большая часть порождена на наших глазах, за последние двадцать лет.

Доктрина реформ предполагала высокую степень риска для всех систем страны. Делалось это осознанно или как печальная необходимость при разрушении «империи зла» – задача для следователей. Нас же интересует суть дела: как угрозы зарождались и развиваются, по каким признакам их можно обнаружить и оценить, каков потенциал каждой из них и с какой скоростью он наращивается, в каком месте реализуется опасность и что ей можно противопоставить.

В целом, мины, заложенные при Горбачеве и Ельцине, дозревают до того, чтобы начать рваться только сейчас. Главный вал отказов, аварий и катастроф придется на то поколение, что сегодня входит в активную жизнь. Большинство опасностей, предсказанных специалистами при обсуждении доктрины реформ в начале 90-х годов, проявились. Однако их развитие оказалось более медленным, чем предполагалось. Большие системы, сложившиеся в советское время, обладают аномально высоким запасом «прочности». Природа этой устойчивости не выявлена, и ресурсы ее не определены. Это создает опасную неопределенность, поскольку исчерпание запаса прочности может быть лавинообразным и момент его предсказать трудно.

Природа и источники рисков и угроз в условиях нашего кризиса не стали предметом ни научных исследований, ни общественного диалога. Исследования, «беспокоящие» реформаторов, были свернуты, специалисты разогнаны. Не сложилось интеллектуального сообщества, которое могло бы судить об угрозах, исходя из норм научной добросовестности. Ячейки таких исследований «ушли в катакомбы».

Перечень угроз можно сделать длинным или коротким – на деле все они есть просто разные грани большой угрозы бытию России. Но сначала надо сказать об фоне, на котором зреют угрозы. Свойство разумного человека – способность предвидеть угрозы. Для этого необходим навык рефлексии – «обращения назад». Первым шагом к общему кризису у нас и стало отключение памяти и рефлексии – как будто в конце 80-х годов кто-то сверху щелкнул выключателем. Информация об угрозах стала активно отвергаться.

На всех уровнях общества всегда имеется «карта угроз», как-то выраженная. Она всегда не вполне достоверна и отстает от жизни. Но в моменты резкого слома порядка эта карта может стать совсем негодной. Следуя ей, мы попадаем в положение командира, который в тумане ведет свой отряд по карте вообще другого района. Он не видит угроз, они возникают внезапно.

Это и есть база нашей проблемы, ее нулевой уровень – наше сознание утратило навыки предвидения угроз. Мы стали отключать системы сигнализации об угрозах, одну за другой, – чтобы не мешали «празднику жизни». Ликвидировали структуры, созданные для обнаружения и предотвращения угроз. Общество заболело чем-то вроде СПИДа. Ведь он и выражается в отключении первого контура системы иммунитета – механизма распознания проникших в кровь веществ, угрожающих организму.

В стране отключена сама функция распознания угроз, подорваны необходимые службы и испорчены инструменты. С учетом этого и начнем разговор.

В 90-е годы наше общество утратило навык предвидения угроз настолько, что в обиход вошел термин «синдром самоубийцы». Операторы технических систем совершали цепочку недопустимых действий, как будто специально хотели устроить катастрофу. Вот, на шахте взрыв метана, погибли люди. Был неисправен какой-то датчик, подавал ложные сигналы. Его просто отключили. Не помогло, сигналы беспокоили – и последовательно отключили 23 анализирующих устройства.

Так вели себя люди в самых разных делах, это был признак общей беды. От травм, случайных отравлений и несчастных случаев у нас стало гибнуть очень много людей – по 400 тысяч человек в год. Заговорили даже, будто дело в нашей природной неспособности жить в мире техники. Это ерунда, речь идет об общем кризисе индустриального общества. Нас от этого отвлек социальный кризис 90-х годов, но пора задуматься.

Техносфера, в которой живет человек, дозрела до такой плотности, что опасностям в ней стало «тесно», и они полезли из нее, как перекисшее тесто. В Европе сейчас только хлора накопилось более 20 тысяч летальных доз на каждого жителя. Интенсивность потоков энергии и опасных материалов такова, что сама технология может быть превращена в оружие массового уничтожения. Но беда не в технике, а в том, что городской человек не умнел в том же темпе, что росли опасности, – и сейчас его сознание не соответствует структуре и масштабам угроз.

В чем же дефект? В том, что в основу индустриального разума была положена иллюзия, что мироздание – это машина. Все в ней предопределено и поддается расчету. Богчасовщик завел пружину мироздания и больше не вмешивается, часы тикают в полном порядке. Возникла теория рынка как такой машины, эта же модель положена в основание Конституции США – сдержки и противовесы держат ее в равновесии. Такой машиной, наподобие часов (или насоса), представлялся и человек. Это мировоззрение породило безответственность. Если вокруг – простые машины, все предсказуемо, то нечего опасаться,

невидимых угроз мир не таит.

Так возникла цивилизация огня и железа, ее кумиром стал Прометей – титан, воплощение культа силы и техники. Человек посчитал себя всесильным, вновь обрел свое языческое Я. Так был выброшен дар предвидения угроз. Идея свободы затоптала ответственность, идея прогресса – память. Слепые вели слепых, и мир свалился в яму нынешнего кризиса. В России все кризисы Запада происходят в самой бурной форме. Теперь глотнули неолиберализма, больного учения уже больного Запада. Судя по всему, поправимся, но сильно исхудаем…

Люди осознают себя как народ в сравнении с другими народами, как «мы» и «они». Для сравнения в качестве «иных» берутся народы, которые оказывают большое влияние на «нашу» судьбу. Начиная с XVI века такими для русских стали народы Запада («немцы»). С Запада приходили теперь захватчики, несущие главные угрозы для России, оттуда же приглашали учителей. К Западу русские относились с напряженным вниманием, перенимая у них многие идеи и технологии. По поводу отношения к Западу среди русских шел непрерывный диалог и возникали конфликты, так что даже оформились два течения – западники и славянофилы.

Ненависть к Западу никогда не была стержнем самосознания русских. От этого нас уберегла история – во всех больших войнах с Западом русские отстояли свою независимость, а в двух Отечественных войнах одержали великие победы.

Это укрепило не только русский народ, но и ту нацию, которая складывалась вокруг него в России и СССР. Кроме того, самосознание русских в их сравнении с Западом укреплялось успехами в культурном строительстве – большинство русских чувствовали себя, в главном, на равных с Западом.

Не слишком задумываясь об этом, русские считали себя самобытной цивилизацией, как это принято и в мировой науке. К концу XX века мы подошли с определенным мнением о Западе, и особенно о США, как об ином, задающем координаты для нашего самоосознания. Это мнение выражали духовные авторитеты народа, начиная с Гоголя и Пушкина.

Да, многое есть у Запада, чем можно восхищаться, но есть и неприятие, возникшее с отходом его от православного представления о человеке. Это сочетание делало вдвойне важной роль Запада как иного для самосознания русских, поднимало его образ на высокий уровень.

Антиправославный дух Запада играл в нашей жизни большую роль. Особым воздействием «заразительного дыхания» Запада на Россию были провоцируемые им расколы общества и, говоря современным языком, национальные предательства тяготеющей к Западу части элиты. Вторжение в русскую жизнь западного капитализма с конца XIX века вызвало особенно тяжелый раскол и довело до революции.

Таким образом, Запад и его наиболее «чистое» воплощение – США – были для русских важнейшей системой координат, в которой они понимали сами себя. В 70-е годы XX века в сознании части интеллигенции возник кризис, эта часть в холодной войне встала на сторону Запада против СССР. Так, А.Д. Сахаров, признанный духовный лидер нашей демократической интеллигенции, стал открыто бороться с нашей «империей зла». Он завалил президентов США требованиями о введении санкций против СССР и даже о бойкоте Олимпийских игр в Москве в 1980 г. В 90-е годы демократы этим хвастались, теперь помалкивают, но надо же вспомнить урок.

Все 90-е годы правящая верхушка требовала от русских принять Запад как идеал гуманизма и демократии. Это нанесло тяжелый удар по мировоззренческой матрице народа. Нам ломали устои нравственности и совести, критерии различения добра и зла. Этот порядок был противен совести нашего народа и главным устоям русской культуры, так что его одобрение создавало конфликт между этой совестью и государством, что разрушало важную систему «народообразующих» связей. На деле власть и элита вели демонтаж народа, ибо переделать его мировоззрение политики не могли, но подорвать его связность им было по силам.

Для того чтобы восстановить эту связность, требуется обратиться к устоям своей культуры, которая выросла на Православии и русском космическом чувстве. С этим ядром совместимы взгляды народов, что собрались в Россию. Механицизм мы используем как научный инструмент. Но мир – не машина, а Космос, хрупкая Вселенная. Процессы в ней часто необратимы, так что по незнанию или сдуру можем совершить непоправимое. В обществе и человеке много такого, что нельзя рассчитать. А значит, что-то менять, а тем более ломать, надо с большой осторожностью – а тут кувалдой страну перестраивают. Вот и встают угрозы.

Чтобы их увидеть и нанести на карту, надо изменить тот фон, на котором разыгрывается наша драма. Нужно отремонтировать нашу мировоззренческую матрицу – вернуться к принципу минимизации рисков, к тому космическому чувству, из которого русская наука черпала идеи для понимания катастроф, борьбы порядка и хаоса, от которой мы не можем ни дезертировать, ни откупиться.

Сегодня в России – системный кризис. В ходе таких кризисов страдают и элементы, и связи всех систем страны. Сильнее всего – самая уязвимая часть систем – связи. Угрозы каким системам являются критическими, то есть могут повлечь лавинообразные цепные процессы распада, угрожающие гибелью целого?

Это разрыв связей, соединяющих людей в народ, а также порча механизмов, которые ткут эти связи, «ремонтируют» и обновляют их.

Ядро России – русский народ, который и сам вобрал в себя множество племен. Их «сплавило» Православие, общая историческая

судьба с ее угрозами и войнами, русское государство, язык и культура. Операция по демонтажу советского народа с конца 80-х годов ударила по его русскому ядру. Эта операция продолжается и порождает главную на сегодня угрозу для России. Народ – субъект истории и держатель страны. Разрыхление его связности лишает его надличностной памяти, разума и воли. Отсюда – кризис всех других систем.

Демонтаж народа проводится посредством экономической и информационно-психологической гражданских войн. Сейчас размонтированы верхние слои связей, основа цела, но угроза нарастает.

Россия создала особый его тип. Восточные славяне, соединяясь в русский народ, нашли способ собрать на огромном пространстве империю неколониального типа. Здесь не было этнических чисток и тем более геноцида народов, не было планомерной ассимиляции, не создавался «этнический тигель», сплавляющий всех в новую нацию, не было и апартеида, закрепляющего части общества в разных цивилизационных нишах. С 90-х годов один из главных ударов направлен на механизм, что скрепляет эту систему. Вызревают две угрозы: превращение этнического сознания нерусских народов из «русоцентричного» в этноцентричное; нагнетание русского этнонационализма, ведущего к разделению и архаизации народов. России грозит «молекулярная» этническая война всех против всех.

Для земной жизни нужны инструменты рационального мышления – точный язык, логика, мера, навыки рефлексии и проектирования. Все они были сильно повреждены во время перестройки, а затем подрывались в ходе реформы. Сейчас сознание общества, и особенно элиты, хаотизировано и не справляется с задачами, которые ставит кризис. Резко снизилось качество решений и управления, возникли аномальные зоны, где принимаются наихудшие решения из всех возможных. Дальнейшая деградация рационального сознания – всеобщая угроза.

Реформа нанесла тяжелый урон населению. Ухудшилось физическое и психическое здоровье большинства граждан России всех возрастов и социальных групп – народ болен в прямом смысле слова. Быстро снижаются формальные и качественные показатели уровня образования, наступает невежество и мракобесие. Упала до красной черты и продолжает падать квалификация главных групп работников. Подорваны нормы человеческих отношений и способность к самоорганизации. Возникли «малые народы», подгрызающие структуры цивилизации («гунны»). Наступает «цивилизация трущоб», привыкающая к своей культуре.

Это – один из главных видов оружия колонизаторов против «дикарей». Теперь оно применяется против России. Когда в стране «ускользает национальная почва из-под производства потребностей», народ чахнет и впадает в тоску. Им овладевает «воля к смерти». Парень не может ездить на «жигулях», без иномарки ему не жизнь. Эта большая операция информационно-психологической войны против России продолжается и разрывает связи солидарности людей, без которых не вылезти из кризиса.

Страна – как самолет, а власть и управление – его экипаж. От его квалификации, здоровья и совести зависит жизнь страны. За 90-е годы произошло катастрофическое падение качественных характеристик и кадров управления, и всей системы в целом. Когда в 1988 г. Горбачев совершил первый погром кадров (как водится, под флагом борьбы с бюрократизмом), от начальников пошли бумаги, которые вызывали шок. Невозможно было понять, что произошло, не верили глазам. Они сошли с ума? На высокие посты пришли люди, не имевшие представления о системах, которыми они должны были руководить, причем люда агрессивные. За 90-е годы было еще несколько таких погромов – «чистка кадров». Отмечено уникальное и даже аномальное явление – в управлении экономикой стали приниматься решения, наихудшие из всех возможных.

Из всех социальных групп именно у состава высшего эшелона управления произошло самое глубокое поражение рационального мышления. Иногда министры притворяются безумными (этим злоупотребляет Греф), но это не только маска. Их мышление действительно оторвано от здравого смысла. К тому же в безвыходный порочный круг госаппарат загнан коррупцией – начальники оказались «на крючке».

Потрясает живучесть страны, а также государственный инстинкт чиновников среднего звена, которые продолжают тянуть лямку, хотя и приворовывая. Однако эта угроза нарастает, поскольку процесс деградации вышел в режим самоускорения, а программы лечения нет. Само появление такой программы уже требует чрезвычайных мер.

Постсоветская власть не может преодолеть кризис легитимности – нехватку авторитета, уверенности граждан в том, что эта власть гарантирует жизнь страны и народа. Как следствие недостаточна активная поддержка власти со стороны большинства. До предела сузилась социальная база власти – ее кадры отбираются из узкого слоя «своих». Признак кризиса – высокий рейтинг символического лица (президента) при очень низком уровне доверия ко всем другим институтам власти. Множество опросов последних лет показали крайнюю степень отчуждения населения от власти. По множеству проблем в населении сложилось единодушное мнение: власть действует не во благо народа, а во вред ему.

Возникло неустойчивое равновесие, дестабилизация которого может быть достигнута сравнительно небольшими воздействиями. Культура и квалификация властной верхушки и ее интеллектуальных бригад не отвечают тем вызовам, которые содержатся в современных «оранжевых» технологиях. Эти технологии позволяют недорого создавать контролируемые кризисы. Единственный способ для власти преодолеть эту угрозу – пойти на честный и открытый диалог с народом и почиститься. Но это означает глубокий конфликт с правящей верхушкой США, на который власть не может решиться.

До последнего времени экономика России складывалась по типу «семейного хозяйства», которое принципиально отлично от «рыночной экономики». В семье ресурсы и усилия не продаются и покупаются, а складываются.

Реформа 90-х годов не смогла полностью преобразовать тип хозяйства России. Но хозяйство семьи нельзя «раскрывать» внешнему рынку – он высосет из семьи все средства. Даже иная жена не удержится от соблазна поторговать собой на панели. Раскрытие семейного хозяйства сразу превращает его в руину – это знают все, у кого в семье есть пьяница, который «тащит из семьи». А сын-наркоман разоряет даже состоятельную семью всего за год.

У нас перед глазами – катастрофа советского хозяйства, которое в 1990–1991 гг. было обескровлено, казалось бы, безобидными «ошибками» Горбачева. Была устранена монополия внешней торговли, а на заводах учреждены «кооперативы», которые гнали продукцию за рубеж. Тогда внешний рынок высосал треть продукции, и внутри страны «товары сдуло с полок». О сырье и говорить нечего, перекачка нефти и солярки за рубеж сразу создала прослойку миллионеров и нехватку горючего для весенних работ.

Это была акция экономической войны против СССР. Сегодня готовится еще более мощная акция экономической войны против РФ – вступление в ВТО. Его нормы сметают последние, уже и так очень хлипкие, системы защиты отечественной промышленности и сельского хозяйства. Для прокорма нашей больной семьи, в составе 143 млн. человек, останутся лишь крохи доходов от Трубы – если олигархи раздобрятся.

Школа – «генетический механизм» национальной культуры. Ее главная задача – не обучение техническим навыкам, а воспитание – передача следующему поколению неявного знания и нравственных устоев, накопленных за века его народом. Так, русская школа обучает детей быть русскими. Российская школа, в основу которой положена модель, выработанная за полтора века в русской культуре, строит и воспроизводит большую российскую нацию. Попытка слома национальной школы приводит к тяжелейшему культурному кризису и длительному хаосу. Такая попытка и предпринята в РФ с начала 90-х годов.

Смысл школьной реформы – заменить культурный и социальный тип русской школы на тип западной школы, выработанный в ходе Великой Французской революции. Западная школа воспроизводит не народ, а классы. Это «школа двух коридоров» – один для производства «элиты», другой – для «массы». Выходят из школы люди двух разных культурных типов. Ликвидации русской школы сопротивляются и учителя, и родители. Это сопротивление стихийное и неорганизованное, но упорное. Если его одолеют, нас ждет поистине общенациональная трагедия.

То же самое можно сказать и о науке. Свою отечественную науку Россия выращивала 300 лет. Она устроена по-иному, нежели на Западе. Русская наука – замечательное культурное явление, достояние человечества. Она выработала особый «русский стиль» в науке, который сделал возможными и успехи в развитии России, и ее военные победы. Теперь наука – один из необходимых устоев нашей цивилизации, без нее нам уже не сохраниться. Очень многие виды знания, которое добывают и хранят ученые России, нельзя купить за границей ни за какие деньги. За 90-е годы нашу науку почти задушили, но ее еще можно возродить. Однако начинается новый виток «реформы» с целью сломать культурный генотип русской науки и превратить ее в «маленький рентабельный бизнес». Это грозит нам полной утратой независимости с неопределенными перспективами.

Реформа привела к спаду производства примерно вдвое (в машиностроении в 6 раз). Последние 7 лет имеем прирост – но лишь потому, что были незагруженные мощности. На деле идет неумолимый процесс старения и выбытия этих мощностей при отсутствии инвестиций для их восстановления и модернизации. Техника изношена до предела, квалифицированные рабочие не готовятся. Еще хуже положение на селе – треть пашни утрачена, остальная истощается без удобрений, ресурс техники почти исчерпан, племенной скот вырезан, потребление электроэнергии в производственных целях сократилось в 4 раза. Чтобы вновь «запустить» производство на основе рыночных отношений, как запускают заглохший двигатель, нужно вложить около 2 триллионов долларов.

Такова цена разрухи 90-х годов. Но не видно признаков того, что кто-то собирается такие деньги вкладывать. Инвестиции, о которых мы слышим, несоизмеримы с масштабами провала. Латание дыр и чрезвычайные аварийные меры и в малой степени не компенсируют массивных процессов старения и деградации. Вложения в Трубу, даже при высоких ценах на нефть, дадут кусок хлеба лишь небольшому меньшинству – тем более при опережающем росте аппетита олигархов. Программы восстановления всей производственной ткани страны нет.

По своему типу это такой же процесс, как и разрушение производственной базы. Разница в том, что при остановке многих производств мы можем сколько-то времени протянуть за счет продажи нефти и газа, а при массовом отказе теплоснабжения замерзнем в первую же холодную зиму. А на грани такого отказа – целые блоки ЖКХ. За 90-е годы из ЖКХ изъяли почти все амортизационные отчисления, поэтому не велся капитальный ремонт жилья, не перекладывались трубы водопровода и теплосетей. Без ремонта все ветшает в несколько раз быстрее, и в 1999 г. мы перешли порог – износ резко ускорился. Только на стабилизацию положения в ЖКХ требуется более 200 млрд. долларов, а стоимость полного восстановления даже не называют. Попытки переложить эти расходы на население или местное самоуправление наивны, привлечь к этому делу частный капитал невозможно – прибыль не светит.

Разумный выход – правительству честно объясниться с народом и начать большую восстановительную программу (источник средств – проблема баланса сил и политической воли). Альтернатива – разделение народа на меньшинство в коттеджах с автономным жизнеобеспечением и большинство в трущобах. Результат – трущобы сожрут коттеджи, но Россия опять умоется кровью.

Армия – ключевая опора любой цивилизации. Это – важная ипостась народа. Свою современную армию Россия выращивала, как и науку, 300 лет. В армии воплощены главные смыслы и коды русского мировоззрения. В ней, как иголка Кащея в утином яйце, спрятана жизнь России. Поэтому такую ненависть возбуждала наша армия у «демократов», поэтому уж Горбачев начал ее

ломать и растлевать. С 1991 г. пытаются изменить культурный тип русской армии, превратить ее в карательную «силовую структуру», лишенную совести и равнодушную к проблеме добра и зла. Армию – защитницу народа хотят переделать в профессиональное охранное предприятие, враждебное народу.

Это пока не удается и, скорее всего, не удастся. Но измордовать армию, вынуть из нее духовный стержень и лишить боеспособности, похоже, реформаторы смогут. Она действительно превратится в больной организм, от которого будет бежать молодежь. Так получилось во многом потому, что мы не желали понять, чем наша армия отличается от наемных западных армий, что именно в ней так стремятся сломать.

В России за 300 лет сложился свой тип армии, отличный от западных армий с их традицией наемничества. Само слово «солдат» происходит от латинского «soldado», что значило «нанятый за плату». В России же были воины, потом стрельцы, а уж потом наше войско модернизировали по европейским стандартам, переняли и термины. Но суть сохранилась, наши солдаты не были наемниками, а несли свой крест – или как рекруты из крестьянской общины, или набранные по всеобщей воинской повинности. Наша армия была успешна в отечественных войнах, наемная – в войнах колониальных и карательных.

Именно армия стала одним из главных творцов советского проекта. Вчерне он был высказан на сельских сходах в 1905–1907 гг., но большая армия Первой мировой войны (15 миллионов крестьян и рабочих) стала форумом, где проект был доработан. После Февраля солдаты стали главной силой, породившей и защитившей Советы.

Армия еще до 1917 г. сдвигалась к ценностям общины, отвергающей сословное разделение. Красная армия сразу стала неклассовой и несословной. Возникнув как армия простонародья, она и свое офицерство выращивала уже как народное, а не кастовое. Это была первая современная армия, не проникнутая кастовым сознанием. Перескочить от нее к западному типу будет трудно или вообще невозможно. Уже немыслимо русскому солдату назвать командира «господин». Даже Ельцин был вынужден говорить солдатам «товарищи».

Армия «для отечественных войн» России нужна и сейчас – но ее переделывают по типу наемной. Это объясняют якобы более высокой эффективностью наемной армии, хотя не называют критерия оценки. Ведь он зависит от целей армии. Одно дело – охранять народ, другое – интересы олигархов. Из Конституции даже убрали слова, что защита Отечества – священный долг гражданина. Да, в философии есть такая формула: «не имеет святости то, что имеет цену».

Приводят и другой довод – дескать, в армии по найму меньше дедовщины. Этот довод не подкреплен ни опытом, ни логикой. Оба типа армии набираются из одного и того же населения, причем выборка, составленная из всех слоев общества, всегда более устойчива и «здорова», чем однородный контингент, нанимающийся ради денег.

Дедовщина возникла потому, что ее допустил, а частично и использовал профессиональный состав армии. В этом виноват идейный кризис офицерства как части интеллигенции. Устранить ее заменой призывников контрактниками нельзя, нужно бережное лечение всего организма, без нагнетания психоза.

В дополнение к сказанному хотелось бы подробнее обозначить один из аспектов проблемы, связанной с демонтажом народа – утрату образа земли в русском самосознании. Это одна из главных угроз для существования русского народа.

Прежде всего, отметим, что народ – это общность людей, скрепленная не отношениями господства и собственностью, а отношениями «горизонтального товарищества», чувством принадлежности к одной большой семье. Это чувство порождается общим языком, общей памятью и общими символами, преданиями, взглядом на мир. Но под этим должно лежать что-то жесткое, материальное, принадлежащее всему народу. Среди таких народных достояний особое место занимает земля. Для соединения народа она служит и священным символом, и животворным источником (дает «хлеб земной»).

Священным для народа является то место, где он возник, – его родина. Мы говорим «родная земля», имея в виду землю, породившую наш народ. Иногда говорят о «почве» (отсюда название одного из течений в национализме – почвенники). Куда бы ни забрасывала судьба русского человека, он знает, что у него есть «свое место» – Родина, междуречье Оки и Волги. Здесь с XIII века стал складываться великорусский этнос. Это его «месторождение» (точнее «месторазвитие»).

Конечно, не только в земле дело, возникали и существовали в одном и том же ландшафте разные племена, которые не сливались в один народ и сохраняли свою самобытность. Но обладание «своей землей», территориальная целостность – условие возникновения народа. Это – «колыбель» народа. В историческом времени связь народов с землей подвижна, народы перемещались по земле (иногда даже происходили их массовые «переселения»).

В своем развитии народы осваивают новые ландшафты и новые способы ведения хозяйства, наполняют землю своей культурой, и она становится им родной. Можно сказать, что земля и народ создают друг друга. Народы складывались, коллективно думая о своей земле и земле значимых иных («там, за рекой, немецкая земля»). Земля – не безучастное физическое пространство, а пространство человеческое. Породнение с землей – важная часть культуры народа (а также обычаев и права). Немного погодя мы приложим усилия для расширения познаний в этом вопросе, поскольку демагоги выработали способы стравливать народы, совместно проживающие в одних ландшафтах.

А в каждый момент связь народа с «его» землей настолько привычна, что воспринимается как нечто естественное, природное. Народы, оторвавшиеся от родной земли, вызывают недоверие (таков был удел евреев и цыган). Представление о родной земле – важная часть мировоззрения каждого народа как основы его культуры.

На развитие русского народа повлияли два разных типа восприятия земли. Первый (статический) складывался в сознании земледельцев. Земля воспринималась как серия кругов, затухающих к границам неведомого. В центре находится дом (деревня) человека, дальше пояс полей и выгонов, еще дальше лесные угодья общины. За ними – дальние пространства. Другой тип (динамический) представляет землю как путь-дорогу. Это сеть маршрутов движения – воинов, купцов, паломников. Образ дальней дороги очень важен для русского сознания. Поэт Клюев даже сказал: «Россия – избяной обоз».

Движение русских землепроходцев – особое порождение нашей культуры. Его связывают с особым взглядом православного богословия, с поиском «Преображения», при котором земное странствие связано с обожествлением мира. Так было с движением на Север. Еще важнее этот мотив был в движении к Тихому океану и в освоении Америки, которая находилась «за морями-океанами».

Образ земли относится к числу главных этнических символов, его надо оберегать и противодействовать попыткам его разрушить или осмеять. Судьба «родной земли» затрагивает самые глубокие структуры национального чувства, и экономические критерии здесь почти не играют роли. Этого не понимают российские реформаторы или делают вид, что не понимают.

В информационно-психологической войне, которая ведется уже двадцать лет с целью демонтажа русского народа, образ нашей земли является одним из главных объектов атаки. У нас пока нет достаточных средств для контратак, но мы уже можем организовать оборону и понимать смысл приемов вражеской пропаганды.

Мы говорили, что людей связывает в народ чувство общего владения родной землей. Помимо самой земли влияние на здоровье народа оказывает и такая символическая вещь, как граница. Граница уже в самых древних государствах приобретала священный смысл – она определяла пространство родной земли и часто становилась этнической границей. Внутри нее живет наш народ. Некоторые ученые считают, что граница – это перешедший в культуру присущий животным инстинкт гнезда, норы («периметра безопасности»). Замкнутая ограда, даже символическая, есть условие «морального и физического комфорта» – как для отдельной семьи, так и для народа.

Сейчас, когда развал СССР разрушил границы России, русский народ живет в тревоге, часто неосознанной. Лучше это положение осознать разумно, оценить угрозы трезво и не позволять демагогам создавать психозы. При уязвимости границ в национальном сознании всегда возникает болезненная тревога, а иногда и фобии – страх перед иными народами, представляющими угрозу целостности «своего» пространства. К числу таких укорененных страхов относится и русофобия Запада, представление русских как «варвара на пороге».

Сильнейшее потрясение для русских вызывает вторжение (нашествие) врагов и иностранная оккупация их земли. Объяснить это европейцу непросто, их междоусобные войны угрозы гибели народам не несли. Например, французы из наполеоновской армии искренне не понимали, почему их с такой яростью поднимают на вилы русские крестьяне. Ведь они несли им прогресс! Чувство русского сопротивления было точно выражено в главном лозунге Великой Отечественной войны: «Смерть немецким оккупантам!» В нем было указано главное зло – оккупация родной земли и главный признак злодея – этнический. Не буржуй и не фашист оккупирует нашу родную землю, а немец. Буржуй бы завладел землей как средством производства, фашист – как идеологический враг советской власти. Немец оккупировал русскую землю и землю братских русскому народов. А эту землю «не смеет враг топтать».

Сегодня связность нашего народа ослабевает не только от того, что границы родной земли оказались плохо защищены, что на морях орудуют контрабандисты и браконьеры, а ПВО не прикрывает воздушное пространство. В уныние приводит отношение государства к своей обязанности охранять границу и территорию. Даже звание пограничника, которое раньше было высоким символом, утратило этот смысл. Говорят, что у нас теперь нет врагов, но ведь не в этом дело! Граница организует пространство, внутри которого господствует наш язык, наше право, наши национальные традиции. Все это и связывает нас в народ, и граница – символическая оболочка нашей целостности. Это азбука национального государства.

Особое обострение чувства территории и границы вызывает нынешняя волна глобализации. Во всем комплексе угроз, которые она несет странам и культурам, надо выделить ощущение угрозы самому существованию народа. Резкое ослабление защитной силы национальных границ несет для русского народа опасность утраты контроля не только над землей («почвой»), но и над ее недрами. Обладание природными богатствами уже в первую волну глобализации (колониальные захваты) стало для многих народов бедствием.

Идеологи глобализации представляют человечество как «человеческую пыль» из индивидов, исключают понятие народ как субъект права (при этом превращают свои государства в неприступную крепость). Глобализация открыто декларируется как переход контроля над естественными и природными ресурсами Земли в руки финансовой элиты мира и хозяев «мирового рынка». В ослабевших странах они создают свои «пятые колонны», которые ведут подрыв национального сознания народов. Угроза утраты недр «родной земли» имеет не только экономическое, но и символическое значение.

Ослабление национальной границы устраняет тот барьер, в рамках которого личная безопасность определялась понятиями «своего» права. От преступника тебя защищало государство, и ты знал его правила и способ действий. Глобализация привела к транснационализации насилия. Было, например, заявлено право США как единственной оставшейся сверхдержавы «изымать» граждан других государств с их территории для наказания их на территории США. Было заявлено и право США на «гуманитарные» интервенции в страны под любым надуманным предлогом, даже очевидно лживым. Национальное сознание подрывается не только самими этими угрозами, но и тем, что внутри страны собственные СМИ на русском языке нам внушают, что этот новый мировой порядок как раз и есть демократия и мы должны его поддерживать.

Сегодня укреплять русский народ – значит освободиться из-под влияния этой демагогии и договориться о нашей общей позиции согласно нашей совести и нашим национальным интересам.

«Родная земля» – фундамент, на котором собирается и воспроизводится народ. В то же время земля – великая ценность, и в мире есть много охотников ее присвоить. Всякие реформы, которые облегчают «движение» земли, несут в себе большую опасность для народа. Поэтому столыпинская реформа, устраняющая общинные запреты на продажу и заклад земли, критиковалась «справа». Консерватор («черносотенец») М.О. Меньшиков писал: «Договорами, покупкою, меною и пр. у народа постепенно будет отобрана земля – корень человеческого рода, постепенно затянута петлей свобода, самое дыхание народное. И тогда, при всевозможных хартиях вольностей и конституциях, народ станет неудержимо беднеть, превращаться в живой мусор, удел которого – гниение».

Для нас сегодня очень важна история изъятия земель у народов стран, ставших колониями Запада, – не столько то насилие, которым оно сопровождалось, сколько философия, которой его оправдывали сами колонизаторы.

В 1873 г. в парламенте Франции в дебатах по закону о купле-продаже земли в Алжире говорилось: «Дальнейшее сохранение общинной собственности как формы, поддерживающей в умах коммунистические тенденции, опасно как для колонии, так и для метрополии; раздел родового владения предписывается, во-первых, как средство к ослаблению всегда готовых к восстанию порабощенных племен, во-вторых, как единственный путь к дальнейшему переходу земельной собственности из рук туземцев в руки колонистов».

Почему же французы считали себя вправе передавать «земельную собственность из рук туземцев в руки колонистов»? Как они пришли к такому взгляду? Насколько глубоко ощущение этого права укоренилось в мышлении европейца? В самых грубых чертах история такова.

Голландский юрист Гроций, как считается, заложил основы международного права. В трактате «О праве войны и мира» (1625) он определил, по какому праву колонизаторы могут отнимать землю у аборигенов, не согласуя захват с местными властями и применяя военную силу. Он выводил его из принципа римского права res nullius (принцип «пустой вещи»), который гласил, что невозделанная земля есть «пустая вещь» и переходит в собственность государства, которое передает ее тому, кто готов ее использовать. Этот принцип стал общим основанием для захвата земель европейскими колонистами. Уже в XIX веке земельные угодья в Африке, Полинезии и Австралии была присвоены колонизаторами практически полностью, а в Азии – на 57 %.

С землями Северной Америки вышло сложнее. В Канаде пришельцев интересовала пушнина и золото, о праве на землю они поначалу не думали. Французы вторглись на земли индейцев-скотоводов и для их захвата применили старый принцип res nullius. Но англичане, двигаясь по плодородным прериям, натолкнулись на племена земледельцев. Англичане стали индейцев уничтожать, но проблема-то осталась. Ведь колонисты-пуритане были демократами с развитым правовым сознанием и высокой моралью, «новый Израиль». Ну истребили краснокожих, но нельзя же так просто хватать их землю, надо по закону, честно. Пришлось призвать на помощь великих гуманистов и философов.

Перечитали трактат Томаса Мора «Утопия» (1516) – он первым среди философов вновь ввел в оборот римское понятие «колония». Он пошел дальше принципа res nullius и определил, что колонисты имеют право силой отбирать у аборигенов землю и «депортировать» их, если их земледелие менее продуктивно, чем у колонистов. Эта идея стала позже в Англии знаменем, под которым вели «огораживание» и сгон крестьян с общинных земель. Основанием права стала экономическая эффективность, решение невидимой руки рынка (конечно, при наличии видимого кулака власти). Цена на шерсть высока? Долой с земли крестьян с их капустой и чечевицей!

Испытав этот принцип на своих крестьянах, английские лорды провели экспроприацию большей части земли у ирландцев с колоссальной «экономической эффективностью». Чтобы делить отнятую землю между солдатами Кромвеля, пришлось разработать теорию стоимости. «Природную» стоимость определяли весом сена несеяных трав, собранных с делянки. Затем считали доход, который можно получить, прилагая то или иное количество труда. Так возникла трудовая теория стоимости. Из нее, кстати, вывели и цену самих ирландцев. Утверждалось, что если они будут во всем слушаться англичан (перенимать цивилизацию), то их цена в пределе может подняться до 70 фунтов стерлингов. А пока что – 25, как у раба из Африки.

В Америке превратить все эти заделы в стройную теорию собственности поручили великому философу Джону Локку, автору теории гражданского общества. Он должен был доказать, что землю у индейцев надо отобрать, несмотря на их прекрасные урожаи. И Локк дополнил трудовую теорию собственности новой идеей: труд, вложенный в землю, определяется в цене на рынке. Хороший урожай у индейцев не имеет значения – это от природы. Земля у них не продается – вот главное! Она дается бесплатно, дарится или обменивается на ценности, «в тысячу раз меньшие, чем в Англии». Это значит, что индейцы в нее не вкладывали труда и не улучшали. А англичане вкладывали очень много – потому у них земля покупается и продается по высокой цене. Значит, землю у индейцев надо отобрать, потому что англичане «улучшают» землю. Так возникло новое право собственности: земля принадлежит не тому, кто ее обрабатывает, а тому, кто ее изменяет (увеличивает ее стоимость).

Конечно, это логика бандита – прилагать критерий, который был невыполним для индейцев из-за отсутствия у них частной собственности и купли-продажи земли. Но для нас сегодня важно, что этот критерий был принят европейцами. Но еще важнее, что все эти критерии теперь внедряются у нас самих и влиятельные силы в России их принимают.

В этом свете и надо рассмотреть кампании последних двадцати лет:

– нытье о том, что в России слишком много земли, в том числе неиспользуемой;

– нагнетание мифа о том, что русские крестьяне плохо обрабатывали землю;

– идеологическая установка перестройки и реформы, согласно которой советское сельское хозяйство было неэффективным; – отсутствие в России в прошлом рынка земли;

– выведение из оборота за годы реформы 43 млн. га посевных площадей и превращение их в res nullius;

– ничтожные цены на землю в России.

Если применить критерии права западного человека согнать с земли аборигенов, от Гроция до Локка, то все они оправдают изъятие земли у русских и передачу ее более эффективным собственникам. Видимо, такая ползучая передача уже идет. Но как только какой-то из «преемников» в цепочке наших президентов продаст свой черный ядерный чемоданчик, изъятие земли произойдет молниеносно. И из-под ног русского народа вышибут табуретку.

Исчезнет ли русское государство и русский народ?

Одним из губительных дефектов нашего сознания стала убежденность, будто народ, когда-то возникнув (по воле Бога или под влиянием космических сил, пассионарного толчка и др.), не может пропасть. Это представление ложно. Народ, в отличие от биологических популяций живых существ, возник не в ходе естественной эволюции. Это творение культуры, причем недавнее, требующее для своего существования уже сложной общественной организации. Когда, например, возник русский народ? Совсем недавно – за XIV – XVI века. А ведь уже до этого у восточных славян была своя государственность, общая религия и развитая культура. Но чтобы собрать их в народ, требовалось создать еще множество особых связей между людьми – так, чтобы большая общность, расселенная на обширной территории, почувствовала себя огромной семьей. Мы – русские. Но ведь эти связи можно и порвать!

Жизнь народа сама по себе вовсе не гарантирована, нужны непрерывные усилия по ее осмыслению и сохранению. Это – особый труд, требующий ума, памяти, навыков и упорства. Как только этот труд перестают выполнять, жизнь народа иссякает и утрачивается. Народ жив, пока все его части – власти, воины, поэты и обыватели – непрерывно трудятся ради его сохранения. Одни охраняют границы «родной земли», другие возделывают землю, не давая ей одичать, третьи не дают разрастись опухоли преступности. Все вместе берегут и ремонтируют центральную мировоззренческую матрицу, на которой собран народ, его хозяйство, тип человеческих отношений. Кто-то должен строго следить за «национальными символами» – не позволять, чтобы недалекие политики озорничали около них, меняя то праздники, то Знамя Победы.

Эту работу надо вести как постоянное созидание национальных связей между людьми. Но созидание и сохранение – задачи все же во многом разные. Здесь таится опасность ошибки. Возникает иллюзия, что каждодневное применение тех самых инструментов, при помощи которых был собран народ, гарантирует и его сохранение. На деле это не так, в чем мы могли не раз убедиться. И окружающий мир, и сам народ непрерывно изменяются. Значит, должны меняться и инструменты, и навыки.

Сохранение народа или обеспечение безопасности всех систем, связывающих людей в народ, есть процесс динамичный. Это не сохранение чего-то данного, это постоянное воспроизводство всех этих систем в меняющихся условиях. Драма советского народа в конце XX века произошла потому, что государство и общество укрепляли привычные, уже существующие структуры безопасности, недооценивая возникающие угрозы нового типа.

В конце XX века в России возникли условия, в которых сохранение русского народа под вопросом. Опасность исчезнуть с лица земли уже не является метафорой. Однако изучение всех тех ударов, которые наносились по всей системе связей народа, показывает, что в перестройке и реформе сознательно велся демонтаж русского народа как хозяина великого богатства. В ходе ее выполнения эта задача неизбежно переросла в программу уничтожения всех вообще этнических и межэтнических связей народов СССР и главного скрепляющего их ядра – русского народа. Обойтись без этого реформаторам и их геополитическим союзникам было невозможно.

Из этого и надо исходить, вырабатывая программу сохранения народа. Словами и деньгами тут не обойдешься, нужна большая система конкретных действий. И первым делом надо перечислить главные механизмы воспроизводства русского народа, по которым наносятся удары. Нужна «карта» боевых действий противника. Без нее не построить оборону, под прикрытием которой можно вести восстановительную работу.

Испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет в момент кризиса своего народа высказал важную мысль: «Вера в то, что бессмертие народа в какой-то мере гарантировано, – наивная иллюзия. История – это арена, полная жестокостей, и многие расы как независимые целостности сошли с нее. Для истории жить не значит позволять себе жить как вздумается, жить – значит очень серьезно, осознанно заниматься жизнью, как если бы это было твоей профессией. Поэтому необходимо, чтобы наше поколение с полным сознанием, согласованно озаботилось бы будущим нации».

Проблема в том, что для жизни народа требуется выполнять противоречивые, взаимно исключающие условия. Сохранение народа достигается лишь при определенном соотношении устойчивости и подвижности. Мир меняется, иногда очень быстро. Народ, особенно большой, должен тоже изменяться, чтобы приспособиться к миру как среде обитания. В нем все время должны происходить нововведения и появляться группы, которые стали «иными», в чем-то «нерусскими». Застой – это деградация, такова участь всех сложных систем. Но изменение, отщепление «диссидентов», появление в народе «мозаики элементов», порождает опасности. Оно всегда сопряжено с неопределенностью – кто-то идет «не туда», кто-то в зоне хаоса норовит поживиться за счет народа. Угрозы реальны, и мы их видим своими глазами.

Здесь требуются знание, здравый смысл и трезвый анализ реальности. Очень полезна наука. На материале изучения множества кризисов, пережитых народами, она выработала несколько общих правил. А главное, она указала те точки, которые надо держать под контролем и о которых надо думать. Главная польза науки вообще в том, что она предупреждает, чего не следует делать, если хочешь уцелеть.

Если мысленно выстроим весь ряд изменений, произведенных в жизни русского народа за последние 20 лет, то окажется, что в целом доктрина этих реформ грубо нарушала главные правила, выработанные наукой (антропологией и этнологией). С народом, сложной системой, правители государства и властители дум поступали все эти годы как полные невежды или вредители. Невеждам надо помочь научиться, вредителей надо уничтожать. Но чтобы различать их, надо еще учиться самим. Кризис наш таков, что нам надо «заниматься жизнью народа, как если бы это было нашей профессией».

Поговорим о противоречии между устойчивостью и подвижностью. История никакому народу не дает столь длительной стабильности, чтобы утряслась и пришла к гармонии вся мозаика его частей – они возникают и изменяются в результате потрясений. Старики сегодня так болезненно переживают Смуту потому, что им довелось прожить полжизни в ощущении единства своего народа. Это такая роскошь, которую трудно объяснить даже родным детям. Но то единство было достигнуто на подъеме и при сплочении в «военный лагерь». Более того, оно было результатом несчастья народа – череды войн и революций, которые «упростили мозаику». Какие-то группы эмигрировали, были повыбиты, спрятались. Сейчас те раны раскрылись, их нам еще расковыряли, новая «мозаика» полна внутренней вражды. Кризиса избежать вряд ли было можно, но такая глубокая травма неизбежной не была.

Каким же образом «реформаторы» повредили связности народа? Вот первый вывод науки: непосредственная опасность гибели народа возникает вследствие избыточной подвижности, которая нередко наблюдается после периода застоя.

Это – чеканная формула антропологии. Она написана в книгах и учебниках. Для нас сейчас неважно, какими благими намерениями мостили дорогу перестройки и реформы Горбачев и Ельцин. Они нарушили эту формулу. Горбачев начал свою песню с того, что наш народ долго жил в условиях застоя. А в следующем куплете этой песни объявил перестройку путем слома. Наш народ поставили в условия такой избыточной подвижности, что возникла непосредственная опасность его гибели.

Это – в общем, как суть всей доктрины перестройки и реформы. О конкретных измененных блоках нашего жизнеустройства и темпах изменений поговорим отдельно.

Мы говорили, что корень нашей нынешней Смуты в том, что стало меняться представление русских о том, «что такое человек». Тут наше национальное сознание дало сбой. Нам казалось, что оно очень устойчиво, что в нем есть как будто данное нам свыше жесткое ядро. Оказалось, что оно подвижно и поддается воздействию образа жизни, образования, телевидения.

Смута привела к краху советского строя и затяжному кризису, разъединившему народ. Как это случилось?

Безымянные миллионы творцов советского строя исходили из того представления о человеке, которым был проникнут общинный крестьянский коммунизм. Они верили, что человеку изначально присущи качества соборной личности, тяга к правде и справедливости, любовь к ближним и инстинкт взаимопомощи. В особенности, как считалось, это было присуще русскому народу – таков уж его «национальный характер». А поскольку все эти качества считались сущностью русского характера, данной ему изначально, то они и будут воспроизводиться из поколения в поколение вечно.

Эта вера породила ошибочную антропологическую модель, положенную в основание советского жизнеустройства. Устои русского народа, которые были присущи ему в период становления советского строя, были приняты за его природные свойства. Считалось, что их надо лишь очищать от «родимых пятен капитализма». Задача «модернизации» этих устоев в меняющихся условиях (особенно в обстановке холодной войны) не только не ставилась, но и отвергалась с возмущением. Как можно сомневаться в крепости устоев!

Эффективности крестьянского коммунизма как мировоззренческой матрицы народа хватило на 4–5 поколений. Люди рождения 50-х годов вырастали в новых условиях, их культура формировалась под влиянием кризиса массового перехода к городской жизни. Одновременно шел мощный поток образов и соблазнов с Запада. К концу 70-х годов на арену вышел культурный тип, отличный от предыдущих поколений. Если бы советский строй исходил из реалистичной антропологической модели, то за 50—60-е годы вполне можно было бы выработать и новый язык для разговора с грядущим поколением, и новые формы жизнеустройства, отвечающие новым потребностям. А значит, мы преодолели бы кризис и продолжили развитие в качестве независимой страны на собственной исторической траектории.

С этой задачей советский строй не справился. Он потерпел поражение и сдал страну «новым русским». Следствием этого срыва являются не только разрушение Империи (СССР) и массовые страдания людей в период разрухи, но и риск полного угасания русской культуры и самого народа. Ибо мы сорвались в кризис в таком состоянии, что он превратился в «ловушку». Прежняя траектория исторического развития опорочена в глазах молодых поколений, и в то же время никакой из мало-мальски возможных проектов будущего не получает поддержки у массы населения.

Вопреки разуму и совести большинства, с нынешнего распутья идет сдвиг русских к эгоцентризму (к человеку «атому»). Этот дрейф к «Западу» как устоявшемуся порядку начался в интеллигенции. Он не был понят и даже был усугублен попыткой «стариков» подавить его негодными средствами. В 80-е годы этот сдвиг уже шел под давлением идеологической машины КПСС. Сейчас неустойчивое равновесие. Если на него не воздействовать, сдвиг продолжится в сторону распада русского народа и государства. Вопрос в том, есть ли силы, способные остановить его, пока дрейф не станет лавинообразным.

В целом прогноз тревожен. Массовое сознание в России движется в тупик. Главное, что угроза вырождения России воспринимается большой частью русских как вполне реальная и приемлемая. Никаких попыток сплотиться для ее предотвращения не наблюдается. Скорее, люди думают о способах личного спасения и выживания небольших общностей (семейств, родов, кланов). Обрезав советские корни, русские не обрели других и становятся людьми ниоткуда, идущими в никуда. Когда они дойдут до нужной кондиции, их богатства и человеческий материал будут потреблены более жизнеспособными цивилизациями. Многих в нынешней России такой вариант устраивает, поскольку они питают иллюзию, что они лично (их дети) попадут в число избранных.

Но исход вовсе не предопределен. Уйти от ответственности не выйдет.

Здесь важно отметить следующее. Народы – это «сгустки» культуры, обладающие самобытностью. Люди изначально были вынуждены сплачиваться под внешним воздействием иных: «Чтобы избежать этого разлагающего воздействия, каждая группа делает непрерывные усилия сохранить свое внутреннее сцепление, и в этом-то она и приобретает черты более или менее личные». Если равновесие нарушается и народ не может «переваривать» посторонние элементы, он «теряет свою индивидуальность и умирает», то есть утрачивает свою этническую обособленность.

Массированное вторжение новшеств, разрушающих традицию (рутину), создает угрозу для этноса. Вот вывод ученых: «Жизнеспособность этноса основывается на рутине, а диалог создает равновесие между рутиной и прогрессом: рутина это капитал, необходимый для жизнеспособности группы, а прогресс – вторжение инноваций для улучшения жизнеспособности».

Итак, чтобы выжить, народ должен сохранять свои традиции, а чтобы улучшить жизнь, должен перенимать у других народов новшества. Почему большинству народов внушает ужас глобализация под рукой США? Потому, что она сметает те защиты, которые национальная традиция выстраивает против вторжения новшеств. И поток новшеств будет односторонним, потому что свои защиты Запад успел укрепить. При этом соблазн действительно велик – жизнь будет улучшаться («будем ездить на иномарках»). Но вскоре окажется, что самой жизни у народа не будет, останутся лишь улучшения.

Иными словами, вместо народа останутся пережившие его индивиды, отобранные глобальным «отделом кадров» по его критериям. Как предсказывал антрополог Конрад Лоренц, будет проведен всемирный искусственный отбор, при котором отсеются люди с качествами, которые всегда казались самыми прекрасными – люди добрые, гордые, творческие и красивые. Нет сомнения, что русские при этой селекции будут стерты с лица земли, а земля их будет перепахана, чтобы следов не осталось.

Историю того, как племена и народы с древности искали равновесие между традицией и прогрессом, надежнее всего изучать по остаткам техники. Велико многообразие национальных особенностей в применении огня, в обработке земли и скотоводстве, в способе перемещения тяжестей и грузов, в изготовлении оружия. Совокупность технических приемов – это устойчивая (и изменяющаяся) часть культуры народа. Антрополог Леруа-Гуран составил около 40 тыс. описаний разных технологических процессов у народов всех частей света.

Эту целостную систему, соединяющую материальный и духовный миры, народ оберегает, отказываясь даже от выгод «эффективности». Есть «прогрессисты», которые видят в этом косность отсталых народов, а ученые видят в этом мудрость, необходимую для сохранения народа. Традиции хозяйства очень устойчивы, их стремятся сохранить даже ценой больших дополнительных затрат. Русские переселенцы XVII – начала XX в. на юге Украины строили рубленые дома из бревен, которые с чрезвычайными усилиями и затратами привозили за сотни километров. Неимущие семьи предпочитали по нескольку лет жить в землянках, копя деньги на «дом», но не строили саманные мазанки, как местное население.

Но то же самое мы видим сегодня на переднем крае техники. Об этом писал и Леруа-Гуран: «Поразительно видеть, до какой степени американские и русские ракеты и спутники, несмотря на очень узкие функциональные требования, носят на себе отпечаток создавших их культур».

Найти в каждый исторический момент равновесие между устойчивостью и обновлением – трудная и ответственная задача народа и его правителей. Нельзя сорваться ни в какую сторону! Застой ведет к кризису, но еще быстрее могут рассыпать народ глупые «прогрессисты» с подсказки умных вредителей.

Нам надо взглянуть на мир как на борьбу двух сил – сил созидания русского народа и сил его разделения. Это война, которая идет во времени и пространстве. Во времени – с момента рождения народа до конца Света (если до этого момента продержимся как народ), а в пространстве – мировом. Везде есть люди, помогающие нам собраться с силой, и люди, желающие расчленения русского народа (как и расчленения России – земли, которая его породила и дает ему силу). Ктото скажет, что мыслить в таких образах – бесполезная патетика. Немножко есть, но патетика тут просто для краткости. За ней стоит дееспособная модель, организующая наше сознание – очень полезный инструмент.

Наша задача – научиться быстро и почти автоматически оценивать события, действия, слова и идеи с точки зрения именно этой «борьбы противоположностей». Кому они в данный момент помогают – силам созидания или разделения? Не всегда можно сразу дать ответ, но сам вопрос заставит задуматься и взять этот кусочек реальности под наблюдение. Сложность в том, что все силы, действия и слова переплетены, результат их надо предвидеть в развитии.

Вот, например, старое правило: «чтобы объединиться, надо размежеваться». В нем очень большой смысл. Система эффективна, если соединенные в ней части различны, не сливаются друг с другом. Армия сильна, если она разделена на рода войск. Наземные войска, авиация и флот размежеваны, но благодаря этому могут быть соединены в мощную систему.

Тем более надо размежеваться, если внутреннее несогласие назрело до такой степени, что диссидент готов стать врагом. Пусть он лучше выделится в свою фракцию и отмежуется от целого – не порывая с ним, но осознав риск разрыва и его последствия. Модель, конечно, не дает рецептов на каждый случай, но задает канву для выработки решения.

Если мы примем для наших рассуждений эту общую схему, то сможем двигаться от грубых «черно-белых» оценок к анализу более сложных и более реалистичных ситуаций, когда результат действий оказывается противоположен намерениям. Так бывает часто – благими намерениями вымощена дорога в ад. Например, когда усилия по объединению народа приводят к расколам и отщеплению частей народа. Бывают и ошибки противников, которые надо уметь использовать – когда действия, направленные на раскол народа, можно превратить в средство его сплочения.

Явления реальности действуют как силы созидания или силы разделения народа через сознание людей. Сами по себе ни протянутый тебе кусок хлеба, ни штык, упертый тебе в грудь, не сделают тебя более или менее русским. Это зависит от того, как ты осознаешь хлеб или штык, какой сигнал они тебе дадут. Эти материальные элементы действительности должны быть переработаны нашим сознанием, уложиться в такую систему наших мыслей и чувств, в которой они окажутся соединены с вопросом «быть или не быть русским». Для решения одинаково важны и частицы материального бытия (хлеб и штык), и сознание, в котором раскрывается их смысл. В нашей жизни материя и дух «одинаково первичны» и «одинаково вторичны».

Говорят: «нация есть воображаемое сообщество». В этом нет никакого принижения, поскольку для человека воображенный мир, создаваемый и изменяемый его духом, не менее реален, чем мир материальный. Для нас народ – подобие большой семьи, соединенной родственными связями. Но родственные связи у человека, созданные его сознанием, несравненно сильнее биологического родства животных, закрепленного в инстинкте. Кошка выполнит свою записанную в инстинкте программу продолжения рода, и через пару месяцев котенок становится ей чужим. А человек будет всю жизнь искать своего сына или брата, которых, может быть, никогда не видел.

Это говорится к тому, что война между силами созидания и силами разделения нашего народа и нашей страны идет в двух мирах – в нашем материальном бытии и в нашем сознании. Оба мира связаны воедино, но оба различимы, надо думать об обоих – и порознь, и вместе.

Когда мы думаем и говорим о таких больших вещах, как народ и страна, полезно сначала мысленно охватить целое, а потом представить себе его строение и уточнить, о какой именно части этого целого идет речь. Иначе всегда будем спорить до хрипоты и рассуждать, как семеро слепых о слоне – один схватил его за хвост, другой за хобот, третий за ногу. И вот спорят каждый о своем. Эта слабость нашего мышления типична, но все же удивляешься, как долго нас ухитряются удерживать в этой ловушке.

Первым шагом в подходе к строению образа страны как целого может быть рассмотрение ее в двух ипостасях: страна как пространство и страна как народ. Скажешь Россия – и сразу возникает образ ее пространства и образ народа, который это пространство соединил и одухотворил. Ведь страна – это не просто часть земной поверхности, не территория в ее физическом смысле, это обитаемое народом пространство, почти буквально созданное людьми, соединенными в народ с его культурой.

Сразу, конечно, мы думаем и о государстве, которое соединяет пространство и народ. Оно «держит» территорию, охраняет границы «нашей» земли, вод и неба, бережет ее недра и воды, леса и воздух, защищает наше духовное пространство. Оно устанавливает порядок, по которому народ пользуется всеми этими богатствами, а люди уживаются друг с другом. Государство вместе с обществом соединяет и организует все ипостаси страны. И народ, и государство, и даже само пространство страны – явления исторические, изменчивые. Они были не всегда, когда-то возникли, с течением времени меняли свои формы и свойства. Когда-то, говорят, они «отомрут», то есть преобразуются в какие-то новые формы, совсем непохожие на нынешние.

Но это – за пределами того «длинного» времени, за которое мы отвечаем. А сейчас мы переживаем критический период, нам довелось посетить сей мир в его минуты роковые. За то, как мы проведем страну через эти опасные перекаты, с нас спросят потомки. Для нас первая задача – понять, что происходит здесь и сейчас, какие угрозы стране вызревают в окружающем нас тумане и куда они протянут из тумана свои страшные лапы.

Сначала кажется, что пространство мы знаем лучше, чем свой народ, – изучали в школе географию, что-то помним даже из экономической географии. Но и эти знания очень скудны – смотрите, какие споры снова начались по сравнительно простому вопросу: является ли Россия частью Европы, Евразией или вообще особым целостным пространством. В школе нас не учили глядеть на страну сверху, «с небес».

Но уж о народе знаем мало. Странное дело, кого ни спросишь, когда и при каких обстоятельствах возник русский народ, вопрос приводит в замешательство. Как-то люди привыкли думать, что русский народ был всегда. Спросишь, а что нам про это в школе говорили, – не могут припомнить, чтобы эта тема вообще поднималась. Так не годится. Наш народ переживает трудные времена – недомогает, поправляется, снова болеет, а мы даже возраста его не знаем.

Может быть, это неважно? Ведь вот он, русский народ, как на ладони. Надо просто любить его, каков он есть, и не мудрствовать. Любить надо, а не мудрствовать нельзя, заведут в ловушку. Тема народа – вечный хлеб демагогов и отравителей духовных колодцев. Да и не на ладони наш народ, а живет в очень сложных пространствах и временах, в нем бушуют огромные силы и его раздирают сильные страсти. Минимум знаний нам необходим. С лица земли исчезло множество народов, даже больших и развитых, отчасти потому, что не осознали они сами себя, не было у них к этому тяги, не нашлось таких мудрецов. У нас с мудрецами тоже не очень-то, так давайте понемногу сами наверстывать, в разговоре «между собой». Трудно это, тема для всех нас жгучая, но надо постараться.

О русских говорят, что у них мессианский дух. Кто говорит с неприязнью, кто с уважением. Мессианский дух – значит общая забота о том, что русские скажут миру, какую мысль несут они человечеству. Это забота не о том, родится ли у нас гений, к которому прислушается мир (как, например, Лев Толстой или Ленин). Миссия народа – выстрадать общее народное мнение, безымянное и, быть может, даже явно не высказанное. Но выраженное так, чтобы люди в разных уголках Земли подумали: «А русские считают, что так нельзя».

Мессианским духом обладают не все народы. Скорее, даже мало таких, что захотели бы взвалить на себя этот крест. Большинство хочет иметь «свою хату с краю». Часть народов слишком уж впала в либерализм – здесь люди считают себя свободными индивидами, гражданами мира и ни о каком народном мнении и слышать не хотят.

Те народы, в которых такая забота зародилась и живет, самобытны. Они по-разному видят свою миссию. Образ каждой из них можно собрать по крупицам из песен, сказок, литературы и философии. И хотя век от века этот образ меняется, в нем есть постоянное ядро. То англичане гордились, что Англия – «новый Израиль», создала капитализм с его духом наживы, то Англия – «мастерская мира», то пели «правь, Британия, морями» и говорили о «ноше белого человека» – по морям они несли цивилизацию индусам и китайцам.

Что же русские, как они сами ощущали свою миссию, что думают сейчас? Были горькие мысли, с самоотрицанием. Вот, духовный отец наших западников, Чаадаев. Он считал, что Россия создана, чтобы давать миру отрицательные уроки – «как не надо делать». Так расписал, что его отправили в сумасшедший дом. Чаадаеву поверила небольшая часть интеллигенции, ее слушали с интересом, но это не был голос России.

Через века прошла другая мысль: «Москва – Третий Рим». Западников она возмущает, они стараются ее оболгать – мол, русские тянутся к мировому господству. Вранье, с самого начала речь шла о миссии духовной, о России как хранительнице христианства. Первой державой с царями-христианами была Римская империя, потом Византия (Второй Рим). Оба пали, и хранить православие взялась Россия.

Какая же из этого выводится идея для человечества? Как она звучит без религиозных одежд? Смысл ее в том, что мироустройство должно быть справедливым, что человечество должно быть семьей народов, в которой надо заботиться обо всех и не обижать слабых. Эта идея в русском сознании постоянна, меняет лишь форму. Она не задана официальной идеологией – иногда ей противоречит, иногда совпадает. Иногда обретает силу, иногда приглушается. Но жила и живет.

Старые помнят – в войну все знали, что русские выполняют мировую миссию – «отребьям человечества сколотим крепкий гроб». Когда сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, люди были возмущены: «Зачем! И так война кончалась. Сколько народу погубили!» Когда французы вторглись во Вьетнам, говорили с презрением: «Какая подлость! От японцев убежали, бросили колонию. Вьетнамцы сами воевали, выгнали японцев, так теперь нечего лезть». А как радовались Кубе – еле на карте видна, а не побоялась монстра. И это мнение русских ощущалось во всем мире.

Кто-то скажет, что в советские времена это мнение навязывала идеология. Это неверно, скорее идеология питалась этим мнением. Ведь так же было дело и в царской России. Уж как не хотели принимать Грузию под свою руку, но пожалели – сожрут ее Турция и Иран. Жалели африканцев, которых увозили в рабство. Русские военные моряки, даже в научных экспедициях, гонялись за кораблями работорговцев – вспомним рассказ Станюковича «Максимка». Жалели болгар и шли добровольцами на турецкую войну. Жалели буров, потому что с англичанами у них были неравные силы. Русские добровольцы ехали помогать бурам, но никто – англичанам.

А еще нагляднее – сейчас. Русские сегодня расколоты по идеологиям, по доходам. Но происходит в мире нестерпимая подлость – и мнение их практически едино. Так было, когда НАТО бомбило Сербию. Скажут – православная солидарность. Не только! То же самое было, когда США стали бомбить, а потом вторглись в Ирак. Единодушное мнение! Все знали: русские против!..

Недавно социологи провели большой опрос – что граждане РФ думают о русском народе, о его роли в мире. Ответы удивили тем, что одинаково думают и молодые, и старые. Первые позиции в большом списке заняли такие мнения: русский народ – это народ-освободитель (74,2 % опрошенных), защитник народов (77,7 % опрошенных), создатель великой культуры (65,2 % опрошенных).

Народ-освободитель, защитник народов! Тут нечего добавить.

Не менее важный вопрос в данной теме – что такое «русское самосознание»? Начнем издалека. Человек – существо общественное. Как сказал Аристотель, вне общества могут жить только звери и боги. Сознание человека, с момента рождения и до смерти, строится и перестраивается. В этом строительстве важны его личные усилия, его сугубо интимные переживания, озарения, открытия. Но они происходят в «поле» коллективных представлений, которое задает личной работе ума и совести руководящую нить, слова и понятия, признаки различения добра и зла.

Человечество возникло не как однородная масса, а в виде «сгустков» культуры. Эти «сгустки» – сплоченные множеством связей умы и души людей, собранных в народы. Поэтому в сознании человека есть ядро, в котором «записаны» коллективные представления его народа. Это самая устойчивая часть «культурного ядра» того общества, в оболочку которого «упакован» народ.

Общество меняется довольно быстро, а ядро культуры народа прочно. Так, русский народ существовал в формах сословного феодально-общинного общества, пережил вторжение капитализма с попыткой разделить народ на классы, прошел через чрезвычайные периоды Гражданской войны и военного коммунизма, передохнул во время НЭПа, совершил рывок и военную мобилизацию в рамках тоталитаризма. Потом расслабился и пожил спокойно в «почти неклассовом и почти несословном» советском обществе – и тут его тряхнула перестройка и реформа, породившие общество аномальное, ни в каких учебниках не предусмотренное. Но за все это время ядро русского самосознания принципиально не изменилось. В чем-то оно повреждалось, какие-то его блоки в новых условиях заменялись, но «генетический код» сохранялся. Была попытка в 90-е годы вырастить в пробирке реформы «новых русских», но провалилась. Кишка тонка оказалась.

Вот эту «сохраняемую вечно» часть самобытного культурного ядра называют иногда «центральной мировоззренческой матрицей» народа.

Грубо говоря, на этой матрице собирается народ, а затем на ней штампуется каждое последующее поколение. Обрамление ее

может меняться, так что части народа могут даже разодраться, но и при такой катастрофе хорошо слаженная матрица выдерживает взрыв и затем соединяет расколотые части народа.

Так срастились эти части после раскола XVII века и после Гражданской войны, так же мы обязаны их срастить после нынешней Смуты. Не сумеем – позор на наши головы. Хотя, конечно, отравители колодцев поднаторели за XX век, много новых ядов наварили в своих лабораториях…

Ниже идеологии лежат слои сознания, в которых умозаключения делаются быстро, исходя из готовых установок. Это запас традиционного «неявного» знания. Чтобы его применить, человеку не надо задумываться. Есенин писал:

Мы многого еще не сознаем,Питомцы ленинской победы,Но песни новые по-старому поем,Как нас учили бабушки и деды.

На этом уровне сознания расположены, например, стереотипы хозяйственного поведения. Мы видим, что массовое сознание отвергает неправедно нажитое богатство и не слишком торопится навесить на себя обузу частной собственности. Инерция? Да, но и «проверенная временем» осторожность, а вовсе не фанатизм.

Пожалуй, можно назвать три устойчивых составляющих русского самосознания. Частично мы уже говорили об этом, но надо повторить еще. Первая составляющая народного самосознания – православные представления о добре и зле, о мире и человеке. Они проходят с нами через века, вопреки ересям и расколам, революциям и реакции, атеизму и новым вспышкам религиозности. Они прочно вошли в мировоззренческую матрицу русских, и никаким реформаторам их из нее не выбить.

Вторая – коллективная память об исторических выборах, которые России пришлось сделать, находясь, по словам Менделеева, «между молотом Запада и наковальней Востока».

Третья – русский тип мышления, соединяющий крестьянский здравый смысл с космическим чувством. Как сказал поэт о русском уме, «он трезво судит о земле, в мистической купаясь мгле».

Это сочетание блоков русского сознания дает ему устойчивость и гибкость. Конечно, не ко всем ударам оно готово, иначе бы задубело. Но после ударов восстанавливается быстро (ох, хотелось бы побыстрее!).

Итак, люди стягиваются в народ множеством типов связей – только самых важных можно набрать до сотни. А если собрать все связи в «пучки», то главных пучков будет около десятка. Это пучки связей через государство и хозяйство, через язык и культуру, через общий взгляд на мир (и религиозный, и научный), через память и родство – обо всем этом нужен большой разговор.

В жизни народа постоянно какие-то связи ослабевают или рвутся, их все время надо чинить, укреплять, протягивать новые. Этим занимается, того не осознавая, весь народ – каждый русский, как ткачиха у станка, все время бегает, завязывая оборвавшиеся нити. А кто-то этим занимается сознательно и усиленно, по долгу службы – государи и учителя в школе, священники в церкви, писатели и журналисты, офицеры в своих ротах и полках. Но есть и такие, кто, спрятав бритву между пальцами, подрезает, а в удобный момент и смаху рубит эти нити.

Бывают тяжелые кризисы, когда этот ткацкий станок идет вразнос и не то что нити, а прямо ткань кромсает. В народе возникают мелкие и глубокие трещины, потом разломы. Если их рост не остановить, может образоваться пропасть, через которую уже не перекинуть мост, – расколотые части народа скатываются к гражданской войне.

Кризисы обычно сначала поражают верхушку, она первая перестает восстанавливать ткань народа и даже сама рвет ее на части. Такой кризис мы и переживаем, вот уже двадцать лет – он то подведет нас к краю пропасти, то слегка отпустит. Тут и нужна самоорганизация тех, кто пытается скрепить связи народа, не дать трещинам превратиться в разломы, а разломам в пропасти.

Грубо говоря, есть два типа трещин, которые разделяют сегодня народ. Одни из них, мелкие, покрыли всю ткань нашего народа. Они разделяют всех, все наши классы, сословия, профессии на мелкие группы и группки, на клики и кланы – в пределе, на семьи и даже одинокие личности. Они превращают всю глыбу народа в кучу песка. Конечно, до этого дело не доходит, но уже сейчас глыбу нашу разрыхлили до опасного состояния.

Другой тип – разломы народа на большие куски, на части, которые отдаляются друг от друга. Между ними растет отчуждение, потом неприязнь, а у особенно активных даже и ненависть.

В работе по объединению надо иметь в виду оба эти типа разделений. Надо не только восстанавливать тонкие нити «молекулярных» связей между личностями, семьями, группами, но и обязательно наводить мосты между расходящимися частями, пока не образовались пропасти. Если этого не будет, то начнется процесс объединения внутри разных частей, но уже на почве ненависти, через создание образа врага в лице другой части нашего народа. Когда маховик такого «разделяющего объединения» раскрутится, остановить его будет очень трудно. Дело пойдет к катастрофе.

Пока что большинство русских такому ходу событий сопротивляется. Но ведь не только большинство решает исход дела. А в том меньшинстве, которое взяло курс на отщепление от народа, которое перекачивает свои шальные деньги за рубеж и отправляет туда жен и детей, похоже, идет процесс сплочения именно на основе социальной ненависти, которая легко может превратиться в национальную. Недаром жуют миф о «русском фашизме».

По нашим расчетам, ни один разлом в России еще не достиг того порога, за которым будет необратимый разрыв. Но времени

мало, действовать надо в аварийном режиме.

Как уже было сказано, русский народ раскололи на большие блоки – и так умело раскололи, что мелкие трещины прошли и по всем частям. Значит, надо определить, на какие блоки нас разделили. В каких же плоскостях прошли разломы? В двух – социальной и национальной. Это – те плоскости, в которых уложены пучки главных связей, соединяющих людей в народы. Связей общего хозяйства, общей культуры, общей памяти.

Для России обе эти плоскости были одинаково важны и связаны неразрывно. Болезни социальные всегда принимали у нас национальную окраску – и наоборот. Так же и достижения. В обеих этих плоскостях за последние двадцать лет произошли срывы и катастрофы. Какие-то обвалы были устроены диверсантами – когда в стране разлад, они лезут через все щели. Не в них сейчас дело, а в той лавине, которая стронулась от всех мелких взрывов. Вниз мы сползаем все вместе, но уже разделенные на части. Между какими же частями возникли самые острые противоречия?

В народе возникают расколы, когда какая-то его часть резко меняет важную установку мировоззрения – так, что остальные не могут с этим примириться и не имеют времени и сил договориться. Тут речь не о мелочах, а о вещах, которые для людей считаются главными. Так, например, произошел раскол в Русской церкви. Так мусульмане раскололись на суннитов и шиитов, а немцы при Реформации погрузились в Тридцатилетнюю войну, которая стоила им 2/3 жизней. Такие расколы зарастают медленно, заинтересованные силы могут рану растравить (как это мы видим в Ираке).

Расколы, возникающие как будто из интереса, даже чисто экономического, на деле тоже связаны с изменением мировоззрения, что вызывает ответную ненависть. Одно из таких изменений связано с представлением о человеке. В глубине это вопрос религиозный, но в наше время его обычно маскируют учеными рассуждениями.

Христианство определило, что люди равны как дети Божьи, «братья во Христе». Отсюда «человек человеку брат» – как отрицание языческого «человек человеку волк». Православие твердо стоит на этом, а в важной ветви протестантизма (у кальвинистов) было принято учение о предопределенности. Согласно ему Христос пошел на крест не за всех, а лишь за избранных. Остальные (отверженные) остались с неискупленными грехами и уже при рождении осуждены на вечные муки. Одни спасутся от геенны, другие нет (а кто конкретно, не известно). Их соединяет не любовь и сострадание, а ненависть и стыд. Вебер поясняет, что дарованная избранным милость требовала от них «не снисходительности к грешнику и готовности помочь ближнему… а ненависти и презрения к нему как к врагу Господню». Видимым признаком избранности стало считаться богатство, признаком отверженности – бедность.

Это и стало в раннем капитализме основанием для социального расизма – богатые и бедные разделились как две враждебные расы. Потом их назвали «классами», потом, разбогатев, смягчили и классовую вражду, но разделение это ушло вглубь, а не исчезло.

Человек мыслит в тех понятиях, которые ему навязала культура. На Западе четыре века человеку твердили: «Ты – индивид!» Он так и стал думать о себе и о других (о меньшинстве инакомыслящих не говорим). Раз индивид, то чуждается общности. Даже когда индивиды собираются в ассоциации для защиты своих интересов (партии, профсоюзы, корпорации), то это общности конкурирующих меньшинств. Вебер цитирует авторитетного богослова: «Слава Богу – мы не принадлежим к большинству». Наоборот, русский человек стремился быть «со всеми», в нашей культуре это качество считалось необходимым.

Пришвин записал в дневнике 30 октября 1919 г.: «Был митинг, и некоторые наши рабочие прониклись мыслью, что нельзя быть посередине. Я сказал одному, что это легче – быть с теми или другими. «А как же, – сказал он, – быть ни с теми, ни с другими, как?» – «С самим собою». – «Так это вне общественности!» – ответил таким тоном, что о существовании вне общественности он не хочет ничего и слышать».

Но последние 50 лет наша культура менялась, возник раскол. Он углубляется и расширяется. Тут – главная проблема объединения русских. Ее надо признать и трезво обдумать, скрывать уже невозможно.

Открыто обнаружился этот раскол весной 1991 г., когда готовилась приватизация. Горбачевская пресса тогда стала говорить о большинстве русских буквально на языке кальвинистов XVIII века – как о «расе отверженных» (лентяи, рабы, социальные иждивенцы, пьяницы и т. д.). Тогда казалось, что это просто идеологическая ругань, получат они вожделенную собственность, и это пройдет. Ну, будет русская буржуазия нас понемногу эксплуатировать, но все же народ не разделится.

На другой стороне думали иначе. В феврале 1991 г. газета «Утро России» (партии Новодворской) предрекала гражданскую войну. Кого с кем? Вот кого: «Сражаться будут две нации: новые русские и старые русские. Те, кто смогут прижиться к новой эпохе, и те, кому это не дано. И хотя говорим мы на одном языке, фактически мы две нации, как в свое время американцы Северных и Южных штатов».

От слов перешли к делу, старых русских вытеснили из их социального жизненного пространства. Старые русские оказались в массе своей угнетенным и обездоленным народом, поскольку к концу XX века современное механизированное и высокотехнологичное хозяйство и научно-техническая деятельность стали основой национального типа хозяйства русских. Они уже не смогут вернуться к сохе и ремеслу как норме.

А те, кто пошел по дороге социального расизма, ввиду этого бедствия стали звереть и в поисках оправдания еще сильнее раскручивать свою ненависть к «лузерам». На множестве сайтов и в «живых журналах» о бедной половине русских говорят уже как о недочеловеках. Обращаться к логике и совести «новых» бесполезно: мы с ними – уже не один народ. И раскол этот не

совпадает с социальным расслоением – среди бедных тоже немало таких «кальвинистов», просто они считают, что им лично пока что не везет.

В эпохи кризисов от народов всегда отщепляются социальные группы, которые начинают осознавать себя особыми народами, иногда «новыми» (как «новые русские»). Сходство материального уровня жизни ведет к сходству культуры и мировоззрения, отношения к людям и государству, моральных норм. Это так бросалось в глаза, что премьер-министр Англии Дизраэли говорил о «расе богатых» и «расе бедных». Отцы политэкономии учили, что первая функция рынка – через зарплату регулировать численность расы бедных.

Люди богатых «иных народов» по-особому одеваются и говорят, учатся в особых школах, иногда в общении между собой даже переходят на чужой язык (как русские дворяне, начавшие говорить по-французски).

Но «этнизация» социальных групп, то есть их самоосознание как особых народов, происходит не только сверху, но и снизу. Совместное проживание людей в условиях бедности порождает самосознание, близкое к этническому. Крайняя бедность изолирует людей от общества, и они объединяются этой бедой. В периоды длительного социального бедствия даже возникают кочующие общности бедняков, прямо называющие себя «народами», даже получившие собственное имя.

Переплетение социальных и этнических способов сплочения наблюдается при внедрении в «национальные» государства Запада мигрантов из других стран. Даже во Франции, которая гордится своим опытом объединения множества народов в единую нацию французов, интеграция мигрантов не удалась – их загоняли в гетто. Французская нация, ее социальный строй и государство не справились с задачей интеграции мигрантов в общество.

Пестрая смесь негров, арабов и азиатов образовала особый социальный класс. А во втором поколении говорящие уже по-французски подростки, дети из этого класса, объединенные общим социальным положением, превратились в совершенно новый народ. Это называют новый «трайбализм» (от слова tribe – племя). Дети иммигрантов уже не следуют традициям или религиям своих отцов и дедов, они – не арабы или лаосцы, не мусульмане или буддисты. Эта молодежь, выросшая во Франции и говорящая по-французски, но не ставшая французами, сплотилась как племя, враждебное французам.

«Трайбализм обездоленных» приобретает на Западе радикальные формы. «Племена» начинают время от времени показывать свою сплоченность и степень своей вражды. Например, некоторое время назад произошел взрыв ненависти такой молодежи в предместьях Парижа. У этого племени нет ни программы, ни конкретного противника, ни даже связных требований. То, что они делают, на Западе уже десять лет назад предсказали как «молекулярную гражданскую войну» – войну без фронта и без цели, войну как месть обществу, отбросившему часть населения как обузу. Десять лет назад эта война виделась как социальная, но теперь она приобрела черты войны этнической.

У любого народа важным является представление о бедности – отношение к тому, что часть соплеменников живет в нищете. Русские культурные установки, выводимые из крестьянского общинного коммунизма и Православия, исходили из того, что бедность есть порождение несправедливости и потому она – зло. По типу распределения благ русский строй жизни и в царское, и в советское время резко отличался от Запада – в нем были сильны уравнительные принципы, предотвращающие крайнюю бедность. Во время нынешней реформы эти принципы были отвергнуты, и именно Запад был взят за образец «правильного» жизнеустройства, устраняющего ненавистную «уравниловку». Отрицание уравниловки и есть оправдание бедности, придание ей законного характера.

Реформа действительно делит наш народ на две расы, живущие в разных мирах и как будто в разных «Россиях», – на богатых и бедных. Тонкая прослойка «среднего класса» уже не может их соединить, и они расходятся на два враждебных народа. Этот раскол еще не свершился окончательно, но мы уже на его пороге.

От тела народа «внизу» отщепляется общность людей, живущих в крайней бедности. В результате реформ в РФ образовалось «социальное дно», составляющее около 10 % городского населения, или 11 млн. человек. Сложился и слой «придонья», размеры которого оцениваются в 5 % населения (7 млн. человек). Как сказано в отчете социологов, находящиеся в нем люди «испытывают панику» – они еще в обществе, но с отчаянием видят, что им не удержаться в нем. Постоянно испытывают чувство тревоги 83 % неимущих россиян и 80 % бедных.

Общий вывод социологов в главном журнале Российской Академии наук «Социологические исследования» таков: «В обществе действует эффективный механизм «всасывания» людей на «дно», главными составляющими которого являются методы проведения нынешних экономических реформ, безудержная деятельность криминальных структур и неспособность государства защитить своих граждан».

Это – образование пропасти, отделяющей от русского народа общность величиной около 18 миллионов человек. При этом и большинство становится не вполне русскими: признать нищету ближних как норму жизни – значит отвергнуть русскую культуру и Православие.

Если мы заговорили о Православии, то следует подробнее остановиться и на этой теме. Отношение к Православию – одна из самых деликатных проблем, но говорить о ней приходится – не вдаваясь, конечно, в сокровенную суть религиозной веры и научного знания, а рассуждая о жизни грешных людей на грешной земле. То есть о делах общества.

Суть проблемы такова. От начала рода человеческого и поныне человек обладает двумя уникальными способностями – сознанием религиозным и сознанием рациональным. Первое позволяет его мыслям проникнуть в «потусторонний мир»,

познать великие истины через Откровение. Второе – познавать «естественные» законы земного бытия, открывать причины вещей и использовать это знание в обыденной жизни; для этого разум выработал много методов и инструментов (четыре века назад и такой мощный метод, как наука).

Спор о том, какой тип сознания человеку нужнее, смысла не имеет. Без каждого из них человека просто не существует, хотя он не всегда отдает себе отчет о значении того и другого. Хороший пример – атеизм или «вера в то, что Бога нет». По своему типу сам атеизм относится к числу религиозных воззрений. Богословы иногда применяют даже понятие «естественный религиозный орган» человека – его неуничтожимая способность видеть мир в понятиях, не сводимых к инструментам рационального мышления, ощущать святость бытия.

Одинаково важны оба типа сознания для соединения людей в племена, народы и нации. Именно религиозная мысль породила первые общественные представления и соединила людей в этнические общности, отличимые от других. Религиозное чувство стало и тем корнем, из которого возникла культура. Если взять поздние этапы развития человечества, то увидим, что народы и нации сложились в культурах, питающихся от великих мировых религий. Можно сказать, что русский народ создан Православием, как арабские народы – Исламом.

Сегодня даже можно слышать, что «русскость – это Православие». Но это – поэтический образ. Признать это значило бы «национализировать» религию, лишить ее вселенского смысла. «Создавая» народы, религия переплетается с множеством нитей из чисто «земного» материала. Так возникают православные русские и православные греки или румыны.

В моменты кризисов эти нити в местах соприкосновения испытывают отторжение – возникает раскол. Мы знаем о расколе русских, вызванном противостоянием двух ветвей в самом Православии. Другой, не столь глубокий, раскол возник в начале XX века из-за конфликта религии с идеологией в период революционного потрясения – они оказались по разные стороны фронта. Это два разных блока мировоззрения. Сейчас назревает новое разделение – по линии раздела между религиозным и рациональным сознанием. Его признаком служат, например, споры о преподавании в школах эволюционного учения о происхождении человека.

Это разделение во многом вызвано тем, что к религии прильнула большая доля интеллигенции, воспитанной в научном мышлении. У этих людей возникла сложная проблема совмещения веры и знания. Духовный кризис приводит к шатаниям и крайностям, к попыткам «рационализации религии» или, наоборот, внедрения религии в рациональность. Такое смешение порождает расколы, которые русским сегодня совершенно не нужны.

Философ, который много об этом думал, – Ницше. Многие его установки мы не принимаем. Но он хорошо выразил общее правило: «Высшая культура должна дать человеку двойной мозг, как бы две мозговые камеры: во-первых, чтобы воспринимать науку и, затем, чтобы воспринимать не-науку; они должны лежать рядом, быть отделимыми и замыкаемыми и исключать всякое смешение; это есть требование здоровья. В одной области лежит источник силы, в другой – регулятор».

И наши, и западные социологи непрерывно изучают вопрос о расколе народа – нас облепили электродами и датчиками, как испытуемых. Людям предлагают десяток типичных «межгрупповых противоречий» и просят указать, по мнению опрашиваемых, главные. Самым острым население считает противоречие между богатыми и бедными. Второе место – противоречия между русскими и нерусскими. Вот два главных разлома, их видят все – богатые и бедные, русские и нерусские. Не будем, как страус, прятать голову в песок от этой тяжелой реальности. Но не будем и рвать на груди рубаху, возбуждая эмоции. Эту реальность надо понять – и найти способ ее преобразовать. Причем преобразовать, не доводя дело до катастрофы тотальной, которая всех испепелит. Это мы всегда успеем.

Верными стали старые слова: никто не даст нам избавленья – ни Бог, ни царь и ни герой. Бог от нас, похоже, на время отвернулся, что неудивительно. Царя пока еще нет в Кремле. А герои… Лучше бы пока без них, они ведь если начнут, их уже не остановишь.

В чем дело, почему противостояние богатых и бедных? Разве, когда ломали советский уравнительный порядок, было непонятно, что произойдет социальное разделение народа? Чего ожидали люди, голосуя за Ельцина?

Дело прошлое, но точку поставить надо. Правящая верхушка и ее подручные совершили подлог. Того, что они натворили с народным хозяйством, никто не обещал, а мы не ожидали. Народ был обманут, и за это рано или поздно жулики получат по заслугам. Но и сам народ, и его интеллигенция оказались слишком простодушными, они дали обвести себя вокруг пальца. Признаков подлога было достаточно, но их не желали видеть, поверили краснобаям – сначала Горбачеву, потом Ельцину. Так хозяйство наше было отдано на поток и разграбление. Мало того, что ценная его часть была продана за рубеж и деньги утекли туда же, так еще управляющими новые собственники оказались никудышними. Они угробили хозяйство второй в мире экономической державы. При этом ведут себя по-хамски, тычут людям в глаза свое неправедное богатство, читают им мораль.

Народным достоянием завладела часть общества, начисто лишенная созидательного инстинкта. А человек труда, который обустраивал и содержал страну, втоптан в нищету и бесправие. Вот в чем национальная трагедия. И разделение народа произошло вовсе не потому, что бедные завидуют богатым и хотели бы отнять у них кошелек. Дело в том, что нищета честных трудящихся людей, часто высокой квалификации, есть нестерпимое надругательство над разумом и совестью. Такое состояние разрушает народ и страну.

На этом пути выхода из кризиса не будет, нефтедоллары – временная передышка. Они даны нам свыше для проверки –

одумаемся ли мы, сможем ли разумно истратить эти шальные деньги? А жить можно только своим производством, а не красть у детей и внуков.

Есть ли возможность воссоединить две части разорванного народа? Мы считаем, что такая возможность еще есть. Эти части социально разделены, но они еще не стали враждебными расами (классами). Половина богатых сознает, что это их богатство – плод уродливых социальных условий. Как граждане, они тоже считают, что проиграли от реформ. Эти люди не стали ни извергами, ни изгоями, они будут работать на восстановление страны. Отщепенцев, которые поклоняются мамоне, среди русских еще немного. Они не решат нашу судьбу, если мы найдем разумное, приемлемое для подавляющего большинства решение.

Но ничто сложное и красивое не уцелеет, если иссякнут силы, противодействующие распаду и разложению, – даже в неживой природе. Народы, которые в какой-то момент утрачивали ощущение угрозы разделения или не находили средств преодолеть эту угрозу, просто исчезали с лица земли, растворялись в других, более умелых народах, – или просто вымирали. «Народ, разделившийся сам в себе, не устоит» – эту библейскую мудрость забывать нельзя, она проверена опытом тысячелетий.

Любая человеческая общность, даже такая маленькая, как семья, в ходе своего развития изменяется. Какие-то связи ослабевают или даже рвутся, другие возникают или укрепляются. Идет каждодневное обновление, ремонт, пересборка. Это не природный естественный процесс, тут нужны усилия ума и души, творчество и воля. Бывают моменты кризиса, когда обновление и созидание подавлены, а разрывы и отчуждение нарастают. Как правило, находятся и отравители, которые подливают яда ревности, соблазняют «сбросить узы», готовы плеснуть керосина на тлеющие угли взаимных обид. Это – вечная угроза для семей и народов. Но бывает, что развод и разделение необходимы и даже спасительны. Понять это – нужна мудрость и дар предвидения, суметь перейти через драму разделения с минимальным ущербом – большое искусство. Еще большее искусство – преодолеть разделение, если оно было ошибкой. Об этом и разговор.

Мы считаем, что русский народ, наша драгоценная соборная общность, испытал за XX век тяжелейшие удары, которые нанесли ему тяжелые раны и повлекли за собой глубокие расколы. Очень многие раны мы сумели залечить и трещины заделать. Даже братоубийство Гражданской войны мы смогли искупить огромным трудом и общенародным подвигом Великой Отечественной войны. Мы вновь осознали себя одним русским народом, гражданами одного государства. Но в конце XX века, в очень сложной обстановке быстрых перемен и внутри страны, и в мире, мы выпустили из рук нить своей судьбы, были сбиты с толку. И сразу получили серию таких ударов, к которым не были готовы и смысла которых даже не смогли быстро разобрать. Мы опять погрузились в Смуту, главный результат которой – разделение народа.

Это разделение идет по стольким направлениям и с такой скоростью, что связность русского народа приближается к той критической черте, за которой начинается распад. Это выражается во множестве признаков – и в хозяйстве, и в культуре, и в хаотичности сознания, и в политической беспомощности населения. Да взять самое наглядное, как на ладони, разделение – пространственное. Множество русских, миллионы, остались за рубежами той России, которая сохранилась как ядро после развала Советского Союза. Но ни мы в Российской Федерации, ни они, за ближними границами, не можем наладить тесного взаимодействия ни в какой области. Мы даже плохо знаем, как они живут, что думают, как видят будущее. А ведь современность дает новые средства общения, которые неподвластны политическим границам. Разве не обязаны мы найти способы объединения в сложившихся новых условиях! Мы же должны питать друг друга культурой, языком, опытом – мы нужны друг другу как части одного народа, который попал в большую передрягу.

Но это разделение – очевидность. Важнее и глубже разделение русских «в себе самих», ослабление или разрыв всех главных связей, соединяющих нас в народ. При этом каждый, укрывшись в «своей хате с краю», по каплям утрачивает свою русскость, ибо поодиночке ее не уберечь. Ее хранит народ в целом.

Как нам защищаться

Повторим еще раз: любой кризис жизнеустройства народа затрагивает механизмы созидания и воспроизводства связующих сил. Кризисы, как и болезни у человека, – неизбежная и необходимая часть жизни народов. Но иногда кризис принимает такую форму, что обновление механизмов созидания подавляется, а ослабление и разрыв связей продолжаются. Хорошо видимыми симптомами такого незаметного вначале распада большого народа служит обострение этнического чувства живущих с ним в одной стране малых общностей – при ослаблении защитной силы большого народа люди мобилизуют этничность близкого окружения. Это мы сегодня видим и на Кавказе, и в Сибири.

При этом происходит «разукрупнение» народов, они как бы возвращаются на уровень племенных союзов. Одновременно идет откат назад этнического самосознания, начинаются поиски древних корней, споры о происхождении, попытки возрождения язычества. Элементы национального сознания народа вытесняются сознанием племенным. Известно, что народ в большей степени смотрит в будущее, чем в прошлое. Он непрерывно себя строит. Племя как продукт распада народа «смотрит в прошлое», сплачивается мифом о «золотом веке».

Такое воздействие кризиса в России наблюдается во многих народах. Так, долгий процесс сближения родственных народностей мокша и эрзя почти соединил их в большой единый мордовский народ. В ходе кризиса между ними стала нарастать отчужденность, они стали замыкаться в себе. То же самое мы видим у ряда других народов. В периоды такого недомогания от всех требуется чуткость и осторожность, как к человеку во время болезни.

Возникают и расхождения, по ряду вопросов, между русскими и проживающими рядом с ними представителями других народов – хотя раньше таких расхождений и не предполагалось. Кризис обостряет этническое сознание нерусских народов – при том, что у русских преобладает гражданское сознание. Происходит расщепление региональной общности, у двух основных групп населения нарастает различие в их самосознании. Это ослабляет в целом соединение населения в народ России.

Сохранение традиций и недопущение быстрой глубокой ломки жизнеустройства – залог сохранения этнических связей народа. Сергей Есенин сказал:

Человек в этом мире не бревенчатый дом,Не всегда перестроишь наново.

Тем более это можно сказать о народе. Перемена устоявшихся порядков – всегда трудный процесс, но когда господствующие политические силы начинают ломать всю систему жизнеустройства, это создает обстановку «гибели богов» и наносит народу тяжелую травму. Такую травму мы получили в 90-е годы. Теперь надо залечивать ее и производить «ремонт» всей системы связей.

И мы сами, и патриотическая часть госаппарата должны знать, чего нельзя делать, чтобы еще больше не ослабить связность нашего народа, и что надо делать, чтобы ее укрепить.

Человеческим «наполнением» страны является не население, не совокупность индивидов, подобная куче песка, а именно народ. Он может быть организован по-разному – и как гражданское, и как сословное, и как кастовое, и как советское общество. Связи объединения людей в социальные группы более слабые, чем связи этнические в народ или нацию. Большие общие дела типа отечественной войны делает народ в целом (не считая отщепенцев – дезертиров и предателей). Да и большие революции совершают не классы, а народы. Просто они на время раскалываются, и расколотые части относятся друг к другу как к разным народам.

В конце XX века Россия как страна вошла в тяжелый кризис и оказалась на грани гибели. Ее уже расчленили, оторвав (скорее всего, на время) большие земли, издавна сложившиеся в одну страну. Ядро России, русский народ, также оказался расчлененным, и какой-то части русских, возможно, даже придется служить в армии государств изначально враждебного России военного блока НАТО. Это – национальная трагедия, надо смотреть на это прямо.

Согласно привычным представлениям, страны ликвидируются или уродуются вследствие поражения в войне. Однако непосредственной причиной их гибели или расчленения может быть исчезновение народа, слом или порча механизма, воспроизводящего те связи, которые соединяют людей в народ. Население при этом сохраняется и, бывает, даже не вымирает, но народа нет – есть «куча песка» из индивидов, мелких групп, кланов и шаек. Часто именно это бывает и предпосылкой поражения в войне.

Распад народа может происходить незаметно, так что страна и государство слабеют с необъяснимой скоростью и становятся легкой добычей внешних сил (как это произошло в Китае в конце XIX века, когда там реально стал властвовать Запад и высасывать из страны все соки). В других случаях углубление кризиса наблюдается и даже изучается, но он представляется как накопление социальных противоречий (как было в Российской империи в начале или в СССР в конце XX века).

Механизм соединения людей в народ поддается анализу и изучению. Раньше этим занимались жрецы и мудрецы, теперь профессиональные ученые в больших научных центрах. Раз объект можно изучить, значит, можно создать и эффективные технологии воздействия на него. Так за последние десятилетия были найдены методы, которые приводят к поломкам механизма собирания и сохранения народа, к отказам этого механизма или даже его переподчинению заданным извне программам, заставляющим этот механизм работать на разрушение скрепляющих народ связей.

За последние десятилетия это и произошло с Россией. Уже с начала 70-х годов стратеги «холодной войны» посчитали именно этнические связи между народами и внутри каждого народа самым слабым местом Советского Союза. Сюда и были направлены главные усилия, но ни властвующие в СССР старики, ни общество в целом этого не заметило и не поняло.

Период «перестройки» стал большой спецоперацией холодной войны, целью которой был демонтаж советского народа. К 1991 г. этот демонтаж был проведен на глубину, достаточную для ликвидации Советского Союза при полной недееспособности всех защитных систем государства и народа. После 1991 г. стало нарастать стихийное, неорганизованное сопротивление «контуженного» перестройкой народа и патриотической части государственной власти. Поэтому программа «разборки» народа продолжалась с некоторой потерей темпа, особенно после 2000 г. Но параллельно велось и совершенствование технологии, так что ее обновленная версия была с успехом применена в Сербии, Грузии и на Украине в форме «цветных» революций. Готовятся штабные карты и для подобной операции в РФ. Чем быстрее мы освоим современное знание о том, что такое народ, чем он скреплен и какие есть слабые места в его конструкции, тем меньшие потери понесем в ближайшие десятилетия XXI века. А они обещают быть очень бурными.

Есть ли у нас надежда? Сегодня многие задают этот вопрос. Сама его постановка трагична. Когда такой вопрос витает в воздухе и о нем начинает размышлять простой человек, это – признак того, что народ переживает кризис бытия, а не кризис политической или даже социальной системы. Напряженное раздумье над этим вопросом видно сегодня по лицам множества людей – в метро, на рынке, в аудитории института или в старой шахте. Эти люди еще не усвоили новые правила приличий и не умеют надеть на лицо маску вежливого индивида – и трагизм их размышлений выражен ими без слов. Та наигранная бодрость, которая играет на лицах политиков, по контрасту сплачивает нас.

Как возник этот вопрос? Он слепился, как звезда из космической пыли, из неясных предчувствий, из тягот и бед. Поиск ответа важен для разделения всего мысленного пространства на два мира – мир возможного и мир невозможного. Вернемся назад, на семнадцать лет – мимолетный миг в истории. Большие опросы в апреле 1989 г. выявили общие оптимистические ожидания. У людей не было даже предчувствия ухудшения их жизни, о трагизме не могло быть и речи. Вопрос «Есть ли у нас надежда?» – был бы тогда отвергнут как нелепый.

Значит, что-то сломалось во всем нашем жизнеустройстве в короткий промежуток времени. И надежда на продолжение нашего бытия зависит от того, как скоро мы найдем эту главную поломку и успеем ли ее исправить до того, как иссякнут силы, онемеют пальцы и угаснет сознание. Времени у нас немного. Люди чувствуют, как уходит жизнь из раненного тела страны, хотя еще и не знают, какая из множества ран смертельна.

На уровне веры мы знаем: да, надежда есть! Так и говорят патриоты России. Не первый раз Россия у края пропасти, не первый раз ею овладел какой-то странный внутренний враг, который ведет ее к самоотречению, – но всегда Россия вставала с колен и становилась краше и сильнее. Но насколько надежны исторические аналогии? Разве невидимый враг – один и тот же? Разве мы – те же? Нельзя же сказать об опасно больном, что он, мол, наверняка поправится, потому что не раз уже болел в своей жизни – и свинкой, и корью, и даже гриппом, но всегда поправлялся.

Конечно, нам нужна надежда веры, и мы верим в выздоровление глубоко и искренне. Но этого мало, нам нужна и надежда разума. Только она заставляет искать и действовать. Эта надежда требует мужества, поскольку заставляет как бы отвлечься от веры в спасение, и признать, что гибель возможна и судьба – в наших руках. Эта надежда отвергает фатализм, но предупреждает, что и гарантии благоприятного исхода нет, мы сами несем за него ответственность.

В чем же надежда разума? Прежде всего в том, что удар по устоям нашей культуры, нанесенный идеологической машиной Горбачева и его преемников, не проник слишком глубоко в душу русского человека. Травмы тяжелы, но не настолько, как рассчитывали губители. Реформации не произошло, фундамент устоял. Русский человек не спустился с уровня homo sapiens на уровень homo economicus, не стал волком другому человеку. Приходится даже удивляться устойчивости глубинных слоев нашего сознания. Как только будет снят пресс манипуляции, восстановление языка, мышления и воли пройдет очень быстро. Поражение заставило нас задуматься, и многое из полученного тяжелого урока мы успеем усвоить и применить.

Есть неоспоримый факт, и из него мы и обязаны исходить. На той же самой земле и с тем же самым народом всего пятнадцать лет назад Россия была безусловно независимой мощной державой, хозяйство которой обеспечивало всему народу скромный, но достойный тип жизни с непрерывным ростом благосостояния. Нынешняя разруха – дело человеческих рук, следствие ошибок, злонамеренных действий и попустительства. Все это в принципе исправимо. Значит, никаких непреодолимых причин, по которым в России не могло бы быть устроено надежное благополучие, не существует.

Исходя из этого мы и обретаем разумную надежду. Дальше все зависит от наших общих усилий ума, сердца и рук.

Скажем здесь о частной проблеме – общении русских между собой и с другими, нерусскими. Понятно, что общение является необходимым условием возникновения и существования любой общности. Семья, род, племя, народ, нация, человечество – все эти общности, от мала до велика, – существуют лишь в общении людей, которые их составляют. В спокойные времена мы этого почти не замечаем, как не замечаем воздуха, которым дышим. Но в моменты смут и кризисов, когда, по выражению Шекспира, «разлад в стране и все в разъединенье», возникает чрезвычайная задача: срочно наладить систему общения, которая бы соответствовала чрезвычайной обстановке. Система «мирного времени» не годится, не отвечает новым задачам и условиям. Чтобы объединять расколотые части народа, требуются особые способы общения, их надо создавать и им надо обучаться.

И создавать эти способы, и обучаться им мы должны сами – для этого никто не устроит нам лабораторий и школ. Чтобы

расколоть и рассыпать наш народ – для этого имеются и научные центры, и финансирование, и куча всяких «неправительственных организаций». За их работой надо следить и извлекать из нее уроки. Надо знать, как разрушают и блокируют каналы нашего общения, как отравляют его воздух, как навязывают нам порочную логику и загоняют в ловушку наши рассуждения. Это – особая плоскость нашего разговора. Изучение оружия, тактики и стратегии «противника» – составляющая часть каждого занятия, какой бы проблемы общения мы ни касались.

Разматывать наш клубок начнем с самой доступной ниточки, а там видно будет.

Обратим внимание на вещь очевидную: главное действие в общении – передача сообщений. Вдумаемся в само слово, оно говорит само за себя: со-общение. Вокруг этого и будет крутиться наш разговор. Как передаются сообщения? Как они принимаются и понимаются разными адресатами? Как они должны быть «упакованы», чтобы дошли до нужного места в нужное время и чтобы их не перехватили по дороге? Как вести информационную войну, перехватывая и «разряжая» сообщения противника? Эти вопросы приходится непрерывно решать любой человеческой общности с первых моментов возникновения человека разумного.

Тысячи лет накапливался и систематизировался опыт успеха и ошибок в решении этих вопросов, он откладывался в коллективной памяти, в преданиях, записывался в сказках и балладах, в трактатах и летописях. В последние два века эти вопросы стали предметом научных исследований, а за наукой, как известно, следует технология.

В принципе, одновременно с технологией научное знание в этой сфере должно было дать образование. Но так не получилось. Сильные мира сего постарались ограничить распространение этого знания, наложить на него гриф «для служебного пользования». Это понятно, потому что создание и передача сообщений есть главное средство господства. Поэтому при всех режимах между властью и народом идет борьба за свободу сообщений («свободу слова»). Иногда это борьба глухая, иногда шумная, очень часто – политический спектакль (борьба за «передел собственности» на слово).

Здесь мы не будем разбирать политическую сторону этой проблемы, а будем говорить о доступных для нас, в нашей нынешней реальности, каналах передачи сообщений и о тех навыках этой деятельности, которые нужны для успешного решения конкретной задачи – объединения русского народа. Значит, речь будет идти о таких сообщениях, которые восстанавливают и укрепляют связи, объединяющие людей в народ. Те, кто стремится преодолеть разделение народа и залечить раны, вступают друг с другом в общение с целью связать порванные нити национальной солидарности, а если не удастся, то создать новые.

Как идут потоки сообщений этого типа? Как и сообщения других типов – во времени и пространстве. Народ – общность долгоживущая. Многие виды связей, соединяющих людей в народ, требуют постоянного получения сообщений «из прошлого». И не только получения, но и распространения таких сообщений среди современников, а также отправки их «в будущее» – нашим детям и внукам (в виде устных рассказов, книг, песен, картин). Из прошлого, от предков, мы получаем традиции, накопленное ими неявное, неписаное знание, опыт ошибок и достижений, как он преломился в сознании того времени. В будущее мы посылаем эти сообщения, окрашенные нашими собственными мыслями и чувствами, горечью наших ошибок и радостью наших достижений. Так люди разных поколений связываются в народ «во времени».

Для нас это измерение в потоке сообщений очень важно потому, что в большой программе «демонтажа» русского народа одним из направлений главного удара как раз и был разрыв поколений.

Разрушалась коллективная память, причем на всех ее эшелонах – и краткосрочная (люди уже смутно помнят, что происходило в 1995 г.), и среднесрочная (многие уже верят, что «большевики свергли царя»), и долгосрочная на очень большую глубину (многие считают, что Русь испытала нашествие монголов-мусульман). Поскольку общая, в главных пунктах согласованная историческая память служит важным скрепляющим народ цементом, противодействие ее разрушению, разбор уже обрушенного и починка поврежденного – одна из задач объединительного движения. А значит, содержание какой-то части тех сообщений, которые оно должно создавать и распространять. Народ, у которого отняли память, превращается в «человеческую пыль».

Точно так же надо восстанавливать и расчищать те каналы, по которым шел поток сообщений тем поколениям русских, что идут нам на смену. Они будут жить в новой реальности, решать проблемы, которые нам еще неведомы, но уже сейчас ясно, что в обозримый период человечество еще будет разделено на нации и народы, культуры и цивилизации, а значит, и на страны разного типа. Если наши потомки утратят свой национальный тип, потеряют русский взгляд на мир, свойства русского ума и русское художественное чувство – то есть перестанут быть русскими – то незаметно для себя они утратят и свою землю. В общем, исчезнут с лица земли как народ, растворятся.

Кое-кто не видит в этом ничего страшного или даже радуется такой перспективе – мол, еще один неправильный народ будет стерт с карты мира. Но для большинства русских такая перспектива нестерпима, и угрозу ее мы обязаны предотвращать. В данный момент надо наладить снабжение наших детей и внуков такими сообщениями, которые бы оживляли и укрепляли в их сознании и чувствах образ России, ее красоту и совесть, которые бы воспроизводили в них русские черты. Это – тоже большая задача, ведь для таких сообщений требуется в значительной мере новый язык, совместимый с тысячелетним ядром русского языка, но и снабженный новыми словами и образами, способными описать вихри враждебные, что веют над нами именно сегодня и еще не утихнут завтра.

И все же поле наших основных, срочных действий – общение в актуальном времени, между собой и с теми нашими современниками, которые своими действиями и побуждениями решают судьбу народа и страны. Ведь совершенно очевидно, что и народ, и страна находятся сегодня на распутье. Они колеблются, выбирая путь. И в этот момент неустойчивого равновесия

нельзя отмалчиваться. Сейчас исход этих колебаний может решить небольшая сила, и пока что действуют силы слова, а не дубины. Но это слово надо уметь сказать – в обстановке, когда к фатальному выбору нас толкают целые армии квалифицированных краснобаев, снабженных радиостанциями, телекамерами и миллионными тиражами своих газет.

Каково же пространство тех сообщений, которые должны вырабатывать и передавать люди, близкие к русскому объединительному движению? В его социальном измерении это пространство можно грубо разделить на три части – свои, колеблющиеся, чужие. В каждой категории есть, конечно, более тонкие различия. Например, чужие делятся на «потенциально» своих и на убежденных противников. В национальном измерении пространство общения делится на пространство русских, нерусских и антирусских.

Наложение этих двух классификаций дает более детальную картину – например, вовсе не все русские – свои. Довольно многие из них вовсе не хотят объединения русских и считают для себя выгодным «сбросить балласт» – всю ту массу русских, которых они считают неприспособленными для жизни в энергетической державе, что они пытаются построить (если «Боливар не выдержит двоих», то Труба тем более не прокормит 140 миллионов ртов).

Наконец, в географическом измерении пространство нашего общения тоже будет неоднородно. Оно сразу делится на две части – Русский мир и иные. Граница между ними размыта – многие иные примыкают к Русскому миру, частично живут в нем и будут с нами общаться как русские (например, сотни тысяч выпускников советских и российских вузов почти по всему миру и их близкие). Но даже и в ядре Русского мира, среди тех, кто говорит и думает по-русски, пролегли географические и государственные границы. Одни живут в Российской Федерации, то есть ядре исторической России, другие в Латвии или на Украине, третьи стали гражданами США. Даже если они считают себя русскими, они составляют особые части русского народа, какие-то пучки их связей с целым разорваны. Это не может не сказаться на характере общения.

Большинство «атомов» нашего общения будет, конечно, двигаться в пространстве Российской Федерации. Если бы могли увидеть сверху «облака» этих «атомов», то представили бы себе карту потоков наших сообщений. На ней выделялись бы сгустки общения разных типов. Интенсивное личное общение происходит в непосредственной близости от человека – в семье, на работе, на рынке или в автобусе. Плотные контакты другого типа, но уже с использованием публичных информационных технологий, замыкаются в пределах «малой родины» – города, области, региона. С мыслями о делах всего народа и всей страны человек вовлекается в поток сообщений, который струится через всероссийскую информационную сеть, хотя в и этом потоке какое-то место занимают личные контакты.

Все это – самые грубые и формальные определения, но для начала полезно о них задуматься. Как часто встречаются, по воле случая, сообщения, которые по силе мысли и чувства, по своим художественным достоинствам следовало бы донести до всего Русского мира, а они «упакованы» в брошюрку или книжечку стихов тиражом 500 экз., изданную в Вологде. Автор оказался не подключен к каналам широкого общения, и никто не помог распространить его текст. Самой задачи такой никто не ставил. Это ошибка, слово само себе дорогу не пробьет, ему надо помогать. Чтобы люди его подхватили или оставили в запасе, оно должно быть до них доведено.

Какой тип общения нам сейчас нужен в первую очередь? Мы можем описать только его главные черты, насыщать их деталями и красками придется каждому – в соответствии с личными знаниями, темпераментом, художественными наклонностями, а также в соответствии со свойствами аудитории, слушателей и собеседников.

Первым делом говорим о непосредственном личном общении – о разговоре. Это главное средство общения людей. Можно сказать, именно членораздельный язык и создал человека. С его помощью можно было передавать окружающим и информацию, и чувства, что взрывообразно ускорило развитие мозга и сразу сделало «нарождающегося» человека общественным существом, обладающим совестью. Ни телевидение, ни компьютер, ни даже книга не могут сравниться с человеческим разговором по силе воздействия на сознание. Сообщения, принятые человеком с экрана или из газет, принимаются или отвергаются в ходе разговоров. Никакая революция или реформа не могли бы произойти, если бы у революционеров или реформаторов не было достаточного количества агентов, которые объяснили их необходимость и неизбежность массе людей в личных разговорах.

Перестройка, которая развалила Советский Союз и привела нас к национальному бедствию, готовилась на кухнях интеллигенции, в беседах у костра или за чаем в КБ, в рабочих курилках и в очередях. Миллиарды разговоров подготовили сотни миллионов людей к тому, что они аплодировали Горбачеву и чуть ли не целовали туфлю у Сахарова. Главные утверждения для этих разговоров, система доводов, художественное сопровождение (шутки, анекдоты, «страшилки») вырабатывались в течение тридцати лет в множестве «подпольных лабораторий» – и на общественных началах, и за деньги. Большую роль сыграли и зарубежные научные центры, но они были бы бессильны без армии безымянных борцов с нашей «империей зла». Этот опыт очень важен, сработано было на славу.

У нас задача труднее. Во-первых, «ломать – не строить». Сотни людей три года строят мост, а взорвать его может один человек за полчаса. У нас взорвали народ, он рассыпался на множество осколков – нам снова его собирать, склеивать, что-то стягивать хотя бы временными связями. Нам неоткуда ждать помощи, учимся на ошибках. Наша родная интеллигенция в большинстве своем пока еще не опомнилась от контузии и увлечена либеральной утопией. А ее слово очень важно.

Но если начнем, то довольно скоро процесс станет самоускоряющимся. В России возникло общее ощущение – со смутой надо кончать. Этот запой подошел к своему естественному концу. Плешивые идолы «перестройки и реформы» оказались пустыми, «пирамиды» рухнули, и людям требуется трезвый и жесткий разговор – на «языке родных осин», без идеологических химер и «общечеловеческих ценностей».

Дело бы сильно упростилось, если бы этот разговор смогла начать верховная государственная власть. Но видно, что она к этому не готова, и этот разговор приходится начинать снизу, и в какой-то момент она будет вынуждена в него втянуться. Без этого давления власть никогда на него не решится. Даже Лукашенко на него не смог бы решиться, не имей он прикрытия в виде России.

Нашему общению необходим диалог. Сила разговора определяется тем, что мышление людей диалогично. Человек даже про себя мыслит, как бы беседуя с самим собой, задавая вопросы и отвечая на них. Но когда разговаривают два человека и они понимают друг друга, так что можно задать собеседнику вопрос, заставить его задуматься и потом ответить, то возникает система с кооперативным эффектом – вопросы и ответы порождают совместное творчество. Это – жизненная потребность человека, и он очень ценит возможность такого разговора.

Это видно даже по тактике телевидения и радио. В течение первых десяти лет перестройки и реформы они, используя присущие им мощные средства воздействия на сознание, вели передачи-монологи. Это были передачи «из центра» пассивным зрителям и слушателям, которые не имели возможности задать вопрос и вставить слово. Вскоре такие передачи стали раздражать аудиторию, они подавляли нормальный ход мышления. В ход пошли передачи, построенные как «ложный диалог» – в студию приглашались подобранные «оппоненты», которые вели дискуссию на темы, сформулированные ведущим и под его контролем. Еще через какое-то время телевидение и радио стали практиковать подключение к этим ложным диалогам и аудиторию, люди стали обращаться по телефону в студию с вопросами, участвовать в телефонном голосовании и т. д. Это приводит манипуляторов к издержкам (слушатели научились, когда удается дозвониться по телефону, в двух-трех фразах высказать очень важные вещи, иногда приводящие ведущих радио «Эхо Москвы» в истерику). Однако им важнее удержать аудиторию, и эта практика продолжается.

Начиная с перестройки манипуляторы нашим сознанием вторглись в пространство нашего низового разговора, вооруженные мощными информационными технологиями. Они навязали людям ложные понятия, рваную, ведущую в тупик логику. Тем самым они нарушили способность добиваться в ходе диалога этого кооперативного эффекта. Наше движение начинает большую кампанию по очистке пространства народного разговора от наслоений и помех, запущенных в ходе программы манипуляции. Помогая друг другу, русские люди пройдут курс реабилитации.

Таким образом, первая задача – в разговоре с людьми надо добиваться создания обстановки диалога. Если аудитория не идет навстречу (из-за недоверия или других психологических барьеров), надо хотя бы свое собственное сообщение строить в форме диалога – задавать «риторические» вопросы и в ответ на них высказывать свое суждение. Только вопросы эти должны быть не надуманными, а именно теми, которые волнуют аудиторию.

Нередко в таком диалоге терпишь поражение – сталкиваешься с умелым противником, который забивает тебя своими доводами и логикой. Если спор происходит на людях, то такой противник часто будет использовать и запрещенные приемы спора. Когда диалог принимает характер состязания, то важны его зрелищные качества – темп, напор, удачное слово или жест. Нужна техника, она осваивается не сразу.

Поражение оставляет чувство горечи, но косвенный выигрыш важнее отдельной победы. Сейчас наша задача – не побеждать в каждом споре, а восстановить само пространство диалога, восстановить те связи, которые необходимы, чтобы снова люди почувствовали себя говорящими на одном языке и способными слушать друг друга и обдумывать услышанное.

Вторая задача, которая решается даже в проигранном споре, – задать «повестку дня». Мы должны возродить в людях уверенность в своем праве ставить на обсуждение те вопросы, которые они сами считают важными. Уже за время перестройки это право сумели у нас отобрать, политики с помощью СМИ стали жестко навязывать нам темы, которые нам следовало обсуждать. Всякие попытки гласно поставить под сомнение важность задаваемой нам «повестки дня» или переформулировать поставленную проблему пресекались моментально и исключительно грубо – даже в отношении уважаемых людей.

То, что мы не сумели защитить свое право на постановку вопросов для обсуждения, было тяжелым поражением нашего народа. Само изъятие этого права как условие захвата реальной власти было важным открытием (его сделал в 1920-е годы американский специалист по пропаганде социолог Уолтер Липпман). Право создания «повестки дня» (agenda setting) заставляет людей принять такое представление о том, что важно и что неважно, что надо обсуждать, а что нет, которое может противоречить их интересам. Иными словами, реальные потребности, интересы, страдания людей просто исключаются из рассмотрения.

В 1989 г. был такой случай. Люди увидели, что перестройка заворачивает куда-то не туда. Вместо «Больше социальной справедливости» выходило совсем наоборот. В Верховном Совете СССР после очередной туманной речи Горбачева о благах демократии встал председатель Союза писателей СССР Юрий Бондарев и спросил: «Михаил Сергеевич! Вы подняли самолет в воздух, куда садиться-то будете? К чему нас должна вывести перестройка?» Вопрос разумный, задает его человек почтенный. Но вопрос не только замяли, но и приравняли поступок Бондарева чуть ли не к фашизму. Он осмелился нарушить заданную Горбачевым и его кликой повестку дня и поставить реальный вопрос, который волновал всю страну. Если бы его попытка удалась, начался бы процесс, который сразу разрушил бы всю систему власти Горбачева.

Любая антинародная власть не допускает нарушения своей монополии на «повестку дня». Кровавое воскресенье 1905 г. потому и произошло, что рабочие с хоругвями пошли к царю, чтобы подать ему петицию с перечнем своих нужд. А петиции были запрещены законом. Закон этот понемногу стали нарушать – главы дворянских собраний и земств. Но когда такую же попытку сделали рабочие, правительство пошло на небывалую меру – и произошла катастрофа.

Нам не надо ходить с петициями – ни к Кремлю, ни к Абрамовичу. Мы должны научиться создавать нашу «повестку дня» внизу, в разговорах хотя бы с одним человеком, потом в группе, потом в зале собрания. Если это сделаем умело, то и уличных митингов не понадобится. Вопросы, четко и одновременно поставленные большой массой людей, становятся большой политической силой.

Наконец, проигранный спор дает человеку такой опыт, какого не заменить никакими теоретическими занятиями. Нам нужно тренироваться. И очень быстро мы начнем побеждать – потому что наши идеалы и интересы совпадают с идеалами и интересами подавляющего большинства русских людей. Отстаивая эти идеалы и интересы, мы будем делать шаг вперед, даже проигрывая спор – из-за нехватки знаний или нахальства. Нахальству учиться не будем, а знания помогут справиться и с наглецами.

Особо следует сказать о роли русского языка в процессе собирания народа. Язык – одна из важнейших сил, соединяющих народ. Он создает образ «мы», отличный от образа «они». Даже явно чужой, но говорящий на твоем родном языке, сразу становится гораздо ближе. Язык – главное средство общения внутри народа, он задает общий набор понятий, общий арсенал мышления. Обучая ребенка русскому языку, родители учат его быть русским.

Язык – это особый способ мировоззрения и передачи опыта. В нем кроется целый пласт неосознаваемых представлений о мире и жизни. Человек видит и слышит лишь то, к чему его сделал чувствительным язык его народа. Язык подключает человека к коллективному бессознательному его народа. Особые слова-стимулы родного языка «вызывают» из подсознания целые блоки мироощущения. Так, идеологи рыночной реформы считают большой бедой и дефектом русской культуры тот факт, что в «ядре» русского языка «слабо представлены ценности индивидуализма», – и через СМИ ведут лихорадочную переделку языка. При этом заодно уродуются и другие части «ядра», вроде бы прямо не связанные с рынком.

Борьба за язык – один из главных фронтов политической борьбы. Разрушая и коверкая русский язык, враждебные народу силы ослабляют его связность. Вытесняя русский язык из обихода и из школы, антирусские силы в Латвии или на Украине отдаляют население от России и разрывают внутренние связи между людьми, которые тянутся к союзу с Россией.

Все сепаратисты, ставящие целью отделить свой регион от большой страны и ослабить связи своего населения с большой нацией, всегда начинают с языка – сокращают сферу применения общего языка на своей территории, понижают его статус, прекращают его преподавание в школах, иногда даже доходят до смены алфавита своего языка. При этом идут на колоссальные затраты и не считаются с культурными потерями. Так, после развала СССР узбекский язык перевели на латинский алфавит. Весь массив книг и документов, созданный за 70 лет, обесценился для новых поколений узбеков. Взрослые в один день стали неграмотными, с трудом могут прочитать простую уличную вывеску. Сейчас со скрипом поворачивают назад.

Напротив, сотрудничество и интеграция укрепляются при поддержке общего языка. В XVI веке Испания учредила Академию, которая строго следила за обучением и применением кастильского языка, который на три века соединил огромную империю и помог созданию множества наций и народов Латинской Америки.

Русский язык – один из больших «мировых» языков. В середине XX века в мире было всего 13 языков, для которых число говорящих превышало 50 млн. человек. В России и за рубежом была создана большая система для перевода с русского и на русский, издания переводной литературы. Таким образом, русский язык стал каналом для включения русского и союзных ему народов в пространство мировой («большой») культуры. Создать подобную «стыковочную» систему для каждого языка постсоветских стран невозможно.

На деле операция по отрыву этих стран от русского была большой геополитической диверсией, целью которой было выпадение этих стран из мировой культуры и общий регресс постсоветского пространства. Агентами-исполнителями этой диверсии были этнические националистические элиты антисоветского (и антирусского) направления. Они предпочли феодальную эксплуатацию населения и национальных богатств развитию своих народов в лоне большой страны.

Защита русского языка от его подтачивания, восстановление языковых связей русских с другими народами Евразии одинаково необходимы всем нашим народам. Это укрепит наши позиции в противодействии демонтажу самого русского народа, даст большое подспорье в работе по восстановлению нормального межэтнического общежития всех народов России, станет инструментом реального строительства новых интеграционных связей на всем постсоветском пространстве.

В заключение надо сказать и о таком связующем (или разделяющем) факторе, как школа. Это в современном мире важнейший механизм передачи новым поколениям того главного, что накопила культура народа, – его представлений о мире и человеке, о добре и зле, а также навыков познания, мышления и объяснения. Все это вместе составляет центральную мировоззренческую матрицу, на которой люди собираются в народ. Разрушь эту матрицу (по чьей-то команде или по незнанию) – и народ рассыпается, как куча песка.

Поэтому школа – один из самых консервативных институтов общества. Для народа и его культуры, как и для любого организма, защита его «генетического аппарата» – одно из главных условий продолжения рода. Сейчас идет глухой спор о реформе российской школы – всех ее ступеней. Ясную позицию занимают только СПС и «Яблоко» – они требуют для России школу западного типа.

Реформа школы – часть глобализации. Смысл ее – перестройка мира в интересах временно набравшего силу Запада, демонтаж и ослабление всех незападных культур. Понятно, что в любой культуре встает вопрос об ответе на этот исторический вызов,

вопрос о том, как сохранить свой культурный генотип – сохранить свои народы.

Взглянем в историю. Добуржуазная школа, основанная на христианской традиции, вышедшая из монастыря, ставила задачей «воспитание личности». Ее цель была – «наставить на путь», дать ученику целостное представление о мире, о добре и зле. Эта школа была, как говорят, основана на «университетской» культуре и опиралась на систему дисциплин – областей «строгого» знания, в совокупности дающих представление о Вселенной (универсуме) как целом.

В буржуазном западном обществе задачей школы стала «фабрикация» человеческой массы, которая заполняла, как рабочая сила, фабрики и конторы. Эта школа оторвалась от университета, передавала детям составленную из отрывочных знаний «мозаичную культуру».

Но помимо этой школы на Западе сохранилась небольшая школа университетского типа – для элиты. В ней воспитывались сильные личности – хозяева. Школа Запада стала «двойной», из «двух коридоров». Такая школьная система воспроизводит классовое общество.

Русская школа, которую мы помним в облике советской школы, сложилась в результате исканий и споров конца XIX века. Тогда русская культура сопротивлялась «импорту» западного капитализма, она вырабатывала свой тип школы. Первый учительский съезд в 1918 г. утвердил главный выбор – единая общеобразовательная школа. Оба признака очень важны.

«Двойная» школа исходит из представления о двойном обществе – «собственники» и «пролетарии». Это как две разные расы с разными типами культуры. Единая школа исходит из того, что есть единый «народ», дети которого равны как дети одной семьи. В единой школе они и воспитываются как говорящие на языке одной культуры. Реформаторы с начала 90-х годов поставили задачу сломать этот принцип единой школы. Их цель – разделить единую школу на два коридора – создать небольшую школу для элиты и большую – для фабрикации массы.

Наша общеобразовательная школа, включая вечерние школы и ПТУ, строилась на базе университетской, а не «мозаичной», культуры и всем давала целостный, дисциплинарный свод знаний. Советская школа вся была школой для элиты – все дети в этом смысле были кандидатами в элиту. Конечно, другие условия еще довольно сильно различались, сельская школа по ресурсам была беднее столичной, но тип образования и культуры для всех был единым. ПТУ и вечерние школы не были иным «коридором». В них учились по тем же учебникам и тем же программам – по своему строению это было то же самое знание.

Советский корпус инженеров в большой мере создан из людей, прошедших через ПТУ и техникумы. Два Главных конструктора, два академика, руководители космической программы – Королев и Глушко – в юности окончили ПТУ. Юрий Гагарин окончил ремесленное училище. Программа единой школы позволяла всем детям освоить культурное ядро своего народа.

Что дала России единая общеобразовательная школа? Не только позволила совершить скачок в развитии, стать мощной независимой державой, собрать из городков и сел неиссякаемые ресурсы Королевых и Гагариных. Школа помогла соединить тело народа, сформировать тип личности, реализующей общую силу.

Сейчас эту школу хотят сломать, и тут уж каждый должен сделать свой выбор – помогать ее уничтожению или противодействовать ему. Раскол принципиальный, от выбора зависит единство или разделение народа.

Что такое русский патриотизм и национализм

В проблеме объединения русских нельзя обойтись без применения понятий нация, национализм, национальное государство и патриотизм. Все они многозначны и расплывчаты, и каждый раз надо учитывать, о какой стороне этих понятий идет речь. Сделаем первый шаг в разграничении двух понятий – национализм и патриотизм.

Эти понятия в чем-то перекрываются, и потому иногда употребляются как равноценные, взаимозаменяемые. Это часто ведет к ошибке, поэтому делаем упор на различии.

Национализм – необходимый срез сознания любого народа. Без него народа просто не может быть, а имеются только племена. Тем более без национализма народы не могут собраться в нацию – для такой сборки требуется наличие общего набора главных представлений, разделяемых всеми, кто желает принадлежать к нации. Набор этих главных представлений и становится национализмом как государственной идеологией. Без нее не может быть создано и узаконено национальное государство как тип политической организации территории и жизни населения.

Именно усилиями этого национального государства население и превращается в нацию как общность граждан. Можно сказать, что национальное государство выработало качественно новую матрицу сборки народа, введя новое измерение для самоосознания людей – гражданственность. Говорят, что «национализм создает нации, а не нации – национализм».

Это довольно новое явление в истории – такие государства стали складываться в момент Французской революции, и большую роль в этом сыграли идеи Просвещения. Как идеология национализм сложился в XVIII веке, но с тех пор показал свою исключительно высокую эффективность в политике. Этничность, сопряженная в национализме с гражданством, сильно сплачивает людей и позволяет мобилизовать большие общности. Надо, впрочем, делать различие между национализмом и принадлежностью к нации: национализм относится к осознанным «активным» чувствам, а принадлежность к нации – ощущение, что ты «дома». Так что многие, «принадлежащие к нации», себя к националистам не отнесут, хотя они и лояльны к идеологии своего государства.

Патриотизм – также есть необходимая часть любой государственной идеологии. В чем же отличие от национализма? Как говорят, патриотизм утверждает вертикальную солидарность – приверженность личности к стране и государству. В этой приверженности нет акцента на ценности «низшего уровня», скрепляющие этническую общность, даже столь широкую, как нация. Напротив, национализм активизирует чувство горизонтального товарищества, ощущения национального братства.

Патриот любит Россию, но при этом ему могут быть противны населяющие ее русские. Например, во время революции большой части дворянства и либеральной интеллигенции России было ненавистно русское простонародье, они просто зубами скрежетали от ненависти к подавляющему большинству народа (об этих чувствах эмиграции много писал Иван Солоневич). Эти патриоты России не были русскими националистами – они в тот момент были русофобами. В моменты кризисов политический порядок и тип государства могут быстро меняться, поэтому возникают патриотические движения, имеющие разные идеальные образы России.

И белые, и красные в Гражданской войне были патриотами – но «разных Россий». Но общего ощущения национального братства у них быть не могло. Поэтому обе воюющие стороны представляли себе противников как «иной народ». Идеологи белых считали большинство русских народом-богоотступником, а крестьяне считали помещиков и буржуазию «внутренним немцем». В таких трагедиях меньшинство, воюющее против большинства сограждан, более или менее отчетливо ощущает себя отщепенцами. Например, Керенский с горечью написал о себе: «Ушел один, отринутый народом».

Сегодня в России – подобный раскол. Идеологи команды Горбачева – Ельцина много лет пытаются убедить мир, что народ России оказался «негодным материалом» для их реформ. Их идеал – Россия, но населенная другим, хорошим народом. Они – патриоты созданной в их либеральном воображении «России», и этот ее образ можно вполне точно описать. Но они – непримиримые противники русских националистов, которые любят реальных русских людей, со всеми их недостатками, испытывают к ним чувство национального братства и «горизонтального товарищества». Между собой русские националисты могут ожесточенно спорить о лозунге «Россия для русских», но они будут вместе воевать против тех, кто пытается устроить «Россию без русских».

Здесь важно рассмотреть вопрос: Россия – национальное или интернациональное государство? Этот вопрос, который часто поднимается в СМИ и на политических собраниях, поставлен неверно. Как говорят, демагогически, чтобы затуманить суть дела. Берут два однокоренных слова – национальный и интернациональный – и рассуждают так, будто это понятия одного уровня. На деле это понятия разного уровня, соединять их союзом «или» нельзя.

В понятиях важно не сходство или различие слов, а тот смысл, который в них вкладывается. Смысл понятий – предмет соглашения, он вырабатывается в спорах и принимается авторитетным сообществом почти голосованием. Конечно, всегда есть диссиденты, которые кричат: «А я понимаю этот термин совсем по-другому!» Это их личное дело. Можно им сочувствовать, интересоваться их оригинальным мнением, но при этом обязательно надо знать господствующую на данный момент трактовку.

Согласно этой трактовке, Россия и в конце XIX века в виде Российской империи, и до конца XX века в виде СССР, и теперь в виде Российской Федерации есть полиэтническое национальное государство. Если демагоги так уж настаивают, скажем, что Россия – интернациональное национальное государство. Суть этого утверждения в том, что и в конце XIX века, и в советский период в России складывалась большая гражданская нация. Складывалась она вокруг русского народа как ядра этой нации, но

была полиэтнической – включала много народов и народностей (этносов). Их у нас называли «национальностями», что и создавало некоторую путаницу (отсюда и слово интернациональный или, точнее, многонациональный).

Формирование в России большой гражданской нации было прервано глубокими кризисами – в начале и в конце XX века. Но в обоих случаях оно не прекращалось, а продолжалось в новых условиях. Менялись символы государственности, идеология, даже территория, но процесс снова набирал силу. Даже сегодня, когда историческая Россия претерпела самую глубокую трансформацию и ее нация прошла через этап очень опасного распада, основа ее не сломана – она «выздоравливает». В международных отношениях, где как раз и важно определение типа государственности, уже с Ивана Грозного считалось, что Россия – национальное государство.

В XX веке на Западе всех советских людей называли русскими. Этническая принадлежность там никого не интересовала (если, конечно, человека не вербовало ЦРУ). Когда ктото пытался объяснить западным коллегам на каком-нибудь конгрессе, что такой-то докладчик из советской делегации не русский, а грузин, это их удивляло: «Причем здесь грузин, узбек? Они же из России, а их этничность – совсем другой вопрос, тут это не важно».

Является ли Россия в этом отношении чем-то необычным? Ни в коей мере. Вот США, здесь создана довольно сплоченная нация – вокруг сравнительно небольшого количественно ядра из белых протестантов англосаксонского происхождения. Но этнический состав этой нации очень пестрый и рыхлый. Согласно переписи 1990 года, только 5 % граждан США считали себя в тот момент «просто американцами», остальные относили себя к 215 этническим группам. Случись там такой кризис, как в России, ядро не удержало бы нацию от распада. О Бразилии или Индии говорить нечего – здесь и коренное население представлено сотнями народностей.

Более того, за последние десятилетия и казавшиеся национально однородными страны Европы превращаются в полиэтнические – из-за интенсивных потоков миграции. Франция, Германия, Голландия стали типичными «многонациональными» национальными государствами.

Так что не надо нам мудрить и противопоставлять два неотъемлемых качества России. Она – национальное государство. Имперский характер Российского государства этого не отменял и в досоветский период, поскольку части России не были колониями какой-то «метрополии» (США тоже являются империей и не стесняются это заявлять – но при этом представляют собой типичное национальное государство).

Но Россия в то же время – полиэтническое (многонациональное) государство. Отрицать это, подсчитывая процент русских, ошибочно. А во многих отношениях просто глупо. Если у вас большая семья и она занимает в коммунальной квартире три комнаты, а еще десять семей занимают комнатушки, то квартира не перестает быть коммунальной. В ней надо уметь жить. Сейчас в России одна из самых критических проблем – восстановление приемлемого типа межнационального общежития. Тут всем надо не наломать дров, которых и так уже много наломано в 90-е годы.

Следует отметить, что национализм как чувство принадлежности к своей нации и как идеология ее строительства совершенно необходим для народа (нации). Во многих случаях он бывает самым эффективным средством для защиты народом своих прав. Известно, правда, что использование национализма как политического оружия – искусство сложное, он легко выходит из-под контроля и тогда ставит под удар свой же народ. Но умение владеть оружием необходимо всегда, это не основание, чтобы бросать оружие.

Почему же с момента становления наций и зарождения национализма в Западной Европе русская культура испытывала неприязнь к этой идеологии? Достоевский противопоставлял ему «всечеловечность», с ним соглашались философы, особенно православные.

Сергий Булгаков писал в начале XX в.: «Национальное чувство нужно всегда держать в узде и никогда не отдаваться ему безраздельно. Идея избрания слишком легко вырождается в сознание особой привилегированности, между тем как она должна родить обостренное чувство ответственности и усугублять требовательность к себе… Однако, идя далее и в этом направлении, мы наталкиваемся на своеобразную трудность. Дело в том, что национальность не только необходимо смирять в себе, но в то же время ее надо и защищать, ибо в этом мире все развивается в противоборстве. И насколько предосудителен национализм, настолько же обязателен патриотизм».

Но национализм настолько необходим для существования нации, что утверждение о его предосудительности и попытка заменить патриотизмом не имеют смысла. Можно осуждать лишь какие-то выверты национализма, как и любой другой формы сознания. В чем тут дело?

Есть две причины. Наша интеллигенция восприняла у немецкой философии романтическое представление о нациях, согласно которому они даны нам «свыше». Вл. Соловьев видел в нации воплощение воли Провидения, предначертавшего каждой части человечества свою миссию. Если так, то национализм есть вмешательство в дела Провидения и искажает смысл предначертания. Да и нечего беспокоиться о связности народа – не в силах грешных людей разрушить то, что скреплено высшей волей. Это же представление советская интеллигенция восприняла от Маркса, который почерпнул его у той же немецкой философии.

Вторая причина в том, что практика национализма на Западе вызвала у русских отвращение. Понятно, что создать нацию, то есть сделать память, мифы, культуру общими для всего населения, можно лишь ослабляя различия частей этого населения –

ослабляя их этничность. Это не может быть «бесконфликтным» – «иных» надо преобразовывать в «своих». Национальное государство в Европе победило потому, что создало инструменты уничтожения или подавления других этносов (прежде всего, современную армию, печать и промышленный капитализм).

Англичане, собирая нацию, жестоко подавляли шотландцев. После разгрома восстания 1746 г. английские войска несколько месяцев без суда убивали любого шотландца-горца, которого им удавалось поймать. Всерьез обсуждалось предложение перебить всех женщин детородного возраста. Во Франции «сплавляли» не только много малых народов, но и два больших блока – северо– и южнофранцузский (провансальцев). Последние сопротивлялись триста лет, пока «железный кулак Конвента» не сделал их французами. А Наполеон заменил все этнические названия департаментов на географические – по названиям рек.

Россия же собирала и строила территорию и общее культурное ядро нации при сохранении этничности разных народов. Этот путь был очень сложен, но обладал огромными преимуществами. Когда Бисмарк собирал немецкую нацию «железом и кровью», Тютчев написал:

«Единство, – возвестил оракул наших дней, —Быть может спаяно железом лишь и кровью…»Но мы попробуем спаять его любовью, —А там увидим, что прочней…

В советском интернационализме, который продолжал ту же линию, ради упрощения само понятие национализма было выхолощено и приравнено к национальному эгоизму. Это было тяжелой деформацией обществоведения. Она лишила нас инструментов для понимания этнических процессов и отгородила от важного опыта других стран. Эту деформацию используют и сегодня идеологи из команды Горбачева – Ельцина для подавления русского гражданского национализма.

Предупреждения об опасности национализма надо иметь в виду, но возводить в закон нельзя. Принцип «Возлюбите врагов своих», на который упирал Вл. Соловьев, теряет смысл, если враг тебя уничтожает.

В связи с этим следует отдельно сказать о событиях в Кондопоге. Немного утихли страсти, можно поговорить о сути дела. В момент общего возбуждения лучше не лезть, не подливать масла в огонь, в такие моменты надо решать срочные задачи.

Но теперь надо сказать и о задачах общих, долговременных. Ведь Кондопога – не первая и не последняя точка на том пути, куда нас столкнула реформа и развал СССР. И в каждой точке от всех нас зависит, по какому пути пойдут события дальше, отведем ли мы этот путь от пропасти или проложим его круче под уклон.

Не будем заострять внимание на деталях, они затемняют суть дела. Были или не были приезжие с Кавказа в Карелии «незаконными» мигрантами? Это формальность, не в ней дело. Кто начал драку в кафе «Чайка»? Это важно для следствия, но тоже не меняет сути дела. Ведь в советском стабильном обществе речь бы шла о драке со смертельным исходом между гражданами, о преступлении, которое совершили такие-то и такие-то лица. Теперь же речь идет о конфликте межнациональном, на митингах требуют выселения «кавказцев», то есть коллективного наказания по этническому признаку. Кафе «Чайка» подожгли не потому, что его хозяин сам совершил преступление, а потому, что это «кавказское» кафе, а «кавказцы» соединены круговой порукой.

Попытки представить такие случаи как бытовые конфликты или «криминальные разборки» успеха не имеют. Эти конфликты «окрашены» национальной неприязнью. Откуда она и куда нас ведет?

Главная социальная, массивная причина, которая прямо затронула более половины населения РФ, порождена реформой. Она подорвала хозяйство страны и ту плановую систему, которая не допускала региональных социальных катастроф. Она сломала и ту административную систему, которая регулировала перемещение больших масс людей по территории страны, не допускала внезапного и неорганизованного межэтнического смешения. Известно и из науки, и из опыта, что такое смешение неизбежно ведет к конфликтам, это определено самой природой этноса как типа человеческой общности. Вторжение в пространство такой общности большой массы «иных», не успевающих (или не желающих) следовать нормам местной культуры, неизбежно вызывает кризис, всплеск национального чувства. Это прекрасно знали в царской России и в советское время, но это игнорировала власть реформаторов 90-х годов.

Эта власть создала такой кризис межнациональных отношений, который в самом благоприятном случае придется преодолевать не менее десятка лет. Это надо понять и в своих действиях стараться хотя бы не навредить.

Всего кризиса мы касаться не будем, он велик и сложен. Часть его состоит в том, что ряд регионов РФ погрузился в социальное бедствие, которое вытолкнуло оттуда массы людей в поисках заработка. Когда в нашей среде оказываются приезжие русские или похожие на них чуваши, этого почти не замечают. Появление общины с Кавказа, людей иного этнического типа, с иными культурными особенностями и стилем поведения, вызывает болезненную реакцию даже независимо от сопутствующих факторов – таких, как экономическая конкуренция с местными, преступная деятельность «чужого типа» и пр. Возникает общая почва для конфликта, и достаточно искры, чтобы он вспыхнул.

Уподобив общество организму, надо вспомнить, что даже ткани одного организма, все одинаково родные и необходимые, не должны «неорганизованно» проникать друг в друга. Когда это происходит при травме, возникает воспаление, их взаимное отторжение, чреватое гибелью организма. Даже несильный удар, вызвав излияние из лопнувших сосудов ничтожного количества собственной крови в соседние ткани, вызывает местную болезнь и ее видимое проявление – синяк. А реформа просто разорвала ткани страны, перекрутила ее сосуды и сухожилия. Мы сейчас тяжелобольная страна, и пытаться облегчить нашу боль, создавая образ врага из наших же регионов и частей нашего же большого народа, – значит помогать доконать Россию.

Многие в этом заинтересованы, но не русские и не кавказцы, способные взглянуть чуть-чуть в будущее.

Вторжение «иных» сверх критической массы всегда вызывает болезненную реакцию. Но она многократно усиливается, если и местная общность переживает кризис. Когда в доме беда, не до посторонних, их присутствие ранит. Даже благодушных иностранных туристов не хочется видеть. А ведь из районов бедствия (особенно с Кавказа) приезжают люди в далеко не лучшем состоянии – настороженные, взвинченные, озлобленные страхом и, у большинства, зверской эксплуатацией со стороны своих же хозяев. Многие из них ушиблены той антирусской пропагандой, которой промывают им мозги уже двадцать лет. Такова наша реальная обстановка – горючий и взрывчатый материал с обеих сторон. И множество бесов прыгает наготове, с запалами и керосином.

Как же, в целом, ведут себя в этой обстановке наши люди, вышедшие из советского строя? Они проявляют такой уровень терпимости, разумности и достоинства, какой и не снился «цивилизованным» обществам Запада. Наши СМИ, которые раздувают миф о ксенофобии русских (а тем более преступный миф о «русском фашизме»), ведут сознательную информационную войну против России. Те интеллигенты и политики из кавказских республик, которые этот миф поддерживают, ведут войну против своих народов. Если бы русские восприняли хотя бы ничтожную долю расизма и той ненависти к «мигрантам», которые пылают в сознании западного среднего класса, Россия уже была бы взорвана и забрызгана кровью и малых народов, и самих русских.

Для русского уха слово «ксенофобия» звучит как-то зловеще. Изначальный же смысл скорее должен внушать сочувствие. По-гречески «ксенос» – чужой (отсюда «ксения» – гостеприимство); «фобия» – страх, причем тягостный, навязчивый. Ксенофобия – боязнь чужого. Но изначальный смысл никого не интересует, прикрываться им нельзя. В настоящее время слово это приобрело определенно отрицательный смысл и означает неоправданную неприязнь или даже ненависть к чужим, и даже шире – к «иным».

В широком смысле слова под иными могут пониматься люди иных социальных групп или культур. Можно с натяжкой назвать ксенофобией неприязнь к панкам или интеллигентам («Ишь, нацепил очки и шляпу!»), но это будет тонко. Главное употребление слова – неприязнь к этнически иным людям, к «другой нации». Иногда эта нелюбовь ограничивается интеллектуальной сферой – человек не любит «иных», думает об этом, рассуждает, но ведет себя с ними корректно и может даже при случае встать на их защиту от хулиганов. Другое крайнее выражение ксенофобии – агрессивная активность, вплоть до нападений, избиений и даже убийств. Понятное дело, имеются в виду акты насилия, не вызванные личной враждой по какой-то конкретной причине.

Ксенофобия – понятие широкое, родовое. Иногда она сводится к расизму – враждебности к людям иных рас («цветным»), иногда к национализму – нелюбви к гражданам других наций, даже независимо от их расы или этнической принадлежности. Для нас в России самым актуальным в данный момент видом ксенофобии стала враждебность к тем нерусским меньшинствам, которые антропологически отличаются от русских. То есть отличаются внешними признаками – цветом кожи, формой лица. На шведа не обратят внимания, а к таджику или индусу могут пристать. По существу, еще более актуальным видом ксенофобии в некоторых регионах РФ стала русофобия. Но о ней пресса и правозащитники молчат, да и мы пока трогать не будем – об этом надо говорить особо.

Не будем идти на поводу у демагогов и возбуждать страсти – ни в ту ни в другую сторону. Упорядочим вопрос хладнокровно.

Здоровое отчуждение от «иных» совершенно необходимо для существования любой человеческой общности и даже личности. Каждый человек имеет свое «пространство» и должен защищать его от непрошеных вторжений чужих людей. Даже соборная личность, при ее крайней всечеловечности, не может «слиться» с другими – или она перестанет быть личностью. К такому слиянию (впрочем, только со своей нацией) стремились фашисты – потому и одели своих приверженцев в одинаковые рубашки («одна рубашка – одно тело»).

Очень важно охранять свои границы для семьи. Есть нормы гостеприимства и отношений с чужими, свои в каждой культуре. Они имеют четкий предел, за который «посторонним вход воспрещен». Если он не соблюдается, семья гибнет. Ксенофобия – страж этого предела. У нас проблема в том, что для нынешней российской элиты, которой служат СМИ и большинство интеллектуалов, ксенофобия русских является пороком и преступной наклонностью, а ксенофобия, скажем, англичан заслуживает всяческого уважения. «Мой дом – моя крепость» – ах, какие мудрые пословицы у этих англичан! Как нам еще далеко до Европы!

Этническое самосознание любого народа возникает при делении людей на «мы» и «они». Здесь всегда есть примесь ксенофобии. Требовать ее полной ликвидации – значит запретить народу обладать собственной идентичностью. Это – враждебная демагогия, не надо на нее уши развешивать.

Сложным становится эта проблема, когда ксенофобия приобретает болезненный, агрессивный и организованный характер. Особенно когда она политизируется, то есть организация, собравшаяся на платформе ксенофобии («борьбы с чужими»), претендует на политическое влияние и делает программные заявления. Явно или слегка прикрыто она выдвигает проект жизнеустройства, на который вынуждены соответственным образом реагировать те народы, группы и личности, которые становятся объектом этой ксенофобии. Этот проект может иметь разрушительные последствия для страны, причем не только для жертв ксенофобии, но и для тех, от имени которых он выдвигается (как, например, проект «Россия – для русских!»). Значит, агрессивная ксенофобия какой-то части народа может его раскалывать и даже вести к гражданским войнам большей или меньше интенсивности. Это – исторический факт.

Россия сейчас находится в состоянии глубокого и длительного кризиса, который создает массу веских причин для ксенофобии разных типов и разной степени. Если ее умело направлять, да к тому же слегка финансировать, она становится мощным политическим инструментом для разрушения даже великих и культурных стран.

Исторически русская культура всегда удерживала ксенофобию на низком уровне – в отличие от Запада, где рано начали складываться национальные государства на основе сплочения «против иных». Русские отличались большой уживчивостью, что и позволило им быстро прирастать в численности и расселиться по очень большой территории (включая Аляску и Калифорнию). Очень показательно поведение русских в зонах межэтнических контактов – на тех окраинах, куда крестьяне убегали в «казаки». Казаки быстро осваивали местные способы ведения хозяйства, одежду и утварь, заводили тесные дружеские отношения, осваивали язык местных народов. У них не было тех барьеров, которые создает избыточная ксенофобия.

Так, ксенофобия, которая наблюдается в среде русских сегодня, является не нормой, а признаком болезни общества – аномалией. Она вызвана общим длительным кризисом. Но даже эта кризисная ксенофобия не идет ни в какое сравнение, с тем, что наблюдалось в периоды кризисов на Западе. Когда на Западе зарождалась рыночная экономика, разорявшая большие массы крестьян, ремесленников и даже дворян, возникала острая вражда к носителям «духа рынка», финансистам и торговцам. Поскольку основную массу их составляли евреи, эта вражда принимала форму юдофобии (ксенофобии по отношению к евреям). Это приводило к тотальному изгнанию евреев из страны (как в Англии, Франции, многих областях Германии и Италии, позже в Испании в 1492 г.) и преследованию тех крещеных евреев, которых подозревали в тайном исповедовании иудаизма, при этом изгнанные бежали в основном в славянские страны. О кризисной ксенофобии в Германии 30-х годов и говорить нечего.

Иногда говорят, что присущая кризисам ксенофобия имеет чисто социальные основания и является лишь средством сплотить свою этническую общность для решения экономических проблем (конкуренции). Да, такой мотив имеется. Но дело в том, что момент становления ксенофобии как явления и ее дальнейшее развитие – разные вещи, как и в любом конфликте. Выпущенный из бутылки джинн ксенофобии начинает жить своей жизнью. Выше уже упоминалось, что в России начала XX в. на окраинах произошли погромы, первый – в Кишиневе в 1903 г. Он был вызван экономическими причинами – торговцы-молдаване не могли конкурировать с евреями. Но затем порожденная конкуренцией ксенофобия оформилась как идеологическая доктрина и стала фактором политики. Возник обобщенный образ врага, дающий людям простое объяснение кризиса и вызванных им бедствий.

Когда такое объяснение становится стереотипом и начинает действовать автоматически, логика бывает бессильна. Политические цели, ради которых создаются идеологические стереотипы ксенофобии, могут быть различны. Иногда свои националисты пытаются с их помощью сплотить свой народ, иногда, наоборот, ксенофобия нагнетается врагами этого народа, чтобы загнать его в ловушку, расколоть и стравить с соседями.

Можно принять как общее правило, что ксенофобия, вышедшая за рамки необходимого охранительного различения «свой-чужой», работает на ослабление народа. Подверженное агрессивной ксенофобии меньшинство создает вокруг всего народа зону отчуждения или даже активной вражды – ответной ксенофобии. Ущерб от нее велик, как бы ни были малы враждебные этнические общности, с которыми приходится жить вместе. Тут ссылаться на численное преимущество глупо. В Испании у сепаратистов-басков действует всего около сотни боевиков, но 35 миллионов испанцев живут в постоянном стрессе.

Напротив, сознательное ослабление ксенофобии дает народу большие выгоды. Вьетнамцы, ведя тяжелую войну с колонизаторами-французами, договорились не допускать антифранцузской ксенофобии. Редкий случай, но этим они получили мощную поддержку во Франции. Поражало и то, что и позже они во время войны не допустили вспышки ксенофобии по отношению к американцам. Это помогло и в войне, и в создании в США большой вьетнамской диаспоры. Такое же решение приняли в борьбе против англичан индусы – и смогли подключиться к английской культуре, науке, языку. Другие народы в своей борьбе сделали ставку на ксенофобию – и многое потеряли.

Одно из важнейших сегодня понятий в манипуляции сознанием – фашизм. В информационно-психологической войне против русских оно применяется на двух направлениях. Первое – миф о принципиальном сходстве советского государства с фашистским. Второе – миф о русском фашизме. Это две большие программы, рассмотрим их порознь. Но сначала о самом фашизме.

О нем надо говорить серьезно. Это явление огромное и загадочное – припадок Запада, нами плохо понятый. Призрак фашизма так и бродит по Европе, но теперь он в маске, в пиджаке и галстуке демократа – толкует о глобализации и расе избранных («золотом миллиарде»).

Идеологи глобализации искажают реальный образ фашизма, вычищают из него суть и заостряют внешние черты так, чтобы ярлык фашизма можно было прилепить к любому обществу, которое не желает раскрыться Западу. Как только Россия попытается снова завладеть своими собственными ресурсами, ее станут шантажировать этим ярлыком. И на это мы не можем наплевать и забыть. Война идей и образов нам навязана, в ней надо хотя бы обороняться.

Ярлык фашизма – мощное оружие. Преступления немецкого нацизма оставили в памяти такой глубокий след, что слово «фашизм» стало очевидным и бесспорным обозначением абсолютного зла. Политического противника, которого удавалось связать с фашизмом, сразу очерняли в глазах общества настолько, что с ним уже можно было не считаться. Он уже не имел права ни на трибуну, ни на диалог. Он получал «черную метку».

Так, фашистом называли Саддама Хусейна, хотя для этого не было никаких оснований, кроме того, что он «кровожадный

мерзавец» и не давал установиться в Ираке демократии – а там все о ней только и мечтали. Ну и, конечно, нефть не давал выкачивать. Но на Западе даже помыслить нельзя было, чтобы не то что Саддаму, а вообще любому иракцу дали выступить по телевидению или в газете. Фашист!

Идеологам, чтобы использовать ярлык фашизма, надо сохранять это понятие в расплывчатом виде. Если ярлык описан нечетко, его можно приклеить к кому угодно – если контролируешь СМИ. Поэтому не найти серьезного и доступного труда, который бы всесторонне осветил сущность фашизма. На знание о фашизме, этой позорной болезни Запада, наложен запрет, которого никто не осмелился нарушить. Когда спрашиваешь об этом на Западе, там отвечают, что не хотят «ворошить свое собственное дерьмо». Это ерунда. Всякого дерьма у них много, и они любят его поворошить. Но не фашизм!

Был у наших идеологов такой «прокол» лет десять назад. Тогда в РФ раскручивали психоз «русского фашизма» и хотели принять драконовский закон «об экстремизме». Кто-то сдуру надоумил Ельцина поручить Российской Академии наук дать внятное определение фашизма. Как академики ни бились, прилепить этот ярлык ни к какому русскому движению не удалось – и больше об этом поручении и о приготовленном Академией докладе ни разу не упоминалось.

В коротком тексте мы не можем описать все родовые признаки фашизма. Укажем главные. Берем формулы видных западных философов. Фашизм – это гипертрофированный либерализм, то есть либерализм, доведенный до логического завершения. Он во всей полноте выражает идею конкуренции. Предшественник фашизма Шпенглер говорил: «Человеку придает высший ранг то обстоятельство, что он – хищное животное». Но и как хищные звери люди не равны. Фашизм исходит из идеи сверхчеловека – «белокурой бестии», которая имеет право грабить другие, низшие народы («недочеловеков»).

Фашизм есть крайний расизм, для него человеческий род не един, а делится на высшие и низшие расы. Шпенглер писал: «Существуют народы, сильная раса которых сохранила свойства хищного зверя, народы господ-добытчиков, ведущие борьбу против себе подобных, народы, предоставляющие другим возможность вести борьбу с природой с тем, чтобы затем ограбить и подчинить их».

Фашизм – тоталитарный ответ на притягательный образ СССР, который считался «Востоком». Фашизм означал войну, цель которой была ограбить и уничтожить славян («низшую расу»). Философ В. Шубарт в книге «Европа и душа Востока» писал: «Смысл немецкого фашизма заключается во враждебном противопоставлении Запада и Востока».

Все устои и смыслы русской культуры несовместимы с фашизмом. У русских – свой тип национализма или тоталитаризма, но ничего общего с фашизмом он не имеет. Миф о «русском фашизме» – идеологическая антирусская диверсия. По ней можно судить, «кто есть кто».

Разберемся, почему фашизм не может быть русским. И добро, и зло каждого народа вырастает из его культуры, его мировоззрения. Пробежав по главным родовым свойствам фашизма, мы увидим, что в русской культуре ему места нет, хотя иных видов зла и у нас хватает. В чем несовместимость?

Фашизм – не просто особый жестокий вид тоталитаризма, который нанес нам много ран. Это глубокая, даже трагическая болезнь всей западной цивилизации, которая не излечена и грозит проявиться в новых формах.

Фашизм был болезненным припадком группового инстинкта, подавленного в атомизированном человеке, который страдал от тоски одиночества. Это был припадок общества, как случаются болезни и припадки (например, эпилепсии) в отдельном человеке. Русский человек не испытывает этой тоски и не может страдать этой болезнью – потому что в России не произошло рассыпания народа на индивидов. В разных вариациях наше общество всегда было образовано из соборных личностей.

Солидарность фашизма внедрена с помощью идеологического гипноза в сознание человека, который уже много поколений осознает себя индивидом. Стремление плотно сбиться в рой одинаковых людей достигло в фашизме крайнего выражения – все надели одинаковые коричневые рубашки. Они были символом: одна рубашка – одно тело. Отсюда и название «фашизм»: по-латыни fascis значит сноп.

В России никто не звал к сплочению в рой, ибо для этого люди должны были бы сначала пройти до конца атомизацию, превратиться в индивидов. У нас не было болезненного приступа инстинкта группы, ибо он постоянно и незаметно удовлетворялся через полноту солидарных связей соборной личности. «Русскому тоталитаризму» не нужно было одной рубашки, чтобы выразить единство. Оно культурно унаследовано от множества поколений.

Фашизм вырос из идеи конкуренции и подавления друг друга – только перенес это с уровня индивида на уровень расы и народа. Русская культура стоит на идее любви и взаимопомощи людей и народов. Фашизм есть принцип разделения народов. Он «превратил борьбу классов в борьбу наций».

Русским для сплочения народа не нужно было факельных шествий, средства фанатичной спайки. Даже официальные советские праздники были гуляньями, дети ехали на отцовских шеях, при остановках колонны появлялась гармошка, под которую плясали старики. Нам были чужды пессимизм и «воля к смерти», присущие фашизму. Там режиссеры массовых митингов-спектаклей возродили древние ритуалы, связанные со смертью и погребением. Молодежи внушили идею «преодолеть» смерть, самим став служителями Смерти. Так фашисты создали особый, небывалый тип армии – СС. Русское мироощущение жизнерадостно. Мы верили и верим в добро. С этим и эсэсовцам накостыляли.

Теперь о расизме. Нам говорят: кто бьет негров, тот расист, кто хвалит свой народ – националист. Это не так. Суть – во взглядах

на человека. Русский хулиган может обругать негра. Но он обругает его как человека, как бы он его ни обзывал. Он не расист, а лишь выражает, в тупой и грубой форме, неприязнь к иному. Фашизм мыслит иначе.

Когда немцы в 1941 г. вторглись в СССР, наши поначалу кричали из окопов: «Немецкие рабочие, не стреляйте. Мы ваши братья по классу». Потом из оккупированных деревень стали доходить слухи, что немцы, не стесняясь, моются голыми и даже справляют нужду при русских женщинах. Не от невоспитанности, а потому, что не считают их вполне за людей. Фашист верит, что он – сверхчеловек, а другие – недочеловеки.

Фашизм означал соединение «избранного народа» – против низших рас, которым предназначалось рабство. Это и есть национал-социализм – для немцев социализм, а другие – «внешний пролетариат», работающий на немцев. Русские видели социализм как желанный образ жизни для всех людей на земле, как соединение всех во вселенское братство. Под этим – православное видение человека.

У русских фашизоидные черты проявляются лишь у отщепенцев, которые заразились болезнями Запада. Да и то они больше притворяются, пока это выгодно, – относиться к большинству русских как низшей расе. Эту дурь из них мы вытряхнем.

Воссоединение исторической России

В прежние времена, с полвека назад, детям обязательно рассказывали сказку о том, как старик, умирая, давал сыновьям последний совет. Велел принести веник и сломать его. Не получалось – а разобрав не веточки, сломали без труда. Русским сегодня надо объединяться потому, что нас разобрали, как тот веник. Другое дело, что ломают нас в основном без треска. 12 миллионов умерли «неестественной» смертью, и почти никто из них не крикнул, даже хрипа почти не было слышно – кругом ведь музыка, ряженые пляшут…

Почему же русские так легко позволяют не то что угнетать, а просто убивать себя целыми большими кусками? Почему они как будто потеряли зрение и слух и даже не видят и не слышат, как тихонько стонут убиваемые? Ведь это ненормально, так никакой народ не выживет. Потому, что за время реформ русские утратили свое общее, надличностное зрение и слух. Каждый вроде как был, так и остался – видит и слышит, но как частица народа он ослеп и оглох. А если утрачены эти качества народа как целого, то нет и мнения народного. А значит, нет и силы. Режьте нас и стригите, люди добрые!

Почему у нас утрачены (ослаблены) эти качества? Почему малые народы так сильно сплотились? В основном потому, что русские уже четыре века служат ядром очень большой страны. В них сильно державное сознание, они как будто отвечают за государство в целом. Чувство государственности как-то вытеснило чувство «только своего» народа. И государство выполняло свою роль, связывало русских в народ своими методами – хотя и взваливало на русских тяжелую ношу.

Как только державное государство рухнуло, русские остались без рычагов. Опасности для себя в империи они не чувствовали и к нынешним временам оказались не готовы. А эти времена породили для русских такие угрозы, которые, как говорят врачи, несовместимы с жизнью организма. Речь идет о народном организме, потому что отдельные особи из русских могут благоденствовать, даже наблюдая за угасанием народа.

Вот для этого, в общем, и нужно русским объединение. Чтобы обрести силу и предотвратить наступающие на русский народ угрозы. А уж те угрозы, которые мы предотвратить не успеем, преодолеть с возможно меньшими потерями. Это можно сделать, обретя силу именно народную, а это сила особого рода. Сильных русских и сейчас немало – Шарапова в теннис всех побьет, Потанин миллиардами трясет. Но от сложения таких сил страна не поднимется, даже если Потанин будет каждый день давать нищим по тысяче рублей.

Народная сила возникнет лишь тогда, когда основная масса людей, считающих себя русскими, найдет понятный для всех таких людей язык и договорится между собой о главном. Именно о главном, о десятке вопросов нашей судьбы. О второстепенном пусть спорят наши горланы-главари до скончания века. Если же о главном русские договорятся и образуют свое мнение народное, пусть вслух и не высказанное, то маленькие и большие силы всех и каждого приобретут одно общее направление. В главном!

И эта сила будет неодолимой. Не надо будет даже кричать и размахивать руками. Эта сила окажет такое давление на власть, что государство снова станет инструментом в русских руках (хотя, конечно, и цари, и генсеки, и президенты всегда наивно думают, что они управляют этими руками).

Есть и другой способ объединения – не в народ, а в гражданское общество, в партии, которые грызутся между собой в парламенте. То есть объединение частями, по интересам, как бы в большие фирмы.

Но так у русских пока не получается, а время уходит. Надо учиться, но уже видно, что без сборки нашего общества другими связями – не классовыми, а народными – нам не обойтись.

Если мы хотим добиться объединения народа, то слово для этого – первый инструмент. Мы больше видели, как «словом останавливали солнце, словом разрушали города». Восстановление и строительство как-то меньше заметны, чем взрывы и катастрофы. Но наступает момент, когда все больше и больше людей вдруг охватывает чувство: все, теперь пора собирать камни! Хорошо, конечно, если в этот момент небо посылает нам Минина и Пожарского, царя-строителя или вождя-командира. На худой конец, хотя бы варягов. Но нельзя же вечно сидеть и жадно глядеть на дорогу. Не едет барин, ну что тут поделаешь! Придется самим…

В чем главная трудность для нашего разговора? Первая – в нашей исторической судьбе. Много бедствий выпало на долю нашего народа, и каждое бедствие вызывало такие страсти и внутренние раздоры, что «пепел Клааса» стучит буквально в каждое русское сердце. Этот пепел – чужой поэтический образ, но близкий нам, как никому другому. Он – из книги о Тиле Уленшпигеле, призван оживлять ненависть протестантского Севера Европы к католической Испании (Клааса, отца Тиля, сожгла инквизиция, и Тиль носил у сердца мешочек с пеплом).

Но вторая трудность – наш русский характер. Мы живем в Большом времени и ничего не забываем. Нас волнуют события тысячелетней давности, и мы готовы разодраться из-за того, кто основал Киевскую Русь – норманны или славяне. После этого уже десяток исторических эпох минуло, а у нас душа болит. А уж за Кровавое воскресенье или за убиенного царя мы готовы спалить все наши города и села. Европейцы, пощелкав на счетах, спрятали свои мешочки с пеплом в сейфы, а наши начинают стучать при первом кличе поджигателей.

И судьба, и наш характер – это, конечно, данности. В них наша сила, в них и слабость. Надо уметь ими распорядиться. Памятью о бедствиях можно питать философскую лирику, а можно тренировать волю к победе. Да, наши отцы и деды многое пережили,

но ведь этот их опыт – наша ценность. Сказал умный немецкий философ: «Сытые народы не зацветают будущим». В этом смысле будущее – за нами. А наш не менее умный ученый, знаток крестьянства, сказал: «Побеждает тот, кто умеет голодать». Если так, то мы явно движемся к победе – реформа у нас это уменье освежила.

Так же и с пеплом. Ну зачем все время трясти эти мешочки и ворошить этот священный пепел? Пришли ученые к мудрой мысли: народ жив, пока сохраняет способность забывать. Ту же мысль, слегка по-другому, выразил Пушкин: творить можно, только если умеешь забывать. А жизнь народа – это непрерывное творчество. Остановка – болезнь, движение назад – гибель.

Речь не о том, чтобы стереть прошлое из памяти и обрести жизнерадостность кретина. Народная память должна принадлежать народу, в нее нельзя пускать грязные лапы манипуляторов. Факт, что за последние двадцать лет они сумели разбередить все наши старые раны и расширить все уже заросшие трещины. Мудрость традиции раскладывает память по полочкам, не дает ее смешивать и выдергивать из нее что-то на потребу авантюристам. А они сегодня очень опасны, они научились даже из самого сокровенного воспоминания выращивать «идолов площади» и «поднимать род на род». Мы должны противопоставить им наш разум и ответственность за будущее.

Сегодня мы стоим перед выбором. Все уже чувствуют, что это выбор более глубокий, нежели может выразить язык политики. Это – выбор жизнеустройства, выбор пути, который надолго определит судьбу русского народа и множества народов России. Потому-то увязли реформы, потому-то нет и активного социального протеста. И очень осторожно ведут себя люди на выборах. Народ застыл в раздумье.

Думать сегодня тяжело. Реформаторы и их идеологи отравили каналы общения, разрушили язык, воззвали к темным инстинктам, вбросили в умы массу идолов и разорвали историческую память. Ущерб, который нанесли они этим нашей культуре, несопоставим с их политическим выигрышем. Они поступили как хищники, убивающие не для еды.

В войне цивилизаций, получившей условное название «холодной войны», мы потерпели поражение во многом потому, что «не знали общества, в котором живем». Мы не знали, в чем суть русской цивилизации, что для нее полезно, что безвредно, а что смертельно.

Вот результат перестройки и реформы, ставший страшной угрозой для России, – произошедшая в 90-е годы под воздействием СМИ массовая утрата связности мышления и общего языка. Как нам говорить друг с другом, как соединить усилия для спасения, если простые и ясные понятия, простая и ясная логика отвергаются?

Нам навязали чужой язык, ложные туманные понятия. А ведь принять язык чужого – значит незаметно для себя стать его пленником. Даже если ты понимаешь слова иначе, чем собеседник, ты в его руках, т. к. не владеешь стоящим за словом смыслом, часто многозначным и даже тайным. Это – заведомый проигрыш в любом споре. На земле же сегодня идет глобальный спор о путях человечества, о вариантах выхода из общего кризиса, в который загоняет нас «золотой миллиард» с его безудержным потреблением.

Вот самый главный, самый грубый выбор: есть общества, построенные по типу семьи, и общества, построенные по типу рынка. Внутри этих типов есть свои варианты, свои свободы и несвободы, свои общественные болезни и припадки, но сначала надо разобраться с главным. Нам надо вспомнить азбучные истины и вернуться от идеологических привидений к языку жестких земных понятий.

Все больше и больше людей, даже с высшим образованием, начинают понимать, что приемлемое жизнеустройство в стране может быть воссоздано, только если оно находится в согласии с двумя устойчивыми и неустранимыми условиями – реальной природной средой России и ее культурой. Путь, по которому пошли реформаторы в 90-е годы, с этими условиями несовместим и к успеху привести не может. Наша судьба решается теперь скоростью двух процессов – истощением России и созреванием способности общества и государства остановить разрушение.

Какой из этих процессов раньше достигнет критической точки? Еще есть надежда на то, что общество успеет восстановиться раньше. На это и надо направлять усилия.

Интеграция дословно значит соединение, образование чего-то целого из частей. Еще древние греки говорили: «Целое больше суммы его частей». Это значит, целостная система означает нечто совершенно иное, нежели куча не связанных между собой «деталей». Целое, как говорили греки, имеет особую силу, «душу» – энтелехию. Живой человек или его расчлененный труп – вот разница между целым и суммой его частей.

Интеграция, создание целого, наполнение его жизнью и силой всегда считались великим творческим делом. Вот сказки: лежит убитый предателями богатырь, тело рассечено. Ворон приносит мертвую воду – тело срастается, окропили его живой водой – вернулась душа в тело, встал богатырь.

Историческую Россию, которую мы помним в образе СССР, убить не убили, но предательски расчленили. Жизнь теплится, но порознь куски России выжить, похоже, не смогут. Кого-то, может быть, заберут в Запад, они там прирастут к другому телу. Кто-то к другому телу не желает, а кого-то и не возьмут туда. В нынешнем искалеченном состоянии страна долго не протянет, это состояние ненормальное, нестабильное. Неминуемо пойдет или интеграция, или дальнейший распад с новой пересборкой. Как бы ни злобствовали планировщики Нового мирового порядка, интеграция стоит в национальной повестке дня России.

Россия изначально собиралась иначе, чем страны Запада. Там пошли по пути ассимиляции – поглощения и «переваривания»

небольших народов главным, «государствообразующим». Не все там удалось, но в целом возникли более или менее однородные нации – французы, немцы, англичане. Собирание России, напротив, было интеграцией – каждая новая часть включалась в целое, не теряя своей особенности и самобытности. Каждый народ, входя в Россию, придавал этому целому какое-то свое качество. Это труднее, чем ассимиляция, система получается гораздо сложнее. Но разнообразие – великая ценность и порождает свойства, незаменимые в трудные моменты.

Из больших народов русские выделяются замечательной способностью к интеграции, к уживчивости с другими и умением привлечь их к общему делу. Потому-то они и стали большим народом и освоили огромные просторы Евразии. Потому Россия и стала большой цивилизацией, по своей сложности и потенциалу сравнимой с Западом. Примем это как факт, о корнях надо говорить особо.

Можно говорить об объектах и пространстве интеграции. Для нас, например, актуальна экономическая интеграция некоторых постсоветских республик вместе с РФ – в одно экономическое пространство. Идет работа и по интеграции вооруженных сил дружественных республик в объединенную систему безопасности. Интеграция есть, если соединение частей создает систему, качественно новую целостность. Иные проблемы встают при попытке РФ интегрироваться в энергетическую систему Запада, стать ее частью. Другое пространство, другая система, тут пытаются обмениваться акциями компаний, совместно владеть трубопроводами, делать наши поставки незаменимыми для Европы.

Для нас важно, что интеграция не достигается просто путем обмена – ты мне, я тебе. Между продавцом и покупателем на рынке, конечно, возникает взаимодействие, но это связи слишком временные и слабые, рынок не соединяет части в целое. Интеграция – это всегда создание какого-то «общего котла», в который каждая часть вносит свою лепту. Например, семья в отличие от рынка – сильно интегрированная система. Здесь каждый ее участник делает свой вклад, и все они соединяются, а не обмениваются. Это соединение и создает то целое, которое «больше суммы частей». Очень часто вклады участников несоизмеримы между собой, они качественно так различны, что выразить их в единообразной форме, например, денежной, трудно или невозможно.

Когда во время перестройки производили дезинтеграцию СССР, то есть расчленение системы на части, то напирали на экономическую выгоду или невыгоду. Это был подлог, и только тотальное господство клики Горбачева в СМИ не позволило вовремя его разоблачить. Потеряв целостность страны, мы утратили такие огромные выгоды (энтелехию), которые никакими деньгами не оценить.

Так же заинтересованные силы отводят нас от интеграции России и Белоруссии, напирая на то, что невыгодно продавать ей газ по заниженной цене, надо перейти на исключительно рыночный обмен.

Чтобы лучше понять смысл интеграции, поговорим о дезинтеграции. Что такое дезинтеграция? Это процесс, противоположный интеграции, – разделение целостной системы на части, активное расчленение целого, при котором устраняется тот «кооперативный эффект» (синергизм), который и придает главную ценность системной целостности.

Этот кооперативный эффект может достигать огромной величины, придавая системе чудесную, внешне необъяснимую силу. Вот многим очень знакомая вещь – «ерш». Смешай умело водку с пивом, и опьяняющий эффект можно увеличить до пяти раз. А если умелый врач прописывает принять сразу три антибиотика, он может достигнуть и стократного эффекта в подавлении микробов (но мы часто по незнанию проводим дезинтеграцию этой системы и принимаем антибиотики по одному). Куда ни глянь, мы видим эту чудесную силу. Звено истребителей по силе несравнимо с двумя одиночными пилотами. Сыгранная команда побеждает созванную на один матч сборную «звезд», которая не успела интегрироваться в систему.

Все это прекрасно знают политики, с древности усвоившие принцип: «Разделяй и властвуй!». Это значит, что в любом противостоянии (войне любого типа) важнейшие боевые операции имеют целью нарушение системной целостности противника. В этом деле главную роль играют не громилы, а вдумчивые аналитики. Для них найти «слабое место» у противника – значит нащупать в его системе тот узел связей, который соединяет его усилия в механизм с кооперативным эффектом. Кольнул в это место булавкой – и чудесной силы как не бывало. Иногда такие уколы приходится долго готовить, но расходы окупаются. Не оценить в деньгах потери России от того, что значительную часть украинцев сумели настроить против русских. Это была операция высшего класса.

Но такими уколами дело не ограничивается. Война – это дезинтеграция противника во всех измерениях. Первым делом воздействуют на связи, а не на внутренне сплоченные элементы систем. Так на фронте слабые места – стыки и фланги, то есть участки, где части связаны друг с другом. В больших кампаниях бьют типам связей. Из экономии, конечно, стараются ослабить или разорвать связи, играющие критическую роль, а дальше возникший кризис рвет и калечит остальные связи сам.

Для нас главные системы – это страны и народы (можно сказать, что это ипостаси одной системы). Мы пережили дезинтеграцию СССР и наблюдаем вялотекущую дезинтеграцию РФ. Процесс у нас перед глазами, можем учиться. Без этого знания не собрать страну и народ…

Расчленение страны – всегда бедствие для ее жителей (радуются только отщепенцы и мародеры). Нас стараются убедить, что это произошло самопроизвольно, говорят: «распад СССР». Это обман или ошибка, речь идет о развале, об активной программе дезинтеграции. Даже размолоть камень – требуется много усилий, а сложные «живые» системы скреплены комплексом связей с огромным разнообразием. Довольно легко перечислить примерно сотню типов таких связей, а для простоты объединить их примерно в десяток «пучков».

Пройдя мысленно по их перечню, мы и увидим программу дезинтеграции. Это полезно сделать, чтобы договориться о том, какие связи надо защищать, укреплять, восстанавливать, какие надо строить заново и по-другому, какие в новой реальности никуда не годятся, так что остатки их надо обрезать и зачистить. Опыт разрушения систем дает колоссальное знание, и раз уж над нами такой жестокий эксперимент история поставила, надо из него выжать максимум информации.

Разрушение каждого пучка связей – особая программа и особая тема. Здесь просто назовем некоторые из них. Важнейший пучок связей создает государство – едиными законами, общим языком и идеологией, своими символами, множеством систем, соединяющих людей и территории (например, армией и школой). Подорвать авторитет государства, подтачивать те связи, которыми оно стягивает страну и народ, – вот первое измерение дезинтеграции.

Страна – географическая целостность. Но для ее поддержания нужны большие системы – транспорта, связи, охраны границ, энергосетей и пр. Вот, например, в 1999 г. морским транспортом в районы Крайнего Севера было завезено в 8 раз меньше грузов, чем в 1991 году (а в 2004 г. в 7,3 раза меньше), – и связность Севера с Россией резко ослабла. Число пассажиров, перевезенных воздушным транспортом, за годы реформы сократилось в РФ в 4 раза. А, например, в аэропорту Вологды за 6 лет реформы количество авиапассажиров упало в 13 раз, а в Йошкар-Оле – в 21 раз. Это – дезинтеграция.

Страна связывается общим образом жизни. Мы же видим, как регионы «расслаиваются» по доходам, по типу потребления людей, по доступу к образованию и культуре. Они растаскиваются реформой, теряют единый цивилизационный облик. Это – дезинтеграция.

Во всем этом нет ничего естественного и ничего мистического. Это нормальная работа геополитиков и системотехников. Если мы будем апатично наблюдать за их манипуляциями, то свою работу они доведут до конца. Сами собой разорванные связи не срастутся. Тут нужны знания, воля и действие.

Возможна ли воссоединение (реинтеграция) исторической России? Расчленение Российской империи в результате Февральской революции 1917 г. было краткосрочным. В ходе Гражданской войны она была опять собрана почти на той же территории (не считая Польши и Финляндии, которые входили в империю условно). В 1939 г. были возвращены и потерянные в 1917–1920 гг. западные земли.

Такое быстрое воссоединение расчлененных частей страны можно назвать реинтеграцией. Части срослись по линиям разрыва – разделенные поверхности еще не «окислились». Сейчас врачи могут даже пришить отрезанную пилой руку – если ее сразу положить в лед и поскорее доставить к хирургу.

Конечно, реинтеграция России в образе СССР происходила с обновлением многих систем, при общем подъеме и наличии принятого большинством населения и народов общего национального проекта. Имелся манящий образ будущего и вера в его достижимость. Опыт нейтрализации национализма этнических элит и очень быстрой реинтеграции страны в виде СССР считается блестящим достижением советской доктрины государственного строительства. В 90-е годы эти самые этнические элиты очень старались этот опыт опорочить, но под их дудочку плясать не стоит – их цель в том, чтобы подавить интеграционные проекты сегодня.

Подавить эти проекты – сложная задача проектировщиков Нового мирового порядка. Части расчлененной России обнаружили очень сильную тягу к реинтеграции. Мало кто вообще считает РФ «окончательной» конструкцией новой России – скорее, это переходная, промежуточная форма, которая будет где-то наращиваться, а где-то, быть может, и сокращаться. Процессы интеграции, реинтеграции и дезинтеграции продолжаются.

Об этом помалкивают, многих сторон этих процессов мы не видим, многие из них идут странным, неожиданным образом (например, принятие Латвии в ЕС побуждает молодых латышей учить русский язык – в Европе больше ценятся специалисты, воспитанные в большой культуре, а не люди из небольшого этноса с плохим знанием английского).

В какой же мере возможна реинтеграция – сращивание разорванных связей? В начале 90-х годов многие надеялись на такой ход событий. Старики в Таджикистане многозначительно предсказывали, что «СССР будет восстановлен через 7 лет», в Москве собирались съезды «Союза советских граждан». Но это не удалось. Силы дезинтеграции были намного, несоизмеримо мощнее. Срастись обрубкам не давали этнические элиты, дорвавшиеся до богатств «независимых» государств (прежде всего в самой РФ), местные этнократические кланы, заинтересованные в разрушении всех целостностей и в изоляции своих новых феодальных владений, всякие заокеанские «друзья» вроде Бжезинского и Мадлен Олбрайт.

Этнократия – это власть, господство элиты какого-либо этноса (народа, нации) над другими народами страны. Поначалу, в Древней Греции, слова демократия и этнократия означали одно и то же – власть народа, племени. Потом этнократия стала означать власть части народа, обладающего особыми этническими признаками, при ущемлении власти представителей иных этносов – племен, родов. Этнократия – всегда неравенство политических прав разных народов, привилегия одних и дискриминация других.

Этнократия может быть жесткой – вплоть до геноцида и этнических чисток или апартеида. Если не говорить об острых кризисах (как в Югославии или Бурунди), то примерами жесткой этнократии были в разные периоды своей истории США, ЮАР, Германия, Англия, не говоря о колониальных империях. Сейчас к жестким этнократиям относится Израиль, чуть помягче – Молдавия, Латвия и Эстония.

Для нас это понятие особенно важно потому, что на большой части России разрушение СССР привело не к демократии, а

именно к этнократическим режимам. Права этнократии были даны местным элитам уже в годы перестройки как плата за участие в развале СССР («берите суверенитета, сколько проглотите»). Считается признанным фактом, что антисоветская реформа пожертвовала демократией, открыв путь этнократии.

Этнократия – это власть не народа, хотя бы «избранного», а этнической элиты, захватившей власть как бы от имени «своего» народа. Нигде и никогда она не зарождалась «снизу», ее целеустремленно создает элита, используя кризисное состояние общества, чувство национальной ущемленности «своего» этноса. Общая черта этнократий – идеология этнонационализма и идея этнической государственности («Тува – государство тувинцев» и пр.).

Чаще всего власть «своих» князьков и феодалов была тягостнее, чем власть Москвы, что способствовало собиранию земель. Русь очень рано преодолела состояние этнократии – в ней возобладал принцип «служения». Россия расцвела, сумев приглушить или подавить хищность этнократий.

Этнократия служит экономическим интересам элиты: так возникают лозунги, что нефть Татарстана – «достояние татарского народа», газ Ямала – «достояние ненцев». На деле богатства регионов сначала присваиваются местными князьками, а потом перепродаются «олигархам».

Этнократия, чтобы укрепиться, ведет к архаизации власти и управления, возрождает клановость, влияние родоплеменных общностей (тейпов, джузов и др.). Она манипулирует с языком. Так, в Туве государственным признан «язык коренного населения». В Татарстане чиновникам дают надбавку за знание языка «титульной нации». Этнократия создает круговую поруку, заполняя выгодные должности людьми из «своего» народа. Так, в Адыгее, где адыги составляют 20 % населения, они занимают 70 % руководящих постов. В Татарстане до перестройки только 2 % предприятий возглавлялись татарами, а конце 1990-х годов – 65 %. Это ведет к упадку и хозяйства, и культуры.

Этнократия формирует противостояние народов, интересов этноса и личности, ищет не их компромисс, а усиление противоречий. Этнократические режимы заинтересованы в конфликтах и в поддержании напряженности. Ее нередко доводят до открытых форм противостояния – этнофобии. В Приднестровье, Южной Осетии и Абхазии возникли очаги военных конфликтов населения этих областей с этнократическими властями тех республик, в которых они оказались после развала СССР.

Когда после хаоса 90-х годов наметилось восстановление государственности России, местные этнократии стали лавировать. Попустительствуя радикальным националистическим движениям, сами они обретают облик умеренной и сдерживающей силы, «выгодной» федеральному центру и «некоренному» населению «своих» территорий.

Этнократия опирается на этнический национализм и становится врагом формирования российской гражданской нации. Изживание этнократий гораздо сложнее, чем предотвращение их появления. Пока что мы являемся очевидцами явных признаков растущего этнократизма. Нам придется еще долго расхлебывать последствия антинациональной политики нашей власти.

Общий вывод таков: в целом время, за которое была возможна реинтеграция, истекло. Уже нельзя «зачистить контакты», соединить те же провода – и машина заработает. Нужна новая программа интеграции, новое строительство целого, создание стыковочных узлов, производство материала для связей нового типа, новый язык и новые символы интеграции. Значит, нужен и новый уровень разнообразия интеграционных связей.

Новая программа гораздо труднее, чем восстановление, но она открывает и новые возможности. Появляются новые субъекты интеграции. Например, Приднестровье – новая страна, новый народ, новая культура. Его интеграция с РФ даст новое качество. То же самое – Абхазия. Она уже будет интегрироваться с Россией не как часть Грузии, а как народ с качественно новым самосознанием.

Более того, даже то направление интеграции, о котором мы больше всего думаем, – с Белоруссией – уже возможно лишь как строительство нового Союза, а не как реинтеграция двух союзных республик. Ведь для нас Белоруссия сейчас ценна не просто как кусок земли, населенный братским народом. Это – важнейший плацдарм в нашем контрнаступлении на страшный кризис. Белорусы выработали оригинальный национальный проект, сплотились вокруг него и почти вылезли из кризиса, внеся множество важных творческих изменений в структуры советского типа. Повторить этот проект в РФ сейчас невозможно – Дерипаски и Абрамовичи оседлали экономику и держат в своих руках многие другие рычаги. Но когда мы их переварим, сохраненные и обновленные в Белоруссии структуры будут нам необходимы, от других мы такой помощи не получим.

А значит, нельзя допускать реинтеграции Белоруссии и РФ, потому что тогда наши Дерипаски эти структуры, сохраненные белорусами, затопчут и задушат. Нужно строительство новых интеграционных связей, гарантирующих сохранение плацдарма, его защиту от объятий российских олигархов.

В явном виде или про себя русские люди ведут разговор о том, каков будет образ будущей России, когда она выйдет из нынешнего кризиса. Всем ясно, что мы сегодня на распутье. В нашей коллективной исторической памяти запечатлен образ России как империи, которая раскинулась на просторах Евразии. Даже когда русские оказались под игом монгольских завоевателей, они ощущали этот простор своим. Наши князья ездили в Каракорум к великому хану, русские полки были в гарнизоне Пекина. Огромные пространства были связаны сетью почтовых станций (ямов), и ямщики перевозили людей и письма с невиданной для Европы скоростью и надежностью.

Потом положение вывернулось, столицей стала Москва, татары пошли на службу в русскую конницу, землепроходцы и казаки

дошли до Тихого океана и по пути ставили русские крепости. Потом они пошли дальше – на Аляску и в Калифорнию. Россия соединила воедино три цивилизации – лесную, земледельческую и степную.

Имперский тип государства, соединивший вокруг русского ядра большую «семью народов», казался нам единственно возможным. Когда империю разогнала Февральская революция, народы окраин везде принимали русскую Красную армию как свою – и не поддержали «своих» националистов, снова собрались в империю, теперь под названием Советский Союз.

Но обе эти империи были устроены совсем иначе, чем другие, европейские империи. Те создавались по принципу «национальное ядро (метрополия) – колонии». Колонии были заморскими территориями или зависимыми от метрополии землями с усеченными правами (как славянские провинции Австро-Венгрии). Россия – единственная империя, рожденная традицией сосуществования народов на евразийской равнине. Здесь все подданные имели равные базовые права, метрополия не эксплуатировала народы окраин. Скорее, «инородцы» имели привилегии, и волнения на национальной почве происходили оттого, что их пытались уравнять в правах с русскими (например, обязать нести воинскую повинность).

В этом была уникальность России, из которой проистекала большая сила в одних обстоятельствах, но слабость в других. Имперская конструкция России была сложной и требовала постоянного внимания и скрупулезного управления. Русский народ стал одним из десятка больших народов мира благодаря империи – он «впитал» в себя часть людей из всех народов России. Они охотно «русели», тем более что их к этому никто не принуждал, а в русской среде их принимали по-братски.

Русская культура и русское государство было открыто для всех – дворянство народов, входивших в состав России, становилось частью российского дворянства, так что половина потомственных дворян были из «инородцев». Русские полки водил грузин Багратион, а сын имама Шамиля, взятого в плен после долгой и тяжелой Кавказской войны, становился генералом российской армии.

Это – вовсе не военная хитрость и не обычная вещь. Когда в 70-е годы XIX века происходило присоединение к России Средней Азии, индийские наблюдатели писали, что в России какой-то генерал – мусульманин, а другой – армянин, и командуют армиями. А «каждый английский солдат лучше дезертирует, нежели согласится признать начальником туземца, будь он хоть принц по крови».

Так русские создали империю неколониального типа. Беря «под свою руку» новые народы и их земли, эта империя не превращала их в подданных второго сорта, эксплуатируемых имперской нацией. Земли шли в общий котел, а народы принимались в общую семью. Это было выгодно и отвечало идеалам всех народов, кроме тех, кто считал себя частью Запада и тяготился такой общинной жизнью (Финляндия, Польша, часть народов Прибалтики).

Но в холодной войне с Западом наша империя два раза понесла поражения. Сначала она была демонтирована либералами-западниками Керенского, но вновь собрана в ходе Гражданской войны советской властью. В самом конце XX века уже «советская империя» вновь была расчленена пришедшими к власти либералами-западниками из команды Горбачева – Ельцина.

Сейчас мы понемногу собираемся с мыслями и силами. И перед нами встает большой вопрос: на какой основе строить нашу новую государственность. Вопрос встает потому, что в некоторой части общества, в том числе среди русских, усилились антиимперские настроения. Людям хочется разойтись по национальным (этническим) квартирам и притаиться, пережить назревающий мировой кризис.

Вопрос стоит так: империя или развод на национальные государства. Надо выложить на стол все за и против каждого варианта, по возможности спокойно и честно объясниться.

С развалом СССР русский народ оказался разделенным между разными государствами. Это – очевидное и важное разделение в двух главных координатах нашей жизни, пространстве и времени.

С пространством ясно – основная масса русских оказалась в РФ, но большие части народа на территории других государств. Кто на Украине, кто в Латвии или Казахстане. В начале 90-х годов это казалось абсурдом, который вот-вот должен быть устранен. Латвия и Эстония вообще возникли к лоне Российского государства. В XIII веке славяне, латгальцы и эсты жили вперемешку, воевали то с Ливонским орденом, то со шведами, то между собой. Нынешняя Латвия вообще из-за ошибки в переводе старых ливонских хроник взяла себе славянский флаг – особый бело-синий флаг славянских дружин, которые входили в союз с немецким орденом. И вот, потомков тех славян оторвали от их народа и сделали гражданами (или даже негражданами) Латвии. Можно ли принимать это всерьез?

В 1991 г. это можно было не принимать всерьез – по инерции. Но сегодня мы должны оценить роль времени. Народ – система, находящаяся в непрерывном развитии. Она устойчива, но в то же время изменчива. Если существенно меняются условия жизни, меняется и этнический облик общности. В какой мере сказались последние 16 лет на облике русских, оставшихся за пределами РФ? В общем, очень значительно, хотя и в разной степени в зависимости от места. Что послужило самыми мощными силами, которые заставляли русских измениться?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить, какие силы формируют этничность, то есть ту матрицу, на которой воспроизводится народ. Во-первых, это государство. Особую роль государство играет, конечно, на стадии «рождения» народа. Потом он может даже утратить свою государственность, но продолжать свое существование в лоне другого государства, если оно это допускает. Например, под давлением обстоятельств Грузия вошла в состав России, и это было спасением для грузин – они сохранились и укрепились как народ. Россия и СССР этому не препятствовали. Теперь положение русских в различных

республиках вне РФ различно. Например, в Латвии государство явно стремится ослабить и «потушить» этническое самосознание русской части населения.

В какой степени русские могут сохранить в этих условиях свою «русскость»? В большой степени, но все равно это уже будет иная русскость. Государство воздействует на сознание человека огромным числом явных и невидимых сил, и уклониться от этого воздействия нельзя, а защититься трудно. Приходится идти на множество компромиссов. Например, не могут школьники не учить ту историю, которую им дают по программе, утвержденной государством. Как не отвергает ее сознание подростка, заученные образы действуют на подсознание.

Этническое сознание складывается под воздействием пространства. Русский в Латвийской ССР ощущал как свое пространство всего Союза – как и русский в РСФСР. Теперь положение этих двух русских общностей резко различается. Для русского в Латвии «своим» все больше становится пространство Евросоюза.

Важнейшее воздействие на этническое сознание оказывают контакты с «иными». Но у русских в РФ и в Латвии состав «иных», которые с ними тесно контактируют, резко различается. Соответственно, расходятся и профили этничности, которая формируется под влиянием этих контактов.

Наконец, мощной силой «созидания этничности» служит хозяйство. При том, что хозяйство и РФ, и Латвии вроде бы переходит на схожие рыночные рельсы, различия по структуре и масштабам экономики, типу отношений, образу жизни и множеству других признаков у русских по обе стороны границы различаются очень сильно.

И это – лишь малая часть «сил», которые лепят этнический тип русских, оказавшихся в разных государствах. Какие выводы из этого следуют? Прежде всего, надо отказаться от ложного убеждения, что все русские остались теми же, что и раньше, что между этими частями разделенного русского народа различия несущественны. Мол, «русский и в Африке русский». Лучше исходить из реальности и изучать, чем отличаются разные части русского народа и каковы тенденции этих различий.

Второй вывод: сохранение и воспроизводство «русскости» отделенных от главного тела народа частей требуют специальных и творческих усилий. Самопроизвольно этничность не сохраняется и не воспроизводится, она угасает. Если мы хотим держать Русский мир, требуется воля, труд и средства.

Вместо заключения

Наш народ в состоянии смуты. Длится она уже целый век. Лишь на короткое время прямой угрозы с Запада и большой войны XX века народ соединился в одну семью. Но для этого каленым железом выжгли инакомыслие – угроза заставила. Нам льстят, когда называют то время «казарменным социализмом». Это был «социализм окопный»! Но когда в тебя стреляют, окоп – самое лучшее место. Вокруг чего же мы тогда соединились в нашей земной жизни? В том, вокруг чего соединились, видимо, и была главная идея народа – она и есть русская идея.

Почему же только перед лицом угрозы уничтожения появилась в нас острая потребность соединения? Такая острая, что приняли и жертву коллективизации, и перегрузки индустриализации, и даже кровь ГУЛАГа. Здесь – одно из свойств русских, часть нашей идеи. Это свойство – потребность мыслить, быть духовным странником и землепроходцем. Мы постоянно отрицаем свое состояние, принимаем, хотя бы в мыслях, состояние «другого». Для такого перемещения мы всегда имели пространство. «Россия – избяной обоз», – сказал поэт. Крестьяне убегали от власти в казаки, а казаки становились государственниками и осваивали Сибирь и Америку. И никто не становился «человеком массы».

Мы отказываемся от этого лишь в самый крайний момент. Даже когда пришлось русским собраться в тоталитарное общество, это был тоталитаризм военного отряда, а не лагерного барака. Прошла смертельная опасность – и мы снова странники. Понятно, как дорого обходится всем нам эта роскошь – ничто так не губит наше благополучие, как всеобщее инакомыслие, эта наша свобода. Посмотришь, как удобно живет средний европеец и как он по-куриному мыслит, – и порой возникает соблазн: хоть бы какой-нибудь черт вышиб из наших голов это постоянное «отрицание отрицания». Поменял бы радость и мучение непрерывной мысли и сомнений на сытый комфорт.

Сохраним ли мы эту главную русскую волю? Гарантии нет. Уж очень большие силы нас подтачивают и соблазняют – и нужда, и телевидение, и учебники Сороса. Гарантии нет, но надежда есть. Пока что человек держится – Пушкин помогает и нужда ведь не только отупляет, но и просвещает. Да и Церковь православная подставила плечо, хотя, вроде, не ее это дело – поощрять свободомыслие. Но такую уж вырастила она на нашей земле культуру, что сделала русского человека соборной личностью, а не индивидом, не механическим атомом человечества. Самой Церкви, видно, трудно приходится с таким человеком, но, спасибо ей, не снижает духовного требования, не укорачивает человека.

Вот первая ипостась русской идеи: человек – личность. Поднявшись до соборности, осознав ответственность, ограничив свободу любовью, он создает народ. А значит, он не станет человеческой пылью и в то же время не слепится в фашистскую массу индивидов, одетых в одинаковые рубашки («одна рубашка – одно тело»).

Мы не замечаем даже самые великие ценности, когда они привычно нас окружают. Не замечаем же мы, какое это счастье – дышать воздухом. Так же жили мы среди наших людей и не замечали этого их чудесного свойства – каждый из них был личность. Он все время о чем-то думал и что-то переживал. Посмотрите на лица людей в метро. Не боясь окружающих, люди уходят в себя, и на лице их отражаются внутренние переживания. В метро Нью-Йорка все лица похожи на полицейских – все одинаковы, все вежливы и все настороже. Они как будто охраняют хозяина…

Сейчас многие русские хлебнули Запада и начинают трезветь, понимать то, что скрывали от нас реформаторы: главный смысл их дела – чтобы перестала наша земля и наша культура с детства растить человека как личность. И тогда устранена будет из человечества русская идея, к которой так тянутся люди, пока их не оболванят.

Угрозы для этой идеи сегодня очень велики. Сегодня разрушают условия ее сохранения и развития – хозяйство как материальную базу для жизни народа и культуру как матрицу, на которой народ воспроизводится в каждом новом поколении. Подтачивают те неброские вещи, которые хранят и передают детям смыслы нашей сущности,«– школу, литературу, песни. От нашей чуткости, ума и воли зависит, удержим ли мы оба эти фронта, пока вновь соберется с мыслями и силами народ.

Должны удержать, даже если какие-то отдельные стороны русской идеи мы понимаем по-разному. Возможно, мы вообще ее в словах никогда и не выразим. Одно ясно: эта идея жива, пока жив ее носитель – русский народ.

Литература

«Пришло время вновь заняться дефолтом 1998 года». Росбалт, http://www.rosbalt.ru/, 04.06.2008. Госдума РФ. Мониторинг СМИ. 5 июня 2008 г.

«Тарифы поставки электрической энергии на оптовый рынок на 2008 г.» – http://www.irkutskenergo.ru/gi/2381.

Levi-Strauss C. Antropología estructural: Mito, sociedad, humanidades. México: Siglo XXI Eds. 1990.

Алексеева Л.С. Бездомные как объект социальной дискредитации. СОЦИС. 2003, № 9.

Батыгин Г.С. «Социальные ученые» в условиях кризиса: структурные изменения в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук. – В кн. «Социальные науки в постсоветской России». М.: Академический проект, 2005.

Бауман З. Возвышение и упадок труда. – СОЦИС. 2004, № 5.

Беляков А.А. Стратегические проекты России в условиях кризиса. – «Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование». 2009, т. 2, вып. 3.

Бир. Ст. Кибернетика и управление производством. М.: Наука. 1965.

Бирман И. Взгляд на российскую экономику с Запада. – «Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития». М.: Интерпракс. 1994.

Буайе Р., Бруссо Э., Кайе А., Фавро О. К созданию институциональной политической экономии. – Экономическая социология. 2008, т. 9, № 3 (http://ecsoc.hse. ru/data/190/589/1234/1ecsoc_t9_n3.pdf).

Буровский А.М. После человека. – «Постчеловек». М.: Алгоритм, 2008.

Валлерстайн И… Россия и капиталистический мир-экономика, 1500–2010. – «Свободная мысль». 1996, № 5.

Визгунова Ю.И. Безработица в Латинской Америке в условиях неолиберальных реформ. – СОЦИС. 2004, № 8.

Гайсина Л. Авария на Нуреке не была засекречена. http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1256446860.

Голик Ю.В., А.И. Коробеев. Преступность – планетарная проблема. СПб.: Юридический центр. 2006.

Гражданкин А.И. – http://safety.moy.su/news/materialy…/200910-19.

Динамика социально-экономического положения населения России (по материалам «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения. 1992–2006 гг.»). // Информационноаналитический бюллетень Института социологии РАН. 2008. Вып. 2.

Захаров А.Н., Староверов В.В. Проблемность сельского предпринимательства. – В кн. «Социальные проблемы российского села. Книга II». М.: ИСПИРАН, 2009.

Зубова Л.Г. Социальное расслоение в России – «Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения». ВЦИОМ. 1995, № 3.

Иванец Н.Н., Кошкина Е.А., Киржанова В.В., Павловская Н.И… Демографические последствия роста наркомании и алкоголизма. – В кн. Россия: предпосылки преодоления системного кризиса. М.: ИСПИРАН. 2007.

Иноземцев В. On modern inequality. Социобиологическая природа противоречий XXI века. – «Постчеловечество». М.: Алгоритм, 2007.

Иноземцев В.Л. Парадоксы постиндустриальной экономики // Финансист. 2000, № 4 (http://www.postindustrial.net/doc/magazines/ article66.doc).

Кара-Мурза С. и Телегин С. Царь-Холод, или Почему вымерзает Россия. М.: Алгоритм-книга. 2003.

Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭ СО РАН. 2001.

Кордонский С. Социальная реальность современной России. – www.POLIT.ru/lectures/2004/05/11/kordon.html.

Коровицына Н.С. Россией и без нее: восточноевропейский путь развития. М.: Алгоритм-ЭКСМО. 2003.

Коэн С. И это называется реформой? – «Независимая газета», 1998, 27 авг.

Кульков В.М. Формирование смешанной экономики в России: есть ли шансы? – Шансы российской экономики. Вып. 2 (1997). С.

90–98.

Куртуа С. и др. Черная книга коммунизма. М.: Три века истории. 2001.

Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М.: ЛогосПрогресс. 2002.

Медведев Д. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации – http://www.kremlin.ru/transcripts/5979.

Медведев Д.А. Интервью немецкому журналу «Шпигель» 7 ноября 2009 г. – (http://kremlin.ru/news/5929).

Медведев Д.А. Россия, вперед! – http://kremlin.ru/ transcripts/5413.

Мишин Г. Необходим закон о борьбе с коррупцией в высших эшелонах власти//Уголовное право. 2002. № 7.

Найшуль В.А. Откуда суть пошли реформаторы – bilingua.ogi. ru/lectures/2004/04/21/vaucher.html.

Найшуль В.А. Проблема создания рынка в СССР. – В кн. «Постижение. Перестройка: гласность, демократия, социализм». М.: Прогресс. 1989.

Новиков А.И. Мещанство и мещане. Л.: Лениздат. 1983.

Обзор и анализ аварий и других нарушений в работе на электростанциях и в электрических сетях энергосистем за 1983 г. – М.: СПО Союзтехэнерго, 1984. Вып. 1 (ru.wikipedia.org/…/Нурекская_ГЭС).

Отчет о проверке эффективности и целевого использования государственных капитальных вложений за 2003–2004 годы, выделенных на реализацию подпрограммы «Переселение граждан Российской Федерации из ветхого и аварийного жилищного фонда», входящей в состав федеральной целевой программы «Жилище» – www.ach.gov.ru/bulletins/2005/archl2/04.

Патрушев В. Жизнь горожанина (1965–1998). М.: Academia. 2001.

Петраков Н., Перламутров В. Россия – зона экономической катастрофы. – Вопросы экономики. 1996, № 3.

Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Петроград. 1917.

Путин В.В. Выступление на открытии Всемирного экономического форума в Давосе. – http://www.premier.gov.ru/visits/ world/6095/events/3221/.

Путин В.В. Отчет Правительства перед Госдумой 6 апреля 2009 г. – http://www.rg.ru/2009/04/06/putin-duma.html.

Путин В.В. Россия. – Российская газета. 1999, 31 декабря.

Резников Л.Б. Российская реформа в пятнадцатилетней ретроспективе. – «Российский экономический журнал», 2001, № 4.

Римашевская Н.М. Бедность и маргинализация населения. СОЦИС. 2004, № 4.

Романов Н. Сонька на скорую руку – Литературная газета. № 20 (6120) 16–22 мая 2007 г. (http://www.lgz.ru/archives/html_arch/lg202007/Polosy/10_1.htm).

Соколовский Д. «А если гайки одинаковые ввесть…» – «Двигатель», 2006, № 4 (http://engine. aviaport.ru/issues/46/page28.htm).

Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль. 2003.

Столяров А.М. Розовое и голубое. – «Постчеловек». М.: Алгоритм, 2008.

Сурков В. Национализация будущего. «Эксперт» № 43 (537)/20 ноября 2006.

Сурков В. Русская политическая культура. Взгляд из Утопии. – http://www.kreml.org/opinions/152681586.

Филиппов П.С. «Элита России о настоящем и будущем страны. Книга 1». М.: ИСИ РАН. 4 января 1994 г. Интервьюер – Лапина Г.П.

Шкель Т. Ломать и строить. Государство начнет масштабный капремонт ветхого жилья. – «Российская газета», № 4390 от 16 июня 2007 г. (http://www.rg.ru/2007/06/16/zhkh.htm).

Эксперимент доказал социально-экономическую опасность налога на недвижимость. – http://exposaw.ru/552.

Эмсден А., Интрилигейтор М., Макинтайр Р., Тейлор Л. Стратегия эффективного перехода и шоковые методы реформирования российской экономики. – Шансы российской экономики. Анализ фундаментальных оснований реформирования и развития. Вып. 1. М.: Ассоциация «Гуманитарное знание». 1996.

Яковлев А.Н. «Поиск». 1992, № 7.

Яковлев А.Н. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. М.: Новости. 1991.